

ЛЕХАИМ N 12 (212)

ДЕКАБРЬ 2009г.

КИСЛЕВ 5770

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2009 КИСЛЕВ 5770 – 12(212)
ЗДОРОВЬЕ ТЕЛА, СОЗНАНИЯ И ДУХА.

Составитель Шолом-Бер Вайнберг

О диете, питании и окружающей среде

О выборе диеты.

Важно не столько то, какие именно продукты Вы употребляете в пищу (при соответствии их требованиям кашрута), а то, с какой целью Вы их употребляете. Не стремитесь получить от пищи удовольствие; есть нужно, чтобы утолить голод и быть здоровым, – это позволит Вам творить добрые дела (см.: Шульхан арух, Орах Хаим, гл. 231, где говорится, что все действия человека должны осуществляться во имя Б-жье).

<...> Согласно каббале и хасидскому учению, вегетарианство запрещено, так как каждый из нас обязан очищать и возвышать положенную ему меру еды, – отвергая какой-то вид еды, человек тем самым не способен очистить и возвысить ее. Единственное исключение возможно для людей особой, уникальной святости (см. также Сихот кодеш 5723, с. 402).

О надлежащей диете, воздухе и сне.

<...> В соответствии с волей Того, кто вершит чудеса и соединяет тело с душой, бытие тела и его связь с душой, без которой жизни не существовало бы, зависит от двух вещей^[1]: 1) крови – продукта переваривания потребляемой человеком пищи –

и воды; 2) воздуха, которым дышит человек[2]. Эти функции обеспечивают дыхательное горло и пищевод; два органа разъединены, чтобы было возможно надлежащим образом производить ритуальный забой животных[3].

Хотя воздух, пища и питье необходимы для жизни человека, между ними есть различие. Мы едим и пьем только в определенные часы. Как комментируют наши мудрецы (Йома, 75б): «Вначале еврейский народ был похож на клюющих цыплят, пока не пришел Моше и не установил время для еды». То же говорит и Рамбам (Мишне Тора, Деот, начало гл. 4): «Человек не должен есть, пока не голоден, и не пить, пока не жаждет».

Дыхание же должно быть непрерывным (как это обычно и бывает). Так, наши мудрецы говорили, что человек может прожить семь дней без еды и питья (Рамбам, Мишне Тора, Законы клятв, 5:20). Но если он не дышит даже самое короткое время, то умрет (см. комментарии на Шульхан арух, Эвен а-эзер, 17:32; респонсы Цемах Цедека, Эвен а-эзер, респонсы 68–70, а также источники, приводимые в Сдей Хемед, Клалим, Го, разд. 108, где определяется продолжительность этого времени).

Отсюда логически следует, что раз еда и питье поддерживают тело и его связь с душой, то перевариваемые человеком еда и питье должны отвечать этой функции. Более того, качество пищи влияет на качество тела в целом и на его связь с душой в частности.

<...> Далее, в иные моменты из-за слов и мыслей человека съедаемая им пища, в отдельных случаях не запрещенная (например, когда человек умерщвляет животное как жертву, приносимую горам; Хулин, 39б), проходит нежелательные изменения. Так, мать Ахера (Элиши бен Авуи, великого талмудического мудреца) приняла участие в трапезе, предназначенной для жертвы идолу, поэтому ее сын стал вести непристойный образ жизни (Рут раба, 3:13).

Нельзя сказать, что поведение Ахера стало наказанием за проступок его матери и естественным следствием духовной природы еды, – его мать не допустила прегрешений, когда разделила трапезу. В то время она была беременна и почувствовала запах еды. В этом случае следовало предложить ей пищу и позволить ее есть (Йома, 82а)[4], – в самом деле, так велит поступить мицва[5].

Вряд ли можно отнести принесение жертвы к служению лжебогам, применительно к которому действует принцип «умри, но не соверши грех». Кроме того, слова «они дали ей от той еды, и она ела ее» предполагают, что они именно дали ей еду, то есть она неспособна была есть самостоятельно.

Поэтому приходится сказать, что даже если элемент наказания имеет место, здесь налицо естественная причинно-следственная связь. Поскольку пища запрещена, она определенным образом меняет человека, принимающего ее. Тем не менее в ситуации, когда человеческой жизни угрожает опасность, мицва требует, чтобы он принял пищу, даже если при этом возникнут нежелательные последствия.

Причинение себе малого ущерба потреблением запрещенной пищи можно сравнить с хирургической операцией, когда удаление конечности спасает тело[6].

В целом же, если еда запрещена, душа отвращается от нее, и потребление пищи не означает ее вкушения. Это относится даже к тому случаю, когда человек ест, не зная,

что эта пища запрещена, как пишет Рамбам^[7] (Мишне Тора, Законы Терумот, 10:10, основываясь на Иерусалимском Талмуде, Терумот, 6:2).

Если вышесказанное относится к еде и питью, то еще больше – к воздуху. Воздух должен быть здоровым и чистым, как физически, так и духовно, чтобы человек был здоров и полноценно развит как в физическом, так и в духовном смысле. Наши мудрецы дали нам несколько примеров: «Воздух Эрец-Исраэль делает человека мудрым» (Бава батра, 158б), «воздух <над местом> башни <Вавилонской> пробуждает забывчивость» (Сангедрин, 109а).

Относительно действия воздуха на здоровье тела сказано в Берешит раба (34:15): «На что похож воздух этого места?» И в Зоар (т. III, с. 10а): «Тварные существа отличаются внешним видом из-за разницы в воздухе, соответствующем тому или иному месту».

Верно, однако, что в этих двух источниках слово «авир», переведенное как «воздух», можно также перевести как «климат». Этот смысл слова «авир» мы обнаруживаем в Берешит раба (34:15) : «Вот завет, заключенный с “авирот”, где речь идет о “климате”». В Талмуде, однако, я пока не нашел слова «авир» в значении «климат».

О роли врача.

Вывод, который можно сделать из главы «Кдошим», имеет отношение к свойству месяца ияр, отмеченному в трудах Аризаля: слово «ияр» составлено из начальных букв речения: «Я Г-сподь, целитель твой».

Мысль «Я Г-сподь, целитель твой» воплотилась в месяце ияр. Свидетельствует об этом то, что в месяце ияр обновляется природа, зацветают деревья. То есть это лучшее время для здорового тела. Даруемое в месяце ияр здоровье – это скорее не выздоровление от болезни, а то, что человек не заболевает. Об этом прямо сказано в Писании: «ни одной из болезней, которые Я навел на Египет, не наведу на тебя, в первую очередь, ибо Я Г-сподь, целитель твой» (Шмот, 15:26).

Исцеление, дарованное Б-гом, приходит в этот мир через целителя из плоти и крови. По словам Торы, «пусть совершенно вылечит его». Эти слова наши мудрецы комментируют так: «Позволено целителю исцелять». Именно: целителю даны позволение и власть, чтобы целение Свыше передавалось через него к пациенту.

Поэтому существуют два рода целительства: 1) исцеление тех, кто уже болен; 2) создание условий, чтобы человек не заболел. Отсюда следует, что целительство, совершаемое врачом, получающим силу целительства Свыше, также имеет два аспекта: 1) лечение уже больных людей с помощью медицинских средств; 2) наставление, как вести человеку правильный и здоровый образ жизни, чтобы он не заболел.

Отсюда также следует, что уникальное свойство месяца ияр, воплощающее идею целительства от Б-га, по словам Торы: «Я Г-сподь, целитель твой», осуществляется и в исцелении, совершаемом человеком-врачом.

Поскольку человек излечивается силой Б-жьей, врач должен сочетать свой метод лечения с Б-жественной силой исцеления. Этот принцип выражается следующим образом.

1) Чтобы правильно лечить больного, врач должен быть уверен, что его чувство ответственности не подвержено влиянию личных мотивов и соображений. Для этого врачу нужно молить Б-га, чтобы Он освободил его от таких мотивов (что находит отражение во врачебной клятве). И конечно же, идеальный подход к профессии медика – это знание того, что через лечение больного врач выполняет миссию, возложенную на него Истинным Целителем.

2) Наряду с установлением диагноза и лечением физических болезней врачу следует заботиться о духовных и умственных болезнях. Он должен быть убежден, что пациент ведет праведный образ жизни, хотя тот и просит вылечить его только от физических болезней: духовное и умственное здоровье способствуют физическому. Все доктора согласны, что физическое и умственное здоровье неразрывны.

Например, когда врач велит пациенту избегать некоторых видов пищи, он сначала должен убедить его преодолевать соблазны, даже если еда вкусная. Если пациент не наделен достаточной духовной и интеллектуальной силой, чтобы преодолеть соблазны, то наставления врача окажутся бесполезными.

Таким образом, мы видим, что в лечении (которое ассоциируется с месяцем ияр) еврею следует отождествлять даже свои физические свойства с Б-гом: во-первых, исцеление человека приходит от Б-га, во-вторых, физическое здоровье связано с духовным.

Об астме.

<...> Вы пишете, что Ваш сын страдает от астмы, и это послужило причиной его отъезда из Эрец-Исраэль. Вы спрашиваете, разумно ли ему осесть в Бруклине.

Хотя я совсем не специалист в этой области, но слышал от многих, кто приехал в Бруклин по той же причине – страдая астмой: воздух в Бруклине не подходит таким больным. Им стоит ехать куда-то вроде Техаса...

Об искусственном ускорении роста растений.

<...> Относительно вопроса, который Вы задали в письме: следует ли повышать плодородие почвы с помощью электрического тока и т. д.

Меня удивляет, что никто до сих пор не предложил провести фундаментальные исследования, связанные с применением в пищу тех растений и злаков, чей рост искусственно ускорялся – посредством электричества, радиации, не говоря уж о достижениях в гидропонике.

Думаю, пора исследовать влияние такой пищи на людей, особенно тех, кто находится в стадии физического становления и быстро растет, то есть детей и молодежи.

Даже неспециалисту вроде меня представляется невероятным, чтобы методы ускорения роста растений с помощью технических средств, абсолютно им не соответствующих, не оказывали влияния на пищу, потребляемую человеком, который за тысячи лет привык есть только натуральные продукты. Тем более что результаты воздействия на организм потребления такой пищи будут накапливаться.

О проблемах с потреблением вина.

Отвечаю на Ваше письмо от <...>, а также на предыдущие письма, в которых Вы описываете неприятные последствия четырех бокалов вина на пасхальном седере.

Проконсультируйтесь с врачом; он наверняка посоветует Вам, как уменьшить последствия от употребления вина таким образом, чтобы это не повредило Вашему здоровью. Тогда впредь эти проблемы уже не будут Вас беспокоить.

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2009 КИСЛЕВ 5770 – 12(212)
**ХОРОШИЕ ЕВРЕЙСКИЕ ДЕТИ ДЛЯ
ХОРОШИХ ЕВРЕЙСКИХ РОДИТЕЛЕЙ**

Берл Лазар

Едва ли не ежедневная проблема – у меня и у всех других раввинов: приходят родители, жалуются на детей, просят совета, что с ними делать. Маленький ребенок – не слушается, ребенок постарше – не старается в школе. У юношей и девушек вообще порой появляются, не про нас будь сказано, проблемы с алкоголем и наркотиками... Конечно, большинство наших детей растут и развиваются нормально, но в нынешние времена, к сожалению, слишком много соблазнов и слишком много возможностей получить то, что не надо. Так что я могу понять тревогу даже тех родителей, которым дети вроде бы не доставляют особых забот.

Для нас, евреев, всегда было характерно повышенное внимание к проблеме воспитания детей. Естественно, дети для родителей главное сокровище. Есть история о еврейской маме, которая пришла к раввину и жалуется, что сын совсем от рук отбился. Простите, а сколько лет вашему сыну, спрашивает раввин. Восемнадцать, отвечает женщина. Раввин покачал головой: поздновато спохватились, вы должны были прийти ко мне 18 лет и 9 месяцев назад...

Недавно я читал лекцию по вопросам воспитания, и одна женщина спросила: почему в религиозных семьях так редко родители заводят домашних животных? Ведь чем плохо, если ребенок с раннего возраста привыкнет, например, заботиться о собаке или кошке, кормить его, выводить на прогулку? Это придаст ему ответственности, научит заботиться о тех, кто слабее тебя...

Вроде бы логика в этом есть. Тем более что существует даже специальная заповедь, требующая от нас заботиться о животных. Но здесь надо принять во внимание один важный момент. Чтобы начать заботиться о домашнем животном, ребенок должен сначала вырасти, а до того он просто будет смотреть на поведение животных. И если животные всегда находятся в доме, он будет от них учиться, потому что маленькие дети учатся всему, что видят! Наверяд ли в этом случае они научатся хорошему... Именно поэтому, когда в доме есть маленькие дети, верующая еврейская семья собак или кошек старается не заводить.

По той же причине мы всегда украшаем комнату маленького ребенка фотографиями наших учителей, портретами праведников. Сейчас во многих семьях принято вешать на стену в детской яркие постеры и плакаты с изображением звезд эстрады, спортсменов или героев кинофильмов. Между тем верующие родители знают, что картинка на стене – это не просто так: это образ, который ребенок запоминает, о котором думает и с которого берет пример. Мы можем ничего не иметь против известного эстрадного артиста или знаменитого футболиста, – но пусть лучше наши дети думают не о них, а о выдающихся еврейских умах. Конечно, в детской должны быть предметы еврейского культа и книги – даже если ребенок еще слишком мал, чтобы читать, он видит, с каким уважением относятся к книгам его родители, и сам приобщается к этому уважению.

Современная наука считает, что большинство проблем внутренней жизни человека закладывается в самом раннем детстве, а то и в период внутриутробного развития. Поэтому так важно с первых дней жизни младенца создавать вокруг него правильную атмосферу. Ребенок еще не умеет разговаривать, но все видит и очень многое понимает. Потом эти картины и это понимание уходят в подсознание человека и влияют на его взрослую жизнь.

Верующие евреи знали эту истину за много столетий до того, как ее сформулировали психологи. И еврейская мама стремилась воспитать ребенка так, чтобы в его душе всегда было уважение к учению, к знаниям, к духовным истинам. Духовная составляющая в воспитании несравненно важнее материальной.

Расскажу вам анекдот. Выбрали одного еврея президентом Израиля. Мама, конечно, сидит на церемонии инаугурации в первом ряду. Ее осаждают журналисты: поздравляем, расскажите, как вы рады, и сколько «нахас» вам доставил сын!.. А старушка отвечает: ой, мне куда больше «нахас» дал другой сыночек – он врач, профессор...

Если родители понимают это и если они решили начать воспитание ребенка в нужное время – прямо с рождения, можно предложить им три основных принципа, соблюдение которых обязательно даст хороший результат.

Первый принцип: нельзя с ребенком быть «добреньким», жалостливым. Надо сразу поставить высокую планку требований. Даже самому маленькому ребенку можно дать понять, что Б-г дал ему способности, поэтому с него и спрос большой.

Принцип второй: еврейские родители должны с самого начала задать ребенку шкалу жизненных приоритетов. Нельзя в семье все время говорить о деньгах – ребенок сделает вывод, что это самое важное в жизни, а человеческие качества не так значимы. Нельзя все время требовать от ребенка, чтобы он приносил из школы пятерки, и неважно, какими путями эти пятерки добываются – ребенок может вырасти карьеристом. И уж совсем недопустимо злословить дома о других людях – такое поведение сформирует у ребенка негативное отношение к окружающим и плохо скажется на его будущей социальной жизни.

Наконец, третий принцип: нельзя требовать от детей, чтобы они делали что-то такое, чего не желаешь делать сам. Известная из шуток и анекдотов формула: «Делай то, что я говорю, а не то, что я делаю» с детьми никогда не работает. Чтобы быть спокойными за детей и уверенными в них, родители должны придерживаться другой формулы: «Веди себя при ребенке так, как ты хотел бы, чтобы он себя вел».

Но это уже тема для отдельного разговора – в следующем номере журнала.

НЕКОТОРЫЕ ОБЫЧАИ ПРАЗДНИКА ХАНУКА

Евгений Левин

Большая часть законов и обычаев так или иначе связана с главной заповедью этого праздника – зажиганием свечей в память о чуде с кувшинчиком масла, которое произошло в Иерусалимском Храме вскоре после изгнания греков и их приспешников. Широко известны и другие ханукальные обычаи: например, в эти дни едят блюда, приготовленные на масле. Мы поговорим о менее известных обычаях, связанных с Праздником огней.

На протяжении столетий любимым ханукальным развлечением была игра в дрейдл, или савивон, – специальный четырехгранный волчок с изображенными на нем буквами еврейского алфавита. Однако в прошлом во многих ашкеназских общинах существовало и другое, не менее популярное ханукальное развлечение – карточные игры. Впервые этот обычай упоминается уже в XV веке, в респонсе рава Якова Вайля (умер до 1456 года).

Отношение раввинов к ханукальным картам было далеко не однозначным. Уже упомянутого рава Вайля это ничуть не смущало. Но в некоторых общинах разрешалось играть в карты только в дни Хануки. Например, такого обычая придерживались евреи Галиции. Как вспоминал известный идишский писатель Герман Ледер, выросший в галицийском местечке Рейша (Reishe/Rzeszow), «всякое баловство и дурачество было нам совершенно чуждо. Мы никогда не занимались подобными вещами и даже не вели никаких пустых разговоров, за исключением дней Хануки. Тогда мы прекращали учебу на несколько часов и садились играть в карты или смотреть, как играют другие».

Нельзя сказать, что все раввины одобряли ханукальное картежничество. Так, уже рав Исраэль Иссерлин (Австрия, 1390–1460) решительно возражал против этого обычая, поскольку игра обычно шла при свете ханукальных свечей, которые, как известно, запрещено использовать в утилитарных целях. Рав Мешулам-Элиэзер Зуссман, возглавлявший во второй половине XVII века еврейскую общину

Франкфурта, нещадно штрафовал мужчин и женщин, проводивших ханукальные вечера за картами. В XIX веке рав Йехиэль Эпштейн писал, что «тот, кто играет на Хануку в карты, – наказание его велико, и по множеству наших грехов эта зараза расплодилось по всему дому Израиля» (Арух а-Шульхан, Орах Хаим, 670:9). Однако обычай оказался сильнее раввинов. Как с грустью отмечал рав Яир-Хаим Бахрах из Вормса (1638–1702), его отец, рав Шимон-Моше, пытавшийся запретить ханукальные карты, «не преуспел, ибо люди не согласились изменить свой обычай».

Кстати, стоит отметить, что, поскольку карты считались предметом роскоши и стоили довольно дорого, большинство евреев пользовались не покупными, а самодельными колодами, которые обычно изготавливали ученики хедера. В просторечье карты называли «квитлах» («записочки») или же «ламед-алефники» (по числу карт в колоде – тридцать одна). Впрочем, были и другие названия, которые современному читателю могут показаться несколько неожиданными: «кляйн шас» («маленький Талмуд») и «теилим» («псалмы»). Что же до самой игры, то, судя по сохранившимся описаниям, она напоминала «Black Jack».

Еще одним популярным развлечением были катовес – словесные головоломки и загадки, которые принято загадывать во время праздничной трапезы; они часто связаны с ханукальными свечами. Впервые этот обычай упоминается в респонсах рава Исраэля Иссерлина. В дальнейшем этот термин нередко встречается в ивритских и идишских источниках вплоть до XX века.

Несколько средневековых катовес приведены в книге «Лекет Мишне» рава Йосефа (Йоцла) из Гештата, где он описывает обычаи своего учителя рава Моше Иссерлина:

1. Сними с меня платье (бегед: бет-гимель-далет), и найдешь, сколько меня.

Йоцл (юд-вав-зайн-ламед) в гематрии 53; бет-гимель-далет – 9. Если из 53 вычесть 9, получится 44 – количество свечей, необходимых на 8 дней Хануки.

2. Если слуга упадет, его поднимают, а если хозяин упадет, никому и дела нет.

Эта загадка о законах зажигания ханукальных свечей; если гаснет служебная свечка – шамаш, можно зажечь ее снова, поскольку запрещено извлекать выгоду из самих ханукальных свечей. Однако, если гаснет одна из ханукальных свечей, зажигать ее снова необязательно, поскольку заповедь уже была выполнена, когда свечу зажгли в первый раз.

3. Шмерл, или Шмарья, написал: «Ве-шар Шмарья йехи рам шоршо» – «Шмария поет, да будет вознесен его корень».

Эти слова кажутся не имеющими смысла – если не обратить внимания на то, что перед нами палиндром: ושר שמריה יהי רם שורשו

Ханукальные катовес сегодня не слишком популярны. Думаю, было бы правильным попытаться возродить этот обычай.

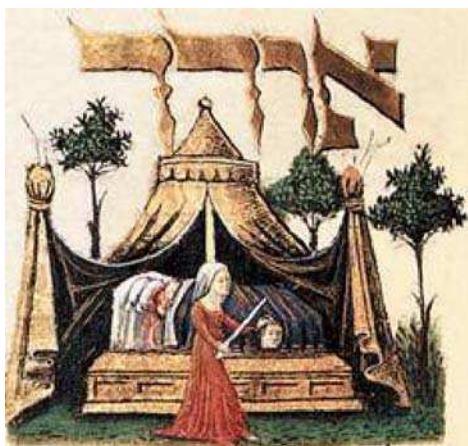
Закончив с развлечениями, поговорим о ханукальном меню. Помимо блюд, приготовленных на масле, во многих общинах было принято есть на Хануку сыр. Как писал рав Нисим Геронди (Ран), этот обычай возник в память о подвиге Йеудит

(Юдифи), которая «накормила вражеского полководца сыром и напоила его, а затем отрубила ему голову, после чего враги бежали». (Несколько иную версию этой истории приводит трактат неизвестного раввина из Прованса «Коль Бо» [начало XIV века]: дочь первосвященника Йоханана поднесла греческому царю «блюдо с сыром, чтобы он почувствовал жажду, напился и заснул».) Этот обычай был известен и в ашкеназских общинах.

Нетрудно заметить, что история, рассказанная равом Нисимом Геронди и «Коль Бо», напоминает сюжет апокрифической Книги Юдифи. Однако вряд ли обычай есть на Хануку сыр возник благодаря именно этой книге. Во-первых, в этом источнике сыр не упоминается – Юдифь просто спаивает греческого военачальника: «А Иудифь сказала: буду пить, господин, потому что сегодня жизнь моя возвеличилась во мне больше, нежели во все дни от рождения моего. И она брала, ела и пила пред ним, что приготовила служанка ее. А Олоферн любовался на нее и пил вина весьма много, сколько не пил никогда, ни в один день от рождения» (12:18-20). Во-вторых, еврейский оригинал Книги Юдифи не сохранился, и средневековые евреи о ней, вероятно, не знали. Так что первоисточником в данном случае, скорее всего, послужила средневековая еврейская поэма «История Йеудит», которая дошла до нас более чем в 80 версиях. Правда, в большей части их Юдифь просто поит Олоферна вином, однако по крайней мере в двух манускриптах упоминается и сыр, который еврейская девушка специально подала в качестве закуски, чтобы греческий военачальник почувствовал жажду и, дабы утолить ее, выпил побольше вина.

От материального перейдем к духовному. Как известно, в еврейский канон не вошло ни одного текста, повествующего о военных победах Маккавеев над греками. И мало кто знает, что в талмудическую эпоху неизвестным автором был написан так называемый «Свиток Антиоха» («Мегилат Антиох»), повествующий о военных успехах Хашмонеев. Помимо сведений из Маккавейских книг и трактата «Шабат» (21б), свиток содержит множество различных легенд, не упомянутых ни в каких источниках.

Первое упоминание о «Свитке Антиоха» мы находим в книге «Алахот гдалот» вавилонского раввина Шимона Каяры (около 825 н. э.). По его мнению, «Свиток» был написан еще в эпоху Второго храма: «Старейшины школы Гилеля и школы Шамая написали “Мегилат Бейт Хашмонай” (“Свиток дома Хасмонеев”)...» Знаменитый философ Саадья Гаон (882–942) перевел «Свиток» на арабский. Позднее появились переводы на иврит и другие языки.

Юдифь. Иллюстрация из манускрипта Ротшильда. Северная Италия. 1450–1480-е годы

В разное время в некоторых общинах существовал обычай читать «Свиток Антиоха» в синагогах во время Хануки (подобно тому, как в Пурим читают Книгу Эстер). Об этом обычае упоминает, к примеру, рав Йешаяу Трани (около 1200–1260), живший в византийской Италии. По его словам, «в тех местах, где есть обычай читать на Хануку “Свиток Антиоха”, не следует произносить перед чтением никаких благословений, поскольку это не заповедь». «Свиток Антиоха» вошел в переводе на иврит в опубликованный в Крыму в 1735 году «Махзор Кафа», и о нем сказано: «Принято читать “Свиток Антиоха” во время субботней дневной молитвы после кадиша, дабы способствовать публичному прославлению чуда». Несколько иной обычай существовал в Йемене и Сахаре, где свиток читали во время утренней субботней молитвы: в Йемене – сразу после афтары, а в Африке – после чтения Торы. Причем и там и там это чтение, по мнению некоторых раввинов, было важной частью заповеди пирсума де-ниса – прославления чуда.

Сегодня «Свиток Антиоха» не читают уже почти нигде. Причем, поскольку речь идет о явно недостоверном и легендарном источнике, едва ли имеет смысл возрождать этот обычай в его первоизданном виде. Однако не стоит забывать, что сегодня в нашем распоряжении есть гораздо более достоверный источник, повествующий о военных победах над греками, – Первая книга Маккавеев. Этот текст написан очевидцем событий на иврите и в Стране Израиля. Возможно, следует подумать о том, чтобы ввести обычай читать эту книгу во время Хануки – если не публично в синагогах, то, по крайней мере, дома. Это не только возродило бы древний обычай, чтение, но также способствовало бы популяризации самого древнего свидетельства о восстании Хасмонеев. А кроме того, исполнило бы одну из главных заповедей праздника Хануки – прославление чуда, которое Всевышний совершил «в дни Матитьяу, сына Йоханана Хасмоня, первосвященника, и его сыновей».

ХАСМОНЕЙСКАЯ ДИНАСТИЯ И МУДРЕЦЫ

Ицхак Стрешинский

Хасмонеи руководили восстанием против Селевкидской Сирии, начавшимся в 167 году до н. э., а затем были правителями еврейского государства на протяжении более чем ста лет. В этой статье мы приведем краткий обзор истории этой династии и выясним, как относились еврейские мудрецы к ее представителям.

Йеуда Маккаби, победитель. Гравюра Г. Доре

Происхождение родового имени «Хасмонеи» – на иврите «Хашмонаим» или «Бейт-Хашмонай» («дом Хасмонеев») – не установлено с полной определенностью. Иосиф Флавий производит его от имени прадеда Матитьяу, родоначальника династии, поднявшего знамя восстания. Отметим: в Первой книге Маккавеев упоминаются только имена отца и деда Матитьяу и то, что он был коеном из рода Йегоярива, а имя его прадеда не упоминается. Исследователи видят связь этого имени с городом Хашмон в Иудее.

Хасмонеев часто называют Маккавеями (на иврите «Маккабим»), однако изначально слово «Маккаби» было личным прозвищем Йеуды, одного из сыновей Матитьяу. Именно Йеуда Маккаби (Маккавей) возглавил повстанцев после смерти отца, и после победы его армии над греческими поработителями и их еврейскими союзниками в 164 году до н. э. и был учрежден праздник Ханука. Освободив Храмовую гору, повстанцы очистили оскверненный греками жертвенник и возобновили служение

в Храме. Освящение жертвенника продолжалось восемь дней. В талмудических источниках упоминается также чудо с единственным неоскверненным сосудом масла, которого хватало на один день, но после того, как победившие повстанцы зажгли его, оно горело восемь дней.

После событий, ставших причиной учреждения праздника, борьба продолжалась. Йеуда Маккаби нанес несколько поражений селевкидским войскам, но силы были неравны, и он пал в бою в 160 году до н. э. После гибели Йеуды борьбу возглавили его братья Йонатан и Шимон. Йонатан воспользовался борьбой за власть между различными селевкидскими правителями, каждый из которых, стремясь обеспечить себе спокойный тыл, пытался заручиться поддержкой командира еврейских отрядов. В 152 году до н. э. Александр Балас, один из тех, кто боролся за власть в Селевкидском государстве, назначил Йонатана первосвященником и пожаловал ему титул «друг царя». С тех пор Хасмонеи удерживали за собой пост первосвященника. Кроме того, различные претенденты на власть отдали под контроль Йонатана и Шимона разные районы Эрец-Исраэль (Экрон, прибрежная полоса, юг Самарии).

В 143 году до н. э. селевкидский военачальник Трифон коварством захватил Йонатана, а затем и убил его. После его гибели сопротивление возглавил Шимон. В 142 году до н. э. Деметрий II согласился освободить Иудею от уплаты дани, что фактически означало признание ее независимости. Шимону удалось изгнать противника из его последних оплотов в стране, в том числе и из иерусалимской цитадели Акра. В 140 году до н. э. Великое собрание в Иерусалиме провозгласило Шимона правителем и первосвященником «навек, пока не придет истинный пророк» (Первая книга Маккавеев, 14:41). То есть власть потомства Шимона должна была продолжаться, пока не возобновится пророчество и не наступит период мессианского Избавления. Скорее всего, эта формулировка была компромиссом между Шимоном и мудрецами Торы, которых называли «прушим» («фарисеи»). Считалось, что Шимон и его династия не выполняют мессианскую функцию и их власть не представляет собой часть мессианского Избавления. По-видимому, так полагал и сам Шимон, иначе он не согласился бы на такую формулировку.

В 135 году до н. э. Шимон и два его сына, Матитьяу и Йеуда (судя по всему, названные в честь его отца и брата), были предательски убиты в Иерихоне зятем Шимона, пытавшимся захватить власть. Еще одному сыну Шимона, Йоханану, при поддержке народных масс удалось одержать верх и стать следующим правителем Хасмонеийской династии. Йоханан Гиркан (135–104 годы до н. э.) значительно расширил границы Хасмонеийского государства, используя для этого и наемные части. Он завоевал значительную часть Заиорданья и покорил эдумеев, заставив их принять еврейскую веру. Кроме того, Йоханан Гиркан овладел Самарией и разрушил святилище самаритян на горе Гризим. В конце своего правления Йоханан Гиркан принял сторону цадоким (саддукеев) – группы, к которой принадлежали военная знать, крупные землевладельцы и отдельные коены. Они отрицали Устную Тору, понимая то, что написано в Торе, буквально. Тогда же начался конфликт Хасмонеев и прушим.

Сын Йоханана Гиркана Йеуда Аристокбул (104–103 годы до н. э.), согласно Иосифу Флавию, стал первым правителем Хасмонеийской династии, который объявил себя царем. При нем была завоевана Галилея. Еще больше границы Хасмонеийского царства расширил Александр Янай (103–76 годы до н. э.), брат Аристокбула и сын Гиркана. Он завоевал приморские территории от горы Кармель на севере до границы с Египтом на юге и территории на восточном берегу Иордана. При нем разразилась гражданская война, в которой царю, ставшему сторонником цадоким, противостояли

широкие массы еврейского населения под руководством пружим. В этой гражданской войне погибло не менее 50 тыс. евреев.

В Вавилонском Талмуде (Кидушин, бба) упоминается инцидент, ставший причиной конфликта между Янаем и мудрецами. Завоевав шестьдесят городов, царь Янай очень обрадовался, созвал всех мудрецов еврейского народа и устроил пир. Нечестивец и насмешник Эльзар бен Поира посоветовал Янаю появиться перед мудрецами в венце первосвященника. Когда тот последовал его совету, один из присутствующих, старец Йеуда бен Гдидья, сказал ему: «Царь Янай, достаточно тебе царской короны, оставь корону первосвященства потомству Аарона». Он произнес это потому, что говорили, будто мать Яная была в плену, а в таком случае ее сын не может выполнять службу коена. Начали искать подтверждение этому слуху и не нашли его. В гневе Янай прогнал мудрецов, а после этого по совету Эльзара бен Поиры стал преследовать их. Отметим, что Иосиф Флавий приводит в «Иудейских древностях» похожую историю о конфликте отца Яная, Йоханана Гиркана, с мудрецами и указывает ту же причину, которая упомянута здесь.

После смерти Александра Яная власть перешла к его жене Шломцион (76–67 годы до н. э.). Согласно Талмуду, мудрец Шимон бен Шатах был братом царицы Шломцион и пользовался большим влиянием при дворе. Когда отношение Яная к пружим ухудшилось, Шимона бен Шатаха спрятала царица, его сестра. Во время правления Шломцион Шимон бен Шатах и вернувшийся из изгнания Йеуда бен Табай восстановили судебное и религиозное руководство мудрецов и приняли ряд важных постановлений.

После смерти Шломцион началась междоусобная война между ее старшим сыном Гирканом и младшим сыном Аристубулом. В 63 году до н. э. обе враждующие стороны обратились за помощью к римскому полководцу Помпею, и тот воспользовался этим, чтобы подчинить Иудею Риму. При вступлении войск Помпея в Эрец-Израэль выявилось различное поведение двух враждующих братьев: сторонники Гиркана открыли перед войском Помпея ворота Иерусалима, а приверженцы Аристубула три месяца удерживали Храмовую гору. Римляне оставили за Гирканом титулы первосвященника и этнарха, но упразднили царскую власть и отторгли значительные территории от бывшего Хасмонейского царства. В окружении Гиркана большим влиянием стали пользоваться эдумей Антипатр и его сын Ирод, именуемый в еврейских источниках Гордусом.

В последующие годы было несколько неудачных восстаний против римлян, возглавляемых Аристубулом и его сыном Александром. Последнюю попытку восстановить прежнее величие Хасмонейской династии предпринял второй сын Аристубула – Матитьяу Антигон (40–37 годы до н. э.). Воспользовавшись враждой парфян с Римом и овладев с их помощью Иерусалимом, он стал царем и первосвященником. Матитьяу Антигон выпустил монету с изображением меноры – в ознаменование победы Хасмонеев. Копию этой древней монеты можно увидеть на современной израильской монете достоинством 10 агорот.

В 37 году до н. э. римские войска взяли Иерусалим после длительной осады. Матитьяу Антигон был казнен, и римляне возвели на престол Ирода. Желая, чтобы евреи относились к нему не как к чужаку, а как к законному царю, Ирод решил породниться с династией Хасмонеев и женился на Мирьям, внучке Гиркана и Аристубула. В 29 году до н. э. Мирьям была казнена по приказу Ирода, который уничтожил также ее брата, деда Гиркана и мать. А в 7 году до н. э. Ирод казнил своих

сыновей от Мирьям, Александра и Аристобула. Последним правителем Иудеи, имеющим отношение к Хасмонеям, был внук Ирода и Мирьям, царь Агриппа I (41–44 годы), которого, в отличие от других представителей династии Ирода, евреи любили, видя в нем потомка династии Хасмонеев.

После краткого обзора правления династии Хасмонеев попробуем выяснить, верно ли распространенное представление о том, что мудрецы пытались предать забвению героизм Хасмонеев и не упоминают их в талмудических источниках или упоминают только в негативном контексте. Начнем с того, что события и даты, связанные с Хасмонеями, неоднократно упоминаются в «Мегилат Таанит» («Свиток [дней, запрещенных для] поста»). Это сочинение на арамейском языке, представляющее собой список 36 дней, ознаменованных благоприятными для евреев историческими событиями и потому запрещенных для поста, было написано или окончательно отредактировано, по-видимому, незадолго до разрушения Второго храма. Согласно Талмуду (Шабат, 18б), авторами «Мегилат Таанит» были мудрецы, и это сочинение можно считать полноправной частью литературы мудрецов.

Хотя в талмудических источниках сообщается, что первосвященник Йоханан (Йоханан Гиркан) в конце жизни стал саддукеем, кое где о нем отзываются с почтением. Вавилонский Талмуд (Мегила, 11а) упоминает Хасмонеев среди спасителей еврейского народа в эпоху греческого владычества. В Мишне (Мидот, 1:6) сообщается, что Хасмонеи спрятали камни жертвенника, оскверненные греками. В арамейском переводе-толковании книг Пророков (Таргум Йонатан) стих: «Луки героев ломаются, а слабые препоясываются силою» (Шмуэль I, 2:4) разъясняется как пророчество о том, что луки македонян будут сломлены, а для Хасмонеев, которые были слабы, будут совершены чудеса и они победят. Годы правления Шломцион и Шимона бен Шатаха представлялись как годы благословения и благополучия, когда «дожди выпадали с ночи на субботу до ночи на субботу и семена стали размером с золотой динар» (мидраш Сифра, глава Бехукотай).

Завоевание Иерусалима Иродом Великим. Миниатюра Жана Фуке из трактата И. Флавия «Иудейские древности». 1470–1475 годы

Теперь, когда мы привели примеры того, что Хасмонеи не были преданы забвению в талмудической литературе, можно спросить, почему не обсуждаются в Мишне законы Хануки? Существует мнение, что рабби Йеуда а-Наси (около 135–220),

составитель Мишны, не мог публично обсуждать законы национального праздника Ханука из-за римской цензуры. По той же причине в Мишне не выражена надежда на приход Машиаха из дома Давида. Между тем Пурим, возможно, казался римлянам далекой по времени политической интригой, а не событием национального масштаба, имеющим актуальное значение, поэтому с обсуждением законов этого праздника не возникало проблем. Кроме того, Ханука уже упоминалась в «Мегилат Таанит», составленной раньше, чем Мишна. Законы Хануки можно также сравнить с теми, которые связаны с цицит, тфилин и мезузой, ибо Мишна не обсуждает их в особых трактатах. Рамбам пишет, что эти законы были общеизвестны во время составления Мишны, поэтому рабби Йеуда а-Наси не видел смысла обсуждать их (см. Комментарий Рамбама к Мишне, Менахот, 4:2). По-видимому, то же можно сказать и о законах Хануки.

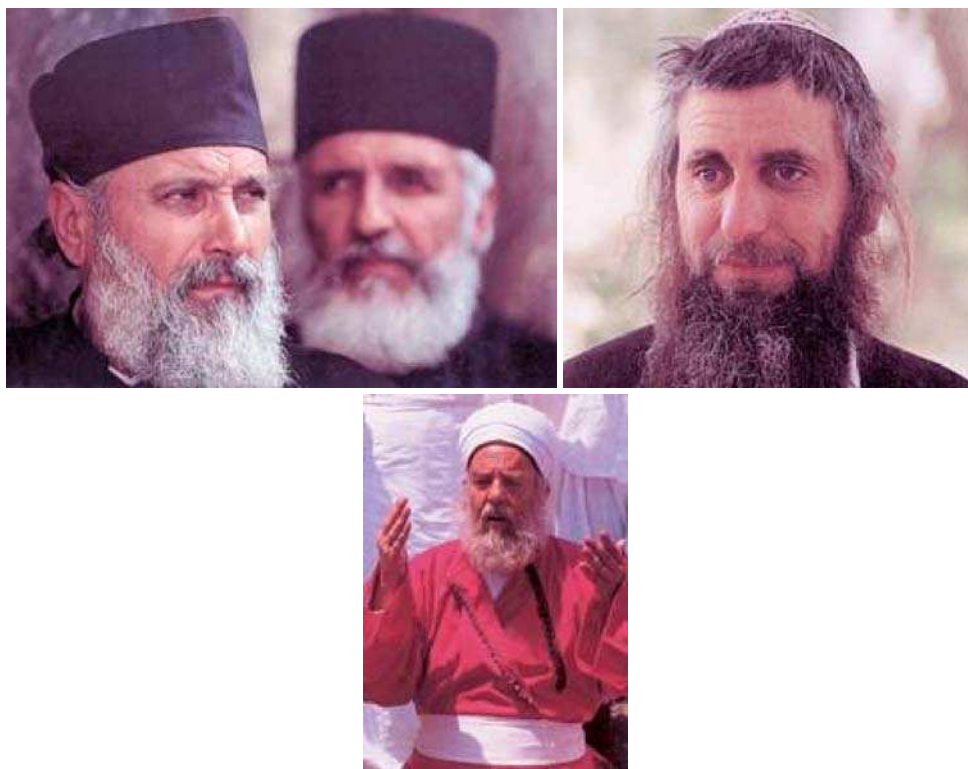
Формулировка, сопровождающая назначение Шимона Хасмонея, а также и то, что ничего не сообщается о конфликтах с ним мудрецов, позволяет предположить: мудрецы считали власть Хасмонеев легитимной, поскольку она была временной и без мессианских притязаний. И во время описанного в Талмуде конфликта с Янаем ему также говорили, чтобы он довольствовался царской короной, не прельщаясь венцом первосвященника, а в дни царицы Шломцион мудрецы были частью руководства страны. Нельзя согласиться, на мой взгляд, и с мнением тех исследователей, которые приписывают мудрецам антимилитаристские взгляды и считают, что причиной их конфликта с Янаем были его многочисленные войны. Так, нам не известны протесты мудрецов в дни царицы Шломцион, хотя она продолжала военные кампании. Да и упомянутая ссора мудрецов с Янаем произошла на пиру, где праздновали его победы. Все это позволяет прийти к выводу, что мудрецы преследовали цель исправить общество, а не отделиться от него. Так, Шимон бен Шатах находился в окружении царя Александра Яная, пока считал, будто можно что-то исправить. Несмотря на все проблемы, которые были у мудрецов с некоторыми правителями Хасмонеиской династии, нет свидетельств о том, что мудрецы, подобно Кумранской общине, предпочитали отделение от общества и отшельничество.

СПОР ИЗРАИЛЯ С НАРОДАМИ МИРА

Йоэль Кан

Много, много столетий длится спор Израиля с народами мира – сложный философский спор. Его исходная точка – казалось бы, чисто теоретический вопрос: распространяется ли Б-жественное Провидение (ашгаха пратит) абсолютно на все сущее и происходящее в сотворенном мире, даже на самые незначительные создания и на их нужды? Однако последствия этого спора имеют совершенно конкретное, практическое значение: что означает понятие «служение Всевышнему»? Только ли совершение четко определенных, заранее заданных действий или совершается также иным образом?

Учение хасидизма открывает, что такой же спор происходит и в душе каждого еврея.

В учении хасидизма по разным поводам говорится об извечном споре мудрецов народа Израиля с философами народов мира и рассматриваются различные аспекты этого спора. Тема его – вопрос о сущности Б-жественного Провидения. Еще царь Давид поэтически выразил суть этого вопроса в своей книге «Теилим». «Возвышен над всеми народами Г-сподь, над небесами Слава Его» (Теилим, 113:4) – это говорят народы мира, а евреи, в отличие от них, утверждают: «Кто подобен Г-споду, нашему Б-гу, восседающему высоко, опускающему взор Свой, чтоб видеть все на небесах и на земле!» (Теилим, 113:6-7).

В свое время среди народов мира было очень распространено представление о том, что «покинул Г-сподь эту землю» (Йехезкель, 8:12, 9:9). Оно кажется человеческому разуму вполне логичным. И действительно: разве можно вообразить,

что Б-гу есть дело до всего, что происходит здесь, на земле?! «Возвышен над всеми народами Г-сподь», – аргументировали философы, – недостойно Его величия опускаться до уровня этой жалкой земли и этого убогого человечества, чтобы заниматься делами столь ничтожных созданий и входить в их интересы. Творец – «над небесами Слава Его»: лишь высшие духовные миры достойны Его внимания, лишь «воинство небесное» – сияющие светила вроде Солнца и Луны, а также блестящих звезд, лишь святые и чистые ангелы входят в сферу Его наблюдения. По мнению мудрецов народов мира, лишь столь возвышенными вопросами приличествует заниматься Всевышнему.

Еврейское же мировоззрение совершенно иное. Мудрецы Торы убеждены, что ни в коем случае нельзя проводить различие между «воинством небесным» и «воинством земли» в плане проявления по отношению к ним Б-жественного Провидения. Для Всевышнего самое высокое духовное создание не отличается от самого ничтожного создания на земле. И поэтому, обсуждая отношение Святого, благословен Он, к Его миру, подчеркивают, что Б-жественная ашгаха пратит обращена абсолютно на все и объемлет все Творение целиком, со всеми его мельчайшими частностями.

В чем корень ошибки нееврейских философов? В том, что им не удалось освободиться от понятий чисто человеческих и абстрагироваться от своего повседневного жизненного опыта. Иными словами, они (как правильно выразился один из основоположников современного материализма – впрочем, по совершенно иному поводу) «творят Б-га по своему образу и подобию», приписывая Ему собственные качества и способности. Эти мыслители не поняли, что эпитет «бесконечный» по отношению к Творцу следует понимать дословно, а не в переносном смысле. Что Б-жественное абсолютно свободно от каких бы то ни было форм, которые может представить себе человеческий разум, не способный отрешиться от пространственных представлений. Поэтому представление нееврейских мудрецов о Творце так или иначе связано с некоей «фигурой» – пусть даже чрезвычайно возвышенной и духовной, даже превосходящей человеческое воображение, но все же «фигурой». А неизбежное следствие такого представления – то, что высшие «формы» более близки к Б-гу, нежели низшие, не обладающие для Него никакой значимостью.

По сравнению с бесконечностью нет различия между единицей и миллиардом.

Истина, однако, в том, что Творец бесконечен в буквальном смысле этого понятия. Он выше любого представления о Нем и каких бы то ни было ограничений – как самого возвышенного, так и самого простого свойства. И именно поэтому все Творение имеет для Него совершенно равную ценность: оно абсолютно несоизмеримо с Ним и не обладает самостоятельным существованием.

Только математическое понятие «бесконечности» дает человеческому разуму хотя бы отчасти представление об этом. Так, это понятие означает, что по сравнению с бесконечностью нет никакого различия между самым маленьким числом и самым большим – например, между единицей и миллиардом. Они отличаются друг от друга лишь тогда, когда речь идет о сфере конкретных чисел, ограниченных своей величиной, – пусть даже чисто воображаемых. Тогда даже по отношению к миллионам миллиардов одна единица имеет значение: без нее это астрономическое число будет неполным, и точно так же дело обстоит с малыми масштабами: есть заметная разница, скажем, между числами 1 и 2. Причина проста: поскольку рассматриваются числа, ограниченные своей величиной, мы обязаны признать, что в каждом из них есть

определенное количество единиц, и из этого следует, что в числе 2 единиц вдвое больше, чем в числе 1, а в тысяче – их в тысячу раз больше. Поэтому, если сказать, что тысяча меньше, чем какое-то очень большое число, то из этого логически следует, что 900 – еще меньше, а 800 – еще меньше, и 100 – уже совсем мало по сравнению с ним. Но, с другой стороны, тогда существует разница даже между такими «мелочами», как числа 2 и 1: второе – еще дальше от исходного, чем 2. Однако, когда говорится о бесконечности в математическом смысле, все эти рассуждения теряют всякий смысл. Бесконечность – нечто совершенно иное, нежели любое – даже самое большое – число. И точно так же, как число 1 не имеет никакого значения для бесконечности, для нее в такой же мере не имеет никакого значения миллиард. Потому что и единица, и миллиард – числа, замкнутые в своих границах, а бесконечность не имеет никаких ограничений, никаких пределов.

Вот так и для Всевышнего нет ни малейшего различия между самыми высокими и самыми низкими из Его созданий. Говоря, что только самые великие, самые возвышенные и чистые из созданий удостоиваются определенного значения в глазах Всевышнего, мы тем самым допускаем, что они обладают какой-либо степенью существования, самостоятельного по отношению к Нему. Если же допустить, что нечто, имеющее ограничения, обладает значением по отношению к Всевышнему, то последует логический вывод: и Всевышний тоже имеет (упаси Б-г!) Свои ограничения. Но мы твердо убеждены: невозможно высказать нечто подобное о Всевышнем, а значит, признаем совершенно очевидным и достоверным, что Он абсолютно ничем не ограничен. Следовательно, не существует ничего, что по отношению к Всевышнему имеет хоть какое-нибудь – пусть даже самое малое – значение: пред Ним все – как абсолютное и полное ничто.

Даже нечто материальное становится значимым, когда этого желает Творец.

Однако мы видим, что все-таки Всевышний сотворил мир. Не опровергает ли этот факт всего, что сказано выше, и не означает ли, что вселенная все же чем-то важна для Него?

Нет, безусловно, нет: весь сотворенный мир сам по себе не имеет никакого значения для Всевышнего, и он – в буквальном смысле пред Ним ничто, абсолютный ноль. Для чего же тогда Всевышний сотворил его? Дело в том, что мир не обладает никакой значимостью лишь сам по себе, однако по воле Самого Творца этот абсолютный ноль приобрел определенное значение. То есть имеет значение не собственная ценность мира, он отчасти обретает ее только в результате того, что избран Всевышним.

Но если так, то в той же мере, в какой Всевышний «заинтересован в судьбе» высших духовных сфер, Он «заинтересован» во всем, что связано с жизнью человека. Если бы «интерес» Творца вызывала собственная ценность Его творений, то, конечно, высшие духовные сферы были бы для Него более важны, чем физический человек в материальном мире. Однако, как уже указано, решающий фактор – не самооценочность мира и всего, что его наполняет, так как все это – в буквальном смысле абсолютное и полное ничто. Тем не менее, раз Всевышний пожелал сотворить это – значит, имеет значение только Его воля, и поэтому нет различия между Б-жественной волей, направленной на небеса и землю и все воинство их, и Б-жественной волей, направленной на то, что имеется в этом материальном мире.

Все это объяснение содержится в ответе Израиля народам мира: «Кто подобен Г-споду, нашему Б-гу, восседающему высоко, опускающему взор Свой, чтоб видеть все на небесах и на земле!» С одной стороны, Творец столь возвышен и превознесен и «место», где Он «восседает», находится так высоко, что по сравнению с ним нет различия между небесами и землей: они в самом деле равны в своем ничтожестве. Но, с другой стороны, Тот же Самый Творец (если можно так выразиться) «опускает» Себя низко-низко, чтобы видеть все, что происходит на небесах и на земле. И «спуск» Всевышнего на землю оказывается равным Его «спуску» к небесам, потому что, как сказано, в сравнении с Его высотой они равны.

Поэтому еврейское представление о Б-жественном Провидении радикально отличается от представления о Нем народов мира. Евреи убеждены: Всевышний наблюдает за всем, что происходит на земле, и ничто не совершается без Его соизволения. Различие между высшими мирами и жизнью человека на земле видим лишь мы, однако для Всевышнего эти два уровня совершенно равны. И если Он решает наблюдать за ними, Его «интересуют» оба в совершенно равной степени.

Вот в чем суть разногласия между народами мира и Израилем по поводу Б-жественного Провидения.

Неевреи глумятся над необходимостью действенного исполнения заповедей.

В учении хасидизма разъясняется, что параллельно с вышеописанным спором идет другой: о том, как следует служить Всевышнему и каким образом возможно приблизиться к Нему?

Народы мира полагают, что средство, позволяющее приблизиться к Б-жественному, – лишь высшие силы человеческой души: разум и эмоции. Они аргументируют так: поскольку Б-г – наивысшая духовная Сущность, физические усилия не подходят для того, чтобы приблизиться к Нему. Единственный путь к Нему – подъем на высокие ступени духовности и святости, очищение себя от всего, что связано с низкой материей. Поэтому для такого мировоззрения действенное исполнение заповедей лишено смысла: разве есть какая-то связь между физическим действием и высшей духовностью?!

Особенно острое неприятие вызывают у неевреев заповеди, данные после Дарования Торы. Те, что были даны ранее, не внушают такой неприязни, потому что служение Отцов в основном совершалось в области духа, а их физические действия были лишь внешним выражением движений души. Их можно сравнить с тем, как человек пляшет, поет и бьет в ладоши для того, чтобы дать выход радости, переполняющей его сердце. И поскольку для Отцов главным было укрепление связи своей души с Всевышним, их служение вызывает у неевреев не насмешку, а уважение и даже благоговение.

Однако неевреи совершенно не способны понять смысл заповедей, данных после Дарования Торы. В их глазах они не больше, чем «обряды». И они удивляются: почему даже крошечный изъян в тфилин делает их негодными для служения Всевышнему? И вообще: почему «голый» факт надевания тфилин важнее самого возвышенного умонастроения, углубленного размышления о Б-жественном – но без тфилин?

Поэтому неевреи критикуют еврейскую религию за то, что в ней «обрядность» якобы вытеснила «духовность». И они спрашивают: «Где же ваш Б-г?!» (Теилим, 115:2) – где же Б-жественное в ваших заповедях? Какая связь между действиями, которые вы совершаете, и Всевышним?

Когда «гой внутри еврея» говорит то же самое, что неевреи.

В действительности подобные утверждения мы слышим не только со стороны. Учение хасидизма открыло, что и внутри еврея есть его собственный «гой» – его йецер а-ра. Его цель – ослаблять связь еврея с Всевышним, и для достижения ее он нередко использует утверждения нееврейских философов. «Какое значение имеет эта малость? – вопрошает он. – Такая она или другая, все равно твое умонастроение, твои чувства остаются теми же самыми!» Йецер а-ра смеется над теми, кто стремится исполнять заповеди как можно точнее. «Для чего тратить столько денег, чтобы приобрести лучшие тфилин, самые красивые цицит или мезузу, написанную самым благочестивым переписчиком? – изумляется он. – Я тоже люблю Всевышнего и Его заповеди, а вот служу Ему без всяких тфилин и цицит! Они нужны только тому, кто без них не в состоянии пробудить в себе страх и любовь, они – только средство, а не цель, однако мне они не нужны!»

В сущности, это то же самое, что говорят «мудрецы» народов мира: «Возвышен над всеми народами Г-сподь, над небесами Слава Его». Б-г – наивысшая духовность, и приблизиться к Нему возможно только духовными средствами.

Напротив, еврейская религия утверждает: человек не в состоянии подняться к Б-жественному своими собственными силами – что бы он ни делал и какие бы чувства в себе ни пробуждал. Потому что все силы человека – даже самые возвышенные и чистые – имеют предел. Ведь он – не больше, чем творение, а для Творца, бесконечного поистине, нет никакого различия между творением самым духовным и творением самым «заматериальным»: и то, и другое ограничены во времени и в пространстве. Следовательно, оба они в совершенно равной степени удалены от Него. Самый умный человек и грубый булыжник – равны.

Есть лишь одна возможность: если Сам Творец даст человеку средство приблизиться к Себе. Ведь Всевышний выше всех ограничений и всемогущ, поэтому Он в состоянии предписать, что нужно делать для этого. И если человек исполнит волю Творца, то поднимется к Нему. Вот для чего даны Тора и заповеди: это те пути, которые Всевышний проложил для человека, чтобы тот приближался к Нему. Всевышний «опустил» Себя очень низко и дал человеку узнать, что, когда тот исполняет Его заповеди и тем самым осуществляет волю Его, и душа человека, и даже тело объединяются с Ним.

Итак, раз Сам Всевышний предписал совершать определенные действия, тот, кто берет тфилин и надевает их так, как предписано, исполняет волю Его и служит Ему. А тот, кто предаётся углубленному размышлению о духовном смысле тфилин и пробуждает в себе любовь к Всевышнему и страх пред Ним, но тфилин не надевает, этой заповеди не исполняет. Сами по себе тфилин, конечно, не в состоянии связать человека с Б-жественным, но все дело в том, что Всевышний предписал использовать их как средство объединения с Собой. Воля Всевышнего – вот решающий фактор, и исполняющий ее в соответствии с предписаниями Всевышнего оказывается способным приблизиться к Нему и даже слиться с Ним.

Мы тоже мечтаем достичь высоты Отцов.

Можно это выразить другими словами и сказать, что если бы, упаси Б-г, не произошло Дарования Торы, нам ни при каких условиях не удалось бы установить связь с Всевышним. Ведь, в сущности, совершенно верно, что любое действие человека не имеет никакого значения для Всевышнего, равно как чувства и интеллектуальные усилия. Для Всевышнего все, что относится к сотворенному миру, не имеет ни малейшей ценности. Поэтому нельзя сказать, что духовная связь с Ним важнее, чем связь материальная.

Однако по воле Своей Он даровал нам Тору и заповеди, в которые (если можно так выразиться) облачился. И еврей, берущий в руки тфилин, или талит, или «четыре вида растений», или свиток Торы, чтобы исполнить волю Всевышнего, как бы «ухватывает» Царя над царями царей, Святого, благословен Он!

Но не следует все-таки думать, что конечная цель исполнения заповедей содержится в том действии, которое для этого необходимо. Всевышнему желанно и «очень важно», чтобы мы исполняли заповеди как можно точнее в сфере материальной, в сфере физического действия. Но нисколько не меньше Он желает, чтобы мы познавали и понимали внутренний смысл заповедей своим умом и пробуждали в себе любовь к Нему и страх пред Ним. Он хочет, чтобы духовный смысл заповедей не оставался скрытым, но открывался в нашей душе и также в окружающем нас мире. Поэтому такое значение имеет особое умонастроение при исполнении заповедей, поэтому так ценится в нашем народе способность постигать содержание Торы и испытывать сильные чувства к Всевышнему.

Поэтому мы просим: «Да будет Г-сподь, Б-г наш, с нами, как Он был с Отцами нашими, да не покинет Он нас и не отринет!» (Млахим I, 8:57). Мы обладаем, правда, преимуществом над нашими Отцами: изучая Тору и исполняя дарованные нам заповеди, мы притягиваем к нам саму Б-жественную Сущность. Но поскольку воля Всевышнего состоит в том, чтобы человек понял и прочувствовал Тору, чтобы он исполнял заповеди, ощущая глубочайшую духовную связь с Б-жественным, мы молимся о том, чтобы Всевышний был с нами так же, как был с Отцами нашими: совершенно открыто. Чтобы мы оказались достойными воспринять великое достоинство наших святых Отцов, внешним выражением которого было их служение Всевышнему, и сами служили Ему с тем же пониманием, с той же признательностью, с той же привязанностью, как Авраам, Ицхак и Яков!

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2009 КИСЛЕВ 5770 – 12(212)
СОБЫТИЯ ДЕСЯТОГО ТЕВЕТА В ТАНАХЕ

Ицхак Бен-Реувен

Пост 10 тевета (в этом году 27 декабря) установлен в память о начале осады Иерусалима армией вавилонского царя Невухаднецара (на аккадском – Набу-кудурри-усур, на русском – Навуходоносор). Эта осада завершилась взятием Иерусалима, разрушением Первого храма и началом Вавилонского изгнания.

Разрушение Иерусалима. Гравюра.

Нюрнбергские хроники. 1493 год

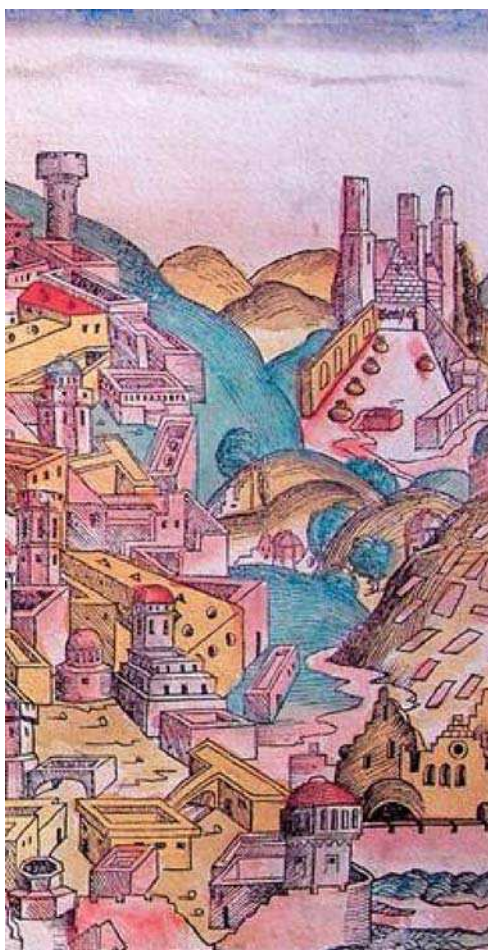
Согласно хронологии еврейских мудрецов, Первый храм был разрушен в 3338 году (422 год до н. э.), а по мнению многих историков, это произошло в 586 году до н. э. За одиннадцать лет до разрушения Храма Невухаднецар изгнал в Вавилон царя Йеояхима (Йехонью) и часть жителей, в первую очередь иудейскую знать. Среди них был и пророк Йехезкель, ставший духовным лидером изгнанников. На иудейский престол Невухаднецар посадил дядю Йеояхима, Матанью, изменив его имя на Цидкияу. Судя по всему, изменив его имя, Невухаднецар хотел показать, что новый царь находится под его властью.

Во время правления Цидкияу появились лжепророки, утверждавшие, что Храм не падет. Среди жителей Иудейского царства бытовало мнение о том, что Всевышний не допустит разрушения Храма, поражения страны и изгнания народа, независимо от поведения евреев, а также от того, соблюдают ли они заповеди и каков их моральный уровень. Пророк Ирмеяу пытался разрушить эти иллюзии, передавая народу слова

Всевышнего: «Так сказал Б-г Воинств, Б-г Израиля: исправьте пути ваши и деяния ваши, и Я дам вам жить в этом месте. Не надейтесь на лживые слова говорящих: “Это Храм Б-га, Храм Б-га, Храм Б-га”. Но если вы действительно исправите пути ваши и деяния ваши, если [справедливо] судить будете человека с ближним его, не будете притеснять чужеземца, сироту и вдову, не будете проливать кровь невинную на месте этом и не пойдете за чужими богами во зло себе, то Я дам вам жить на месте этом, на земле, которую дал Я отцам вашим на веки веков» (Ирмеяу, 7:3-7).

Однако народ не хотел слушать слова пророка. Царь Цидкияу также послушался не пророка Ирмеяу, а своих сановников и восстал против Вавилона, надеясь на помощь Египта. После этого и произошли события, в память о которых был установлен пост 10 тевета.

Вначале, как следует из книги пророка Ирмеяу, Невухаднецар захватил большую часть укрепленных иудейских городов: «А войско царя Вавилонского ведет войну против Иерусалима и против всех оставшихся городов Иудейских – Лахиша и Азеки: потому что, вот, они остались из городов Йеуды укрепленными городами» (Ирмеяу, 34:7). Затем вавилонский царь двинулся на Иерусалим. В книге Млахим сообщается: «И было: в девятый год царствования [Цидкияу], в десятый месяц, в десятый день месяца, пришел Невухаднецар, царь Вавилона – он и все войско его – к Иерусалиму, и расположился станом против него; и построили вокруг него осадный вал. И был город в осаде до одиннадцатого года царя Цидкияу. В девятый день [четвертого] месяца усилился голод в городе, и не было хлеба у народа страны» (Млахим II, 25:1-3). О дате начала осады сообщается также и в книге Ирмеяу: «В девятом году [царствования] Цидкияу, царя Йеуды, в десятый месяц, подошел Невухаднецар, царь Вавилона, и все войско его к Иерусалиму, и осадили его» (Ирмеяу, 39:1). Пророк Йехезкель, уже находясь в Вавилонском изгнании, тоже знал о происходящем: «И было слово Б-га ко мне в девятом году, в десятом месяце, в десятый день месяца, говорящее: “Сын человеческий, запиши себе имя этого дня, этого самого дня: приблизился царь Вавилона к Иерусалиму в этот самый день”» (Йехезкель, 24:1-2).

Осада продолжалась около восемнадцати месяцев. Тевет – это упомянутый в тексте «десятый месяц». Первый по счету – месяц нисан, и с этого же месяца начинается отсчет лет царствования царей. Осада длилась оставшиеся месяцы девятого года царствования Цидкияу, весь десятый год его царствования, и завершилась прорывом врага в Иерусалим в четвертом месяце одиннадцатого года царствования (см. продолжение 25-й главы Млахим II и Ирмеяу, 39:2; 52:6). Во время осады Иерусалима египетский фараон Хофра (Априй) попытался прийти на помощь Цидкияу (см. Ирмеяу, 34:21-22; 37:5-11), и вавилонские войска на время приостановили осаду. Судя по всему, это временное прекращение осады было в месяце адар второго года осады. Отголоски этих событий можно найти также в книге пророка Йехезкеля: «И было в одиннадцатом году, в первом [месяце], в седьмой [день] месяца: было слово Б-га ко мне, говорящее: “Сын человеческий! Мышцу фараона, царя Египта, Я сокрушил, и вот не перевязана она, чтобы дать ей исцеление; не наложена повязка для поддержания ее, для укрепления ее – чтобы держать меч”» (Йехезкель, 30:20-21). Эти слова, сказанные пророку в первом месяце, нисане, дают понять, что войска египетского фараона потерпели поражение незадолго до этого, в месяце адаре десятого года царствования Цидкияу.

Иосиф Флавий (Йосеф бен Матитьяу) так описывал осаду Иерусалима в «Иудейских древностях»: «...Царь вавилонский очень усердно и ревностно занимался осадой Иерусалима. Он воздвиг огромные башни на валах и с помощью этих башен удалял со стен всех там показывавшихся. Вместе с этим он велел соорудить вокруг города множество насыпей, достигавших одинаковой со стенами высоты. Однако осажденные так же упорно и настойчиво выносили осаду: они не поддавались ни голоду, ни моровой язве, но, хотя эти бедствия и страшно донимали их, они все-таки энергично выходили на бой, не смущаясь хитрыми приспособлениями и осадными

орудиями противников, но придумывая против каждого нового их приспособления какое-нибудь другое, свое собственное. Таким образом, в течение всей этой борьбы как вавилоняне, так и иерусалимцы выказывали одинаковую быстроту и сообразительность, причем первые применяли все, по их мнению, возможное для взятия города, а вторые возлагали все свое упование на неустанное и соответственное измышление средств, как бы низвести на ничто приспособления своих врагов. Это продолжалось восемнадцать месяцев, пока [осажденные] не пали жертвою голода и метательных снарядов, которыми враги обсыпали их с вершин своих осадных башен»^[1].

Об ужасах осады Иерусалима и голода сохранились свидетельства в Книге Эйха, написанной, как традиционно считали мудрецы, пророком Ирмею. Приведем лишь несколько свидетельств об этих тяжелых временах: «Весь народ ее вздыхает, ища хлеба, отдают драгоценности свои за пищу, чтобы подкрепить душу...» (Эйха, 1:11). «Исходят глаза мои слезами, горит во мне нутро мое, истекает на землю печень моя из-за бедствия дочери народа моего, когда дети и грудные младенцы изнемогают на улицах города. Матерям своим скажут они: “Где хлеб и вино?” – изнемогая, как тяжело раненные, на улицах города, испуская дух на груди матерей своих» (Эйха, 2:11-12). «Те, что погибли от меча, пронзенные, истекшие [кровью], были счастливее тех, что гибли от голода из-за недостатка полевых плодов. Руки милосердных женщин варили детей своих; были те для них пищей во время гибели дочери народа моего» (Эйха, 4:9-10).

Невухаднецар в Иерусалиме. Нюрнбергские хроники. 1493 год

Пост 10 тевета стал одним из четырех, установленных в память о событиях, которые связаны с падением Иерусалима и разрушением Храма. Эти посты, установленные еще во время Вавилонского изгнания, упоминаются в книге пророка Зхарьи, одного из последних пророков, чья деятельность относится к периоду возвращения из изгнания: «Так сказал Б-г Воинств: пост четвертого [месяца] и пост пятого [месяца], и пост седьмого [месяца], и пост десятого [месяца] будет для дома Йеуды радостью, и

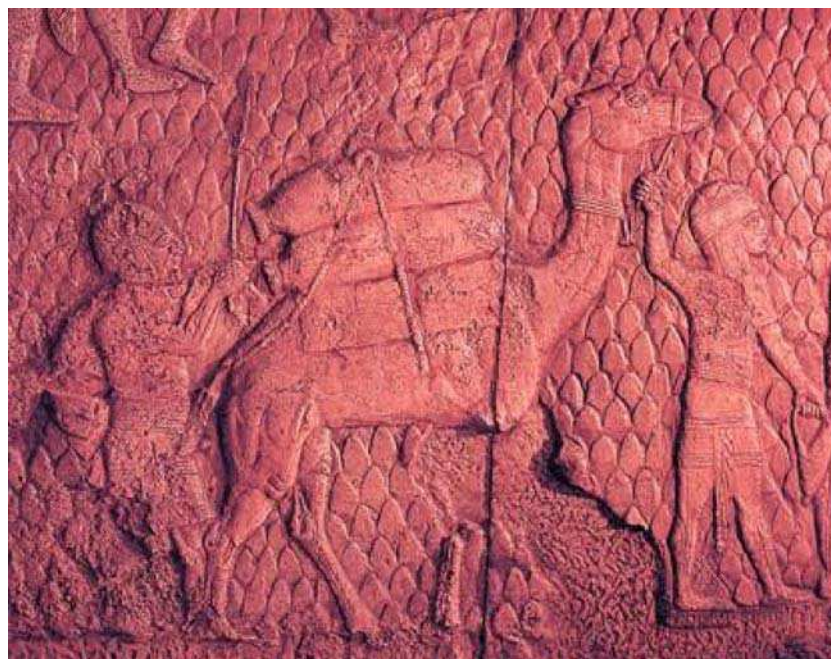
весельем, и хорошими праздниками, и правду и мир любите» (Зхарья, 8:19). Перечислим посты, упомянутые в пророчестве. Четвертый месяц – это тамуз, и пост в этом месяце установлен в память о том, что в городской стене Иерусалима была пробита брешь после длительной осады города. Через месяц это привело к разрушению Храма, и в пятом месяце, месяце ав, был установлен пост в память об этом. Пост седьмого месяца, тишрея, установлен в память об убийстве наместника Гедальи, под чьим руководством формировалась еврейская община после разрушения Храма. Пост 10 тевета, упомянутый в пророчестве «пост десятого месяца», установлен в память об историческом событии, которое стало началом процесса, приведшего к падению Иерусалима, разрушению Храма и изгнанию еврейского народа.

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УРОКИ

Александр Элькин

Десятый день месяца тевет – одна из самых трагических дат еврейской истории. В 586 году до н. э. вавилонские войска завершили блокаду Иерусалима, столицы Иудеи. Через полгода осады город пал, Храм был разрушен, а жители угнаны в Вавилонию. Иудейское царство прекратило существование, и на несколько столетий евреи лишились независимого государства.

Согласно Талмуду, изгнание и разрушение Храма стали наказанием за три тяжких греха евреев того поколения: идолопоклонство, кровосмешение и пролитие невинной крови. В Писании достаточно свидетельств, подтверждающих каждое из этих обвинений. Однако не следует забывать, что катастрофа, постигшая еврейский народ, имела и вполне земные, политические причины, скрупулезно описанные пророками и авторами исторических библейских книг. Между тем изучение обстоятельств тех давних событий, наверное, интересно не только историкам, живущим делами давно минувших дней и преданьями старины глубокой.

Плененные евреи. Рельеф из дворца Сеннашерива в Ниневии. Ассирия. VII век до н. э.

В 702–701 годах до н. э. Иудейское царство едва избежало национальной катастрофы: ассирийские войска, за двадцать лет до этого взявшие Шомрон и покорившие Израильское царство, осадили Иерусалим. Сил, чтобы отразить штурм, у евреев не было, но в последний момент произошло чудо – в ассирийском лагере началась эпидемия, вызвавшая мор, и ассирийцам пришлось срочно снять осаду. (Согласно Писанию, «вышел Ангел Г-сподень и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч человек» [Йешаяу, 37:36]. Современные историки предпочитают говорить о внезапной эпидемии холеры. Противоречия в этом нет: как

писал Маймонид в «Путеводителе растерянных», ангелы суть естественные природные силы.)

После внезапного снятия ассирийской осады Иудейское царство просуществовало еще чуть более ста лет. Праведного царя Хизкию (Хизкияу), свидетеля чудесного избавления, сменил на престоле его сын Менаше – один из самых нечестивых царей еврейской истории, не имеющий, согласно Мишне, удела в Мире грядущем (Сангедрин, 10:2). Наихудшее преступление этого царя – попытка заставить еврейский народ забыть о Торе: по приказу Менаше были уничтожены все свитки с текстом Торы, которые его приспешникам удалось найти. Кровавое царствование Менаше длилось пятьдесят лет. После смерти Менаше на престол взошел его сын Амон, продолживший языческую политику отца. Однако он правил недолго: его убили заговорщики. Впрочем, им не удалось вкушать плоды победы – народ, возмущенный царевубийством, взялся за оружие. Восставшие перебили царевубийц и возвели на престол внука Менаше, восьмилетнего Йошиау.

Йошиау – один из самых праведных царей библейской эпохи – решительно искоренял идолопоклонство, причем наряду с языческими капищами уничтожал и еврейские «высоты» – местные святилища, где евреи совершали жертвоприношения вне Иерусалимского Храма. На 18-м году правления царь повелел начать ремонт Храма, сильно обветшавшего со времен царя Шломо (Соломона). В ходе ремонтных работ строители обнаружили свиток Торы, текст которой был основательно забыт за полувековое правление язычника Менаше. Узнав о находке, Йошиау повелел немедленно собрать в Иерусалиме весь народ и зачитал ему вновь найденный текст Торы. Потрясенные люди обязались отказаться от служения идолам и вернуться на пути Всевышнего.

Увы, внешняя политика Йошиау, в отличие от внутренней, была не слишком дальновидной. На Ближнем Востоке в этот период происходили грандиозные перемены. Некогда могущественная Ассирия начала клониться к закату. Ее противники, трепетавшие прежде от одного вида ассирийских солдат, накопили силы и со всех сторон теснили бывшую «сверхдержаву». В 625 году до н. э. халдейский вождь Набопаласар отделился от Ассирии, положив начало Нововавилонскому царству. Через несколько лет он вступил в союз с Кияксаром, царем Мидии, и в 612 до н. э. их объединенные армии разрушили столицу Ассирии Ниневию – город, где за несколько столетий до этого проповедовал пророк Иона.

В последние дни своего существования Ассирия обратилась за помощью к Египту. Египетский фараон Нехо готовился двинуть армию в Месопотамию, якобы для того, чтобы поддержать гибнущего гиганта. Нехо надеялся, что после победы к нему отойдет значительная часть ассирийских владений. Уверенный в том, что его войска беспрепятственно пройдут по землям, отделявшим его от Ассирии, фараон выступил в поход.

**Невухаднецар казнит сыновей Цидкияу.
Г. Доре**

В начинающейся «войне за ассирийское наследство» Иудея могла уцелеть, лишь правильно просчитав ход событий и вовремя присоединившись к победителю. Однако Йошияу это не удалось. Он решил не пропускать через Иудею египетские войска, идущие на помощь Ассирии, старинному и заклятому врагу евреев. Царь собрал армию, намереваясь остановить египтян.

В планы фараона совершенно не входило пробиваться в Месопотамию с боями. Поэтому он попытался решить дело миром: «И послал к нему Нехо послов сказать: что мне и тебе, царь Иудейский? Не против тебя теперь иду я, но туда, где у меня война. И Б-г повелел мне поспешать; не противься Б-гу, Который со мною, чтоб Он не погубил тебя» (II Диврей а-ямим, 35:21).

Однако ненависть к старому врагу ослепила Йошияу. Да и к египтянам он, скорее всего, тоже не питал теплых чувств, поскольку на протяжении веков Египет традиционно поддерживал всех противников Иерусалима, начиная с Иеровоама, расколовшего державу Соломона.

Решающая битва между евреями и египтянами произошла близ древнего города Мегидо. В кровопролитном бою иудеи потерпели тяжелое поражение. Среди погибших был и царь Йошияу: «И выстрелили лучники в царя Йошияу, и сказал царь слугам своим: уведите меня, потому что я тяжело ранен. И свели его слуги его с колесницы, и посадили его в другую повозку, которая была у него, и отвезли его в Иерусалим. И умер он, и похоронен в гробницах отцов своих. И вся Иудея, и Иерусалим оплакали Йошияу» (II Диврей а-ямим, 35:23-24).

После смерти Йошию престол занял Иохаз, но его правление оказалось недолгим. Не желая беспокоиться за свой тыл, фараон Нехо посадил на иерусалимский трон Йеоакима, ставшего вассалом и данником Египта. Покончив с этим делом, фараон двинулся на север, навстречу вавилонской армии.

Однако война с вавилонянами была для него крайне неудачной. В решающей битве под Кархемишем египтяне были наголову разбиты, и им пришлось убраться восвояси. Иудея оказалась в сфере влияния Вавилона. Царь Йеоаким, бывший данник фараона Нехо, стал вассалом вавилонского царя. Впрочем, Египет не оставил надежду вернуть утраченное. Стремясь подорвать силу Вавилонии, фараон подстрекал подвластные Вавилону царства к неповиновению.

При иерусалимском дворе развернулась ожесточенная борьба партий, проавилонской и проегипетской. Последняя в какой-то момент взяла верх. Получив обещание фараона помочь ему в случае вавилонского нашествия, Йеоаким перестал платить дань вавилонскому царю Невухаднецару. Тот немедленно послал в Иудею свое войско, но маленькая страна стойко оборонялась. Обороной руководил молодой царь Иехония, сменивший на троне своего умершего отца. Тогда войска вавилонского царя вторглись в Иудею. Помощь, обещанная фараоном, не пришла, и после долгой осады Иерусалим был взят.

Невухаднецар жестоко наказал Иудею за измену; страна и Храм были ограблены: «И вывез он все сокровища дома Г-сподня и сокровища царского дома; и изломал, как изрек Г-сподь, все золотые сосуды, которые Шломо, царь Израиля, сделал в храме Г-споднем» (II Млахим, 24:13).

Кроме того, вавилонский царь переселил из Иудеи всю элиту страны, аристократов, воинов, ремесленников. Вместо плененного царя Невухаднецар посадил на иерусалимский престол его дядю Цидкияу, которому был тогда 21 год. Иудея вновь стала данником Вавилона.

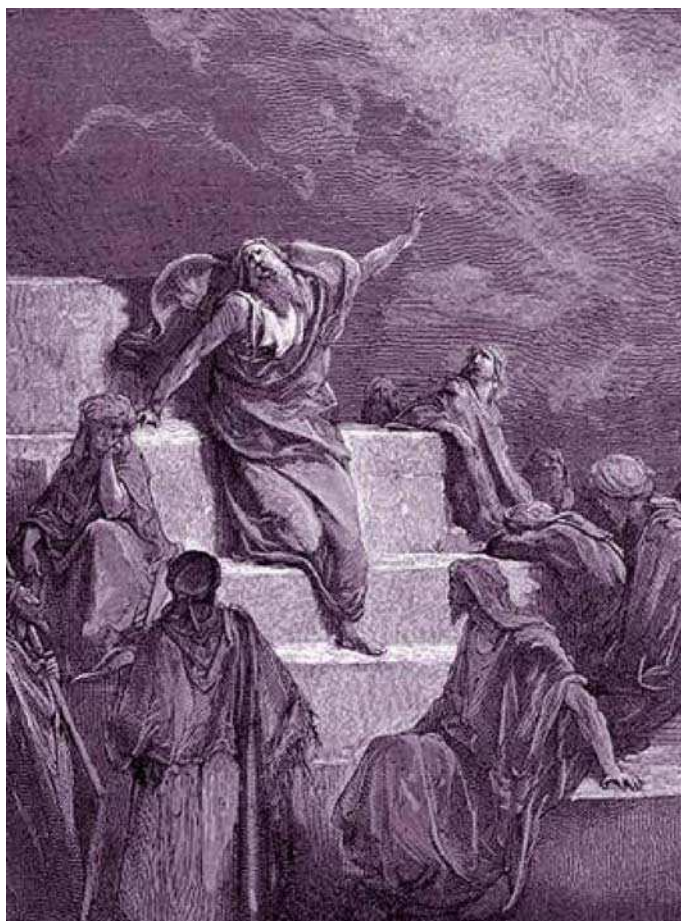
Казалось бы, после нескольких неудач евреям следовало усвоить, что Египет слаб и ненадежен как союзник, а потому единственная возможность сберечь хотя бы эфемерную независимость – хранить верность Вавилону. Последовательным сторонником этой внешнеполитической линии был пророк Ирмеяу, настойчиво призывавший молодого царя не нарушать клятву, данную Невухаднецару: «И Цидкияу, царю Иудеи, я говорил всеми такими словами и сказал: склоните шею свою под ярмо царя Вавилона и служите ему и народу его, и будете живы. Зачем умирать тебе и народу твоему от меча, голода и моровой язвы, как изрек Г-сподь о том народе, который не будет служить царю Вавилона?» (Ирмеяу, 27:13-14).

Однако у Цидкияу были и другие советники – пламенные националисты, не желавшие служить халдеям и мечтавшие о национальной независимости. Причем у «патриотической партии» нашлись, в противовес пророку Ирмеяу, даже свои «пророки», предсказывавшие, что в скором времени Иудея освободится от вассальной зависимости от Вавилона: «В четвертый год, в пятый месяц, Ананья, сын Азура, пророк из Гаваона, говорил мне в доме Г-спода пред глазами священников и всего народа и сказал: так говорит Г-сподь Воинств, Б-г Израиля: сокрушу ярмо царя Вавилона; через два года Я возвращу на место сие все сосуды дома Г-спода, которые Невухаднецар, царь Вавилона, взял из сего места и перенес их в Вавилон; и Иехонию, сына Йеоакима, царя Иудеи, и всех пленных евреев, пришедших в Вавилон, Я возвращу на место сие, говорит Г-сподь; ибо сокрушу ярмо царя вавилонского» (Ирмеяу, 28:1-4).

Пророк Ирмею отчаянно призывал не верить посулам лжепророков. Однако все было напрасно. Народ, как это часто случается, предпочел поверить тем, кто обещал «светлое будущее». И в какой-то момент «патриоты» одолели. Нарушив клятву, данную царю Невухаднецарю, Цидкияу поднял восстание.

Реакция вавилонян была быстрой и решительной: после непродолжительной осады вавилонская армия овладела Иерусалимом и разрушила город. Цидкияу попытался бежать через подземный ход, однако был схвачен и ослеплен – после того как на глазах царя казнили его сыновей.

Впрочем, это был еще не конец. После разрушения Иерусалима в Иудее осталось еще значительное еврейское население. Правителем страны Невухаднецар назначил Гедалью, внука одного из еврейских высокопоставленных лиц. Гедалья оказался хорошим администратором. Он пытался восстановить в стране нормальную жизнь, призывал народ не повторять старых ошибок и сохранять верность Вавилону: «И поклялся Гедалья им и людям их, и сказал им: не бойтесь быть подвластными воинам Вавилона, селитесь на земле и служите царю вавилонскому, и будет хорошо вам» (II Млахим, 25:24).

Пророк Ирмею. Г. Доре

Гедалью поддержал Ирмею, а также часть уцелевших высокопоставленных лиц и военачальников. Однако некоторые евреи не пожелали «служить царю вавилонскому». Возник заговор, в результате которого Гедалья был предательски убит вместе с бывшими при нем вавилонянами. Этот удар оказался смертельным – опасаясь карательной экспедиции Вавилона, оставшиеся евреи, несмотря на увещевания Ирмею,

бежали в Египет. «Еврейское присутствие» в Земле Израиля прекратилось почти на семьдесят лет.

Как нам кажется, из этих трагических событий можно извлечь важные религиозно-политические уроки. Нежелание подчиняться чужеземной власти – чувство, безусловно, достойное и благородное; однако если руководствоваться только им, без трезвого политического расчета, это может привести к катастрофическим последствиям (евреи еще не раз на горьком опыте убедятся в истинности этого утверждения – например, во время великого восстания против Рима). Поэтому не всякий, кто призывает к конформистскому поведению, – враг и предатель.

Еще один урок касается трагически закончившегося царствования Йошиау – одного из самых праведных царей в еврейской истории. Безусловно, очень важно, чтобы еврейский правитель был благочестив и вел народ путем Торы и заповедей. Однако этого недостаточно – необходимо еще обладать политической мудростью, полководческим талантом и т. д. Если же этого нет, то никакие личные заслуги и благочестие не гарантируют успешного правления.

В заключение следует отметить, что, читая о последних днях Иудейского царства, нельзя не задуматься о современных реалиях. Разумеется, положение сегодняшнего Израиля несравнимо лучше, чем Иудейского царства тех времен. И тем не менее сейчас, как и тогда, выживание государства во многом зависит от того, смогут ли его руководители сделать верный выбор в большой политической игре великих держав. До последнего времени израильским лидерам, в отличие от иудейских царей, удавалось справиться с этой нелегкой задачей. Очень хотелось бы надеяться, что так будет и дальше. Поскольку, как учит нас печальный опыт Иудейского царства, любая ошибка в этой игре может оказаться смертельной.

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2009 КИСЛЕВ 5770 – 12(212)
«ЖИЗНЬ, А НЕ СМЕРТЬ В ВЕНЕЦИИ»

Еврейские истории Барбары Майерхофф

Элишева Яновская

Ἐπὶ ἰδέε, δαίτεια αἰῶνα ὀάα εἶε ἀδύει, μὴ μῆαί τῃ ἐπὶ αἰεδοῦν ἐδ

Барбара Майерхофф

В начале своей карьеры Барбара Майерхофф, выдающийся американский антрополог, чьи работы о пожилых евреях – выходцах из восточноевропейских местечек стали научной классикой, и не помышляла об этой теме. Барбара Майерхофф, в девичестве Сегал, родилась в 1935 году в Кливленде, штат Огайо, в ассимилированной еврейской семье и с традиционным еврейским образом жизни сталкивалась мало. Ее научные интересы поначалу также лежали в совсем иной сфере: ее докторская диссертация в Университете Южной Калифорнии была посвящена культуре мексиканских индейцев племени уичол и их паломничеству за «священным» кактусом пейотом, обладающим галлюциногенными свойствами. Написанная на основе исследований уичолской культуры книга «Охота на пейот» принесла ей заслуженную славу и признание в научной среде.

Б. Майерхофф. 1966 год

Работа над этой темой сблизила ее в конце 60-х с подвизавшимся в том же университете Карлосом Кастанедой, будущим знаменитым писателем-авантюристом. Никому не известный в те годы, странный, замкнутый эмигрант под видом дружбы нещадно обокрал доверчивую аспирантку. Хорошая толика полевых материалов Майерхофф, в частности информация о культуре употребления растений-галлюциногенов, незаметно перекочевала в его книгу, а один из центральных персонажей историй о доне Хуане оказался практически полностью списан с ее уичолского шамана-информанта. Последствия дружбы с Кастанедой принесут Барбаре много горя: ее вместе с коллегой Петером Фюрстом обвинят в профанации науки, что пагубно скажется и на ее научной карьере, и на здоровье: быстро прогрессирующий рак легких, вероятно спровоцированный сильным стрессом, приведет к ранней смерти.

А в начале 70-х начался новый (и, как окажется, последний) период научной деятельности Барбары Майерхофф – еврейский. Переход от индейской темы к еврейской стал неожиданным для самой исследовательницы. Впрочем, по ее словам, этот выбор вовсе не был преднамеренным:

Я совершенно не собиралась исследовать свои корни или уяснить смысл своего происхождения. Я просто оказалась одним из нескольких антропологов из Университета Южной Калифорнии, задействованных в проекте «Этничность и старение». Сначала я планировала изучать пожилых чиканос (американцев мексиканского происхождения. – Э. Я.), поскольку прежде уже занималась полевой работой в Мексике. Однако в начале 70-х в городской Америке этнические меньшинства не очень-то жаловали любознательных чужаков, и люди, к которым я обращалась, постоянно спрашивали меня: «Зачем вам работать с нами? Почему бы вам не изучать своих?» **[1]**

Местом проведения полевых исследований Майерхофф выбирает Еврейский культурный центр для престарелых им. Исраэля Левина в калифорнийском городке с романтическим названием Венеция. Центр посещали пожилые еврейские иммигранты из стран Восточной Европы. Большинству из них на момент начала исследования перевалило за восемьдесят.

Сам Центр представлял собой скромный обшарпанный зальчик размером со школьный класс, пустой, за исключением крошечной сцены и кухоньки в одном конце и закутка, использовавшегося в качестве библиотеки и офиса, – в другом. Первой, кого встретила там исследовательница, оказалась любопытная маленькая старушка по имени Баша, старожил Центра, ставшая впоследствии одним из основных ее информантов и верным другом. Барбара с юмором описывает эту встречу:

– Вы не голодны? – спросила Баша.

– Нет, спасибо, – ответила я.

– А что привело вас сюда?

– Я из Университета Южной Калифорнии. Я искала место, где могла бы изучать жизнь пожилых городских евреев.

При слове «университет» она одобрительно кивнула.

– Вы еврейка? – спросила она.

– Да.

– Замужем?

– Да.

– У вас есть дети?

– Да, двое мальчиков, четырех и восьми лет.

– И вы учите их быть евреями?

– Я пытаюсь.

– И чего же вы хотите от нас здесь? **[2]**

Это был хороший вопрос. Еще только приступая к своему исследованию, Барбара задумывается о его целесообразности. Пожилые чиканос безоговорочно воспринимали ее как чужую. Но примут ли ее, ассимилированную молодую еврейку, американку во втором поколении, практически не владеющую идишем – языком их детства, еврейские старики? И не лучше ли просто помогать этим старым, больным и зачастую одиноким людям, чем изучать их? Однако выбранный ею метод исследования помог убить сразу обоих зайцев: Майерхофф начинает свою работу в Центре в качестве преподавателя кружка, в котором старики учатся рассказывать о себе. Уроки Барбары регулярно посещают 12 человек. Как исследователя, Барбару интересуют два аспекта их жизни: она видит в них и представителей определенной возрастной группы (восемьдесят-девяносто лет) со свойственными ей стратегиями выживания и носителей специфической местечковой культуры, усвоенной ими в далеком детстве. Оба эти аспекта связаны между собой: с помощью Барбары ее информанты пытаются сформулировать и передать следующим поколениям истории своей жизни. Возможность рассказать свою историю, которую запишут на магнитофонную ленту, чрезвычайно укрепляет самооценку стариков – ведь для них это практически единственная возможность сохранить и передать поколениям своих детей и внуков хоть часть погибшего мира штетла, живая память о котором умрет вместе с ними.

Б. Майерхофф с посетителями Еврейского культурного центра для престарелых им. Израэля Левина.

Фотограф Тони Коста. 1978 год

Опасения «Барбарушки», как ласково называет исследовательницу одна из старушек, что она так и останется для своих информантов чужой, не оправдались. Правда, сближение со стариками привело к противоположным трудностям – некоторые из них в общении с исследовательницей начали с успехом применять то, что она впоследствии назовет «стратегией интимности», невозможной и бесполезной в отношениях с чужаком. Эта стратегия основывалась на попытке вызвать у собеседника чувство вины. Вот лишь один из примеров ее применения. Однажды в разговоре со Шмуэлем, одним из своих главных информантов, «очень ученым человеком», Барбара призналась в своем страхе – она боялась, что из-за недостаточного знакомства с еврейскими языками и культурой не сможет полностью понять полученный в ходе работы с ним материал. На что Шмуэль «ответил сурово, но, как всегда, справедливо:

“А как ты могла ожидать, что поймешь? Ты спрашиваешь меня обо всех этих вещах, но сама ничего не знаешь. Ты не знаешь идиша. Ты не знаешь иврита. Ты не знаешь арамейского. Ты не знаешь ни русского, ни польского. Ты не присмотрелась внимательно ни к одной части того места, где мы живем. Как ты можешь ожидать, что поймешь?”»[3] После этой отповеди отчаявшаяся Барбара начала «подумывать о том, чтобы бросить все», хотя и понимала, что обитатели Центра играли на ее чувстве вины в основном неосознанно, «стремясь не причинить вред, а лишь почувствовать свою значимость и власть» и компенсировать таким образом ощущение собственной заброшенности, ненужности. Однако постепенно Майерхофф сумела победить свои страхи, и работа вошла в нужное русло.

«Антропологи, – пишет Барбара, – занимаются странными вещами. Чтобы постичь чужую культуру, они пытаются “перевоплотиться” в ее носителя – человека другой расы, другого пола, с принципиально иным жизненным опытом. Естественно, такое перевоплощение не может быть абсолютным. Годы раньше, во время полевой работы с индейцами уичол в Мексике, у меня уже был подобный опыт. Однако я поняла, что моя работа была во многом ограничена тем, что в реальности я никогда не могла бы стать индианкой уичол. Но в один прекрасный день я сама стану маленькой старой еврейской леди... Сейчас я видела этих пожилых людей по-иному – как часть себя, а не как “их”»[4].

В курс дела Барбару ввела та же Баша – «прирожденный социолог», по выражению исследовательницы. Наделенная прекрасной памятью, Баша поведала Майерхофф о прошлом всех обитателей Центра. Впрочем, жизнь большинства из них строилась по стандартному сценарию. По определению Майерхофф, ее можно было условно разделить на три историко-географические эпохи: детство, проведенное в восточноевропейском штетле, зрелые годы в одном из американских мегаполисов и старость в калифорнийском «пляжном гетто». Свой приход в Центр им. Израэля Левина старики воспринимают как некое духовное «возвращение в местечко»: в маленькую, изолированную от внешнего мира общину, состоящую из идишеговорящих людей, ведущих более или менее традиционный образ жизни. Как ни странно, некоторые из них даже предпочитают пребывание в Центре жизни со своими детьми. По словам той же Башы, здесь она чувствует себя гораздо комфортнее, чем в доме своей дочери и ее мужа, где не с кем поговорить на идише или пообщаться на еврейские темы. Почти все завсегдатаи Центра родились в бедных многодетных семьях. Их отцы были мелкими торговцами, коробейниками или ремесленниками, матерям тоже приходилось работать не покладая рук. Эмигрировав в Америку в детстве или юности, эти люди на протяжении всей жизни с ностальгией вспоминали местечко, несмотря на неотделимые от тех лет голод и нужду. Как и их отцы, по приезде в Соединенные Штаты они становились мелкими ремесленниками, торговцами или наемными рабочими – «пролетариями в первом поколении», а вечерами старательно учили английский в вечерних школах. Молодые иммигранты вступали в браки с такими же, как они сами, выходцами из местечек Восточной Европы. Обосновавшись в Америке, они редко соблюдали требования алахи. Их дети, образованию которых родители уделяли огромное внимание, росли и становились учеными, предпринимателями, учителями и музыкантами, но их родным языком был уже не идиш, а английский, а об иудаизме и культуре местечка они имели весьма смутное представление. Говоря словами Моше, одного из информантов Барбары, «все это здешнее великолепие не принесло нам ничего хорошего. Мы смогли дать нашим американским детям красивую одежду, вкусную еду, образование, но мы не можем передать им то, что сами получили от наших отцов и матерей. Это все ушло от нас, все

– уважение к маме и папе, любовь к дому. Наши американские дети не получили этой памяти»[5].

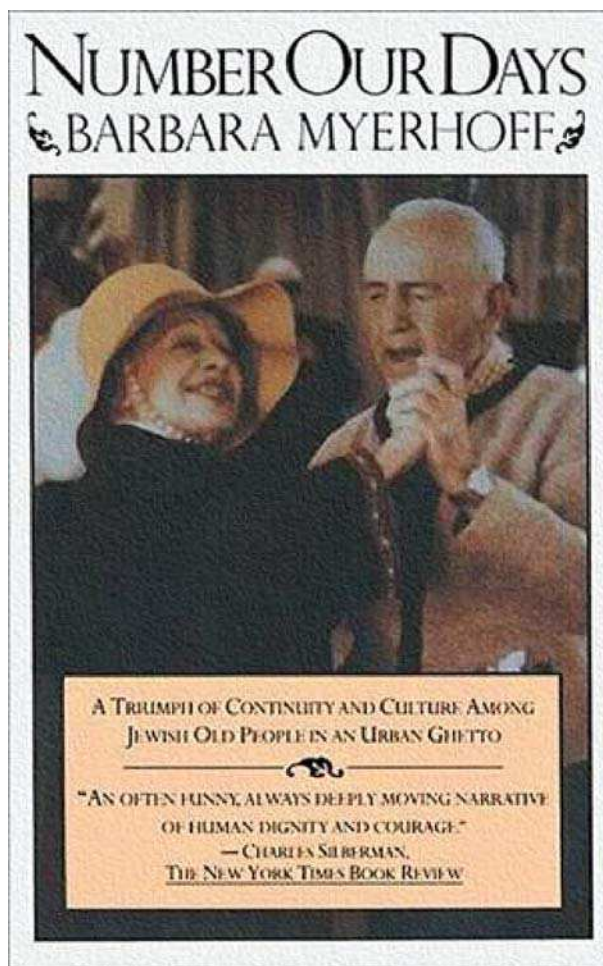
Возможно, почти полное отсутствие интереса к еврейству у собственных детей и внуков – ровесников Барбары – и побудило стариков относиться к ней как к младшему члену семьи, дочери или внучке, с нетерпением ожидающей изо дня в день все новых и новых рассказов. «Когда Йоселе Масада решил, что я похожа на его мать, и постоянно твердил всем, что я – его давно пропавшая внучка Барбаринка, <...> действительно ли он считал, что нас связывают биологические узы, или это было просто метафорой, большим комплиментом?» – размышляет Барбара.

Старики рассказывают ей о своем детстве, о родителях, наставлявших их в том, что Майерхофф впоследствии назовет «домашней религией». Одну из таких историй рассказала ей Баша, когда Барбара застала ее тщательно накрывающей стол к ужину в своей маленькой комнатке:

Это моя мать научила меня так делать. Как ни бедны мы были, мы всегда обедали на чистой белой скатерти и ничего не клали в рот до молитвы. И так я делаю до сих пор. Всякий раз, как сажусь за стол, я ем вместе с Б-гом, моей матерью и всеми соблюдающими евреями, даже если я не могу их видеть [6].

А вот рассказ Рахели, подруги Баши: «Я не хотела вытирать посуду, потому что полотенце была очень грубым, и не знала, как объяснить это бабушке. <...> Я плохо делала эту свою работу. И я никогда не забуду, как поступила моя бабушка в один прекрасный день... “Рухеле, – сказала она, – ты знаешь, что носишь святое имя. И ты должна ему соответствовать, ты тоже должна быть совершенной”. Все, что есть во мне стоящего, я получила, глядя на нее. И я почувствовала тогда, что я как бы расту, и росла до тех пор, пока не забыла о том, что полотенце грубое, и не перестала его ненавидеть... После этих слов бабушки я стала другим человеком. Полотенце стало мягким, как виссон, и я полюбила вытирать посуду. И всегда передо мной, когда я вытирала посуду, стояло имя нашей святой праматери Рахели и я думала: “Она права. Я – именно такая женщина”»[7].

«Я думаю, что у мальчиков был другой путь, – добавляет Рахель. – Они знали, что означают священные слова, и могли спорить и сомневаться. А мы, девочки, сомневаться не могли, потому что знали недостаточно. Эти вещи нам прививали в детстве. <...> Когда это происходит так, как я рассказываю, еврейство поднимается в вас от корней и остается с вами всю жизнь». Рахель имеет в виду, что девочки познавали основы иудаизма в основном дома, с помощью мам и бабушек, тогда как мальчики имели возможность посещать хедер, а затем и ешиву, изучая священные тексты. Одним из таких бывших местечковых мальчиков был Шмуэль – тот самый ученый старик, который подверг сомнению профессиональную подготовку Барбары в самом начале ее работы. Оттаяв, этот ворчливый чудаковатый человек, прозванный в Центре «философом», поведал ей и позволил записать на пленку историю своей жизни, начиная с традиционной учебы в хедере, где меламед, дабы привить детям вкус к учебе, рассказывал им множество занимательных историй, а для запоминания алфавита использовал ассоциативный метод, сравнивая буквы с фигурками людей. Узнав об интересе Барбары к идишу, Шмуэль предложил ей взять у него несколько уроков. Человек неординарный, он был не только глубоким знатоком еврейских религиозных текстов, но и поэтом; свои идишские стихи, посвященные родителям, жизни в местечке, философии, он переводил для Барбары на английский.

Через несколько дней после их последней встречи 80-летнего Шмуэля-философа не стало – он тихо умер во сне. Прощаясь, он заметил Барбаре в своей обычной ворчливой манере: «Мы тут с тобой много говорили о Б-ге. Верю ли я в Него? Не могу этого утверждать... Мудрый человек ищет Его, но не находит. Ищет, потому что должен искать, даже если Его нет... Можно сказать, что я агностик. Если Б-г существует, то не видит в нас партнеров для Своих игр».

Впрочем, не одного Шмуэля, но и большинство посетителей Центра трудно было назвать по-настоящему религиозными людьми – жизнь на новой родине, вдали от традиционной общины, не располагала к соблюдению законов и обрядов, а ужасы Катастрофы заставили многих из них усомниться в существовании Б-га или, по крайней мере, в Его милосердии. Этот вопрос, однако, настолько занимал даже самых скептически настроенных из стариков, что они постоянно возвращались к его обсуждению – в том числе и в кружке Барбары. Однажды в ходе такого спора один из «студентов», Моше, дает поразивший ее ответ на вопрос «Где был Б-г во время Катастрофы?». В соответствии с хасидской традицией, Моше начинает с притчи. Однажды рабби Мендл спросил у маленького мальчика, где находится Б-г. «Повсюду!» – ответил ребенок. На что рабби возразил ему: «Нет, Б-г – лишь там, куда человек допускает его!» Так, – продолжает Моше, – человек не давал Б-гу доступа в концлагерь. «В мире существуют силы добра и силы зла. Если Б-г управляет всем миром, в чем я не сомневаюсь, Он не может быть только злым или только добрым. В концлагерях существовало лишь зло, а ведь половина Б-га – это не весь Б-г. Поэтому Его там и не было. Но это вовсе не означает, что Б-га не существует»[\[8\]](#).

В Центре регулярно проводились встречи субботы, навевавшие на стариков ностальгические воспоминания. Все они с детства помнили, как мать, хозяйка еврейского дома, зажигает в пятницу вечером свечи. Старушки, обитавшие в доме престарелых, могли бы зажигать свечи в своих комнатах, но обычно не делали этого, – возможно, выполнение этой специфически женской заповеди лишней раз напоминало им о своем одиночестве и, по существу, бездомности. Однако во время коллективной церемонии встречи субботы в пятницу вечером пожилые дамы зажигали свечи. В Центре было принято, что церемонию проводят две или три женщины. Однажды Майерхофф стала свидетельницей тому, как к зажиганию свечей вызвали сразу трех подруг: Башу, Фейгл и Ольгу. Ольга затынула своим сильным альтом идишскую субботнюю песню на импровизированный мотив, сменившая ее Фейгл зажгла свечи, а Баша прочла над ними благословение на иврите и расцеловала подруг...

Моше вспоминает: «Мы сидели за столом с таким достоинством, мы были так счастливы! Несмотря на нашу бедность, маме всегда удавалось купить для трапезы рыбу или курицу, даже если для этого ей приходилось заложить свой жемчуг. Только в эту ночь ей удавалось поесть вместе с нами. Только в эту ночь мой отец не сердился. Все мы словно переселялись в другой мир. Папа становился королем, мама – королевой, и мы были самыми счастливыми людьми в мире!»^[9]

Наблюдая за своими стариками, погружаясь в ностальгическую для них и новую для себя атмосферу субботы и праздников, Барбара постепенно тоже «становится другим человеком», возвращаясь к своим корням. В течение четырех лет (постоянно с 1973 по 1974 и с 1975 по 1976 год и еще два последующих года с перерывами) Майерхофф оставалась вовлеченной в жизнь этих людей и как антрополог, занимающийся полевыми исследованиями, и как друг, а временами и как член семьи. За время своей работы она знакомится с половиной из трехсот постоянных посетителей Центра, а у тридцати шести из них берет подробные многочасовые интервью. Книга «Number Our Days», написанная на основе исследований, проведенных в Центре, до сих пор остается одним из лучших источников в своей области, а созданный практически параллельно с книгой одноименный документальный фильм (1977) получил «Оскара» и две премии «Эмми».

Этот фильм, снятый Майерхофф в сотрудничестве с режиссером Линн Литман, ставил своей целью показать все многообразие стратегий, применяемых стариками из Центра в их борьбе со старостью и забвением. Фильм имел большой успех. Он привлек к Центру внимание спонсоров, щедро пожертвовавших на программы, некоторые из которых шли потом на протяжении многих лет. Особенно запомнились зрителям две сцены из фильма, изображенные на афишах. Они стали своеобразным символом героизма в борьбе с телесной немощью и одиночеством. В одной из сцен пожилые женщины исполняют без партнера парный танец – живо, зажигательно, все ускоряя темп, в другой – прекрасная, несмотря на бремя лет, балерина Гита танцует в паре со своим слепым мужем, с благоговением сжимающим запястья жены.

Друзья и информанты Барбары постепенно умирают – ведь многим из них к моменту знакомства было уже за восемьдесят, а некоторым и за девяносто. К моменту выхода книги кроме Шмуэля скончались Баша и три ее подруги. Но связь Майерхофф с оставшимися в живых не прерывается. В 1980 году она организует для своих стариков фестиваль искусств «Жизнь, а не смерть в Венеции» («Life Not Death in Venice»), где творчество пожилых евреев было представлено на суд многочисленной публики, среди которой были и их собственные внуки (многие из них с удивлением узнали, как хорошо рисуют их бабушки), и такие знаменитости, как Исаак Башевис Зингер.

Посетители Центра на демонстрации протеста, вызванной гибелью их товарища под колесами велосипеда. Демонстранты требовали, чтобы пожилым людям обеспечили безопасные пешеходные зоны – без велосипедов и скейтбордов, и добились успеха. Фотография этой демонстрации, прошедшей под лозунгом «Жизнь, а не смерть в Венеции», стала визитной карточкой одноименного фестиваля искусств, организованного Б. Майерхофф в 1980 году

Барбара Майерхофф продолжает снимать документальные фильмы на этнографическую тематику, став одним из пионеров американской визуальной антропологии; в 1980 году она возглавит кафедру антропологии в Университете Южной Калифорнии и составит новаторскую программу по этой дисциплине. Ее увлечение еврейской темой не ограничивается работой со стариками из Венеции – в 1981 году Барбара начинает изучение хасидской общины района Фэйрфакс (Fairfax), расположенного в центре Лос-Анджелеса, о которой также решает снять фильм. Изначально основной его идеей должен был стать рассказ о существовании ультраортодоксального гетто в современном мире, но жизнь внесла свои коррективы. Через несколько лет после начала работы с фэйрфакскими хасидами у Майерхофф диагностируют рак легких. Посоветовавшись с режиссером Линн Литман, Барбара решает на беспрецедентный по своему мужеству шаг – снимает в соавторстве с Линн свой последний документальный фильм «In Her Own Time», рассказывающий о ее борьбе с раком и попытках фэйрфакских хасидов исцелить ее с помощью религиозных ритуалов. В эти последние годы к Барбаре словно возвращается дар двойного зрения, утраченный ею в детстве: «глядя одновременно в разные стороны», она действует и как исследователь, и как объект собственного исследования – как антрополог и как ассимилированная американская еврейка, вернувшаяся к своим корням. И если раньше, в период работы со стариками из Центра, она робко признается Шмуэлю, что при звуках иврита или идиша, даже не понимая слов, чувствует, что они – некая неотделимая часть ее самой, то теперь, на закате жизни, она открывает для себя красоту и величие еврейских ритуалов – омовения в микве, зажигания свечей – и восторженно рассказывает об этом в фильме:

Я должна сказать, <...> что эта болезнь пошла мне во благо <...> в том смысле, что теперь я сосредоточилась на еврейском мире, на подлинно еврейском мире, а не на той его секулярной части, откуда я пришла.

У них (хасидов. – Э. Я.) есть ритуалы, церемонии, знания, они делают вещи, которых не делают другие люди в случае болезни или в иной подобной ситуации. Для меня это стало открытием... Возьмем, например, ту же микву. Скажу вам как антрополог: да, в каждой религии существуют ритуалы обновляющего омовения. Но <...> именно этот ритуал, миква, подходит мне как еврейке. Это связано скорее не с

очищением после менструации, а с духовным очищением. Для меня действительно очень важно было узнать об этом. И, думаю, это так же важно для многих евреев.

Барбара Майерхофф умерла 7 января 1985 года в возрасте 49 лет, так и не успев состариться и стать «маленькой старой еврейской леди». Но вся ее короткая жизнь, за которую она успела собрать и донести до нас множество историй других людей, стала иллюстрацией мысли, высказанной ею в одном из интервью: «Неприметный и на вид самый обычный человек может содержать в себе огромную ценность для мира».

[1] Barbara Myerhoff. Number Our Days. New York, 1979. P. 11.

[2] Ibid. P. 14.

[3] Ibid. P. 26.

[4] Ibid. P. 19.

[5] Ibid. P. 254.

[6] Ibid. P. 22.

[7] Ibid.

[8] Ibid. P. 82.

[9] Ibid. P. 254.

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2009 КИСЛЕВ 5770 – 12(212)

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ, АВАНТЮРИСТЫ, РЕФОРМАТОРЫ

РОССИЙСКИЕ ЕВРЕИ-ЭМИГРАНТЫ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ (XX ВЕК)

Андрей Рогачевский

Окончание. Начало в № 11, 2009

Стало уже привычным, что, говоря о влиянии иммигрантов на положение дел в принявшей их стране, чаще упоминают тех, кто оставил след в культуре этой страны, нежели тех, кто проявил себя в политике или бизнесе. Постараемся хотя бы чуть-чуть исправить это упущение. Наш следующий «персонаж», в отличие от Самуила Котелянского, всячески скрывал свое еврейское происхождение и стал известен миру не под настоящим именем Шломо (Соломон, позднее Зигмунд) Розенблюм, но как офицер британской разведки Сидни (Сидней) Джордж Рейли (Sidney George Reilly; правильное произношение фамилии – «Райли»). Несмотря на более чем сомнительную репутацию Рейли, обойти его вниманием нельзя: уж очень значительный след он по себе оставил, послужив, как полагают, одним из прототипов образа Джеймса Бонда¹. Удалось ему это в немалой степени благодаря легендам, которые он сам о себе распространял. До недавнего времени даже подлинное место и время его рождения и смерти оставались тайной. В числе населенных пунктов, где Розенблюм-Рейли мог родиться, назывались такие географически удаленные друг от друга точки, как Одесса, Клонмел (Ирландия) и Санкт-Петербург, а в качестве года его рождения обычно указывается 1874-й. Однако, согласно новейшим данным, Рейли, скорее всего, появился на свет 11 марта 1873 года в Херсоне в семье Герша и Перлы Розенблюм², но, так как свидетельство о его рождении не сохранилось, а запись о таковом в провинциальных российских архивах до сих пор не обнаружена, и эти сведения вряд ли можно считать абсолютно достоверными. Несомненно одно: не соответствуют истине утверждения, будто Рейли посещал занятия в Новороссийском университете, в Гейдельберге или изучал химию в Венском университете и в лондонском Королевском горном институте. Ни в одном из этих учреждений ни имя Зигмунда Розенблюма, ни тем более имя Сидни Джорджа Рейли в студенческих списках не значится. Хотя Розенблюм и владел свободно русским, немецким, французским и английским языками, был он, судя по всему, просто фармацевтом и в качестве такового зимой 1895 года прибыл в Британию через Францию, дабы открыть торговлю патентованными средствами.

Сидни Джордж Рейли

Хорошо ли, плохо ли шли его аптекарские дела, но приблизительно три года спустя Розенблюм, – видимо, при помощи сильнодействующих препаратов (по предположению его самого осведомленного биографа, Эндрю Кука) – помогает некоей Маргарет Томас избавиться от неплохо обеспеченного, но прикованного к креслу-коляске мужа и вскоре сам женится на вдове. В свидетельстве о браке, заключенном в Лондоне 22 августа 1898 года, впервые появляется ирландское имя Рейли, якобы принадлежащее тестю Розенблюма, – имя, которое Розенблюм вскоре станет выдавать за свое, чтобы избавиться, по крайней мере на бумаге, от «клейма» иностранца. Живя в Лондоне, Розенблюм-Рейли подрабатывает тем, что доносит на своих знакомых, политэмигрантов из России, надзирающей за ними британской полиции. В 1899 году Рейли с женой отправляется через Россию в Китай, скрываясь, как считает один из его биографов, от следствия по делу об изготовлении фальшивых русских банкнот[1]. С 1901 года живя в Порт-Артуре и работая на известного предпринимателя Моисея Акимовича Гинсбурга (1851–1936), Рейли торгует лесом и земельными участками – а кроме того, и информацией. По косвенным данным, он был агентом японской разведки и каким-то образом, заблаговременно отослав жену в Европу, участвовал в подготовке нападения японских миноносцев на российскую эскадру в Порт-Артуре в ночь на 9 февраля 1904 года. Вскоре после этого события Рейли неожиданно исчезает из Порт-Артура и в июне месяце «всплывает» в Париже.

В январе 1905 года мы застаем его уже в Петербурге. Некоторое время спустя он начинает работать в качестве посредника на немецкую судостроительную фирму «Blohm & Voss», одновременно с этим наезжая в Лондон, где пытается возобновить торговлю патентованными средствами (включая «тибетские лекарства») через учрежденную им некогда «Ozone Preparations Company». К тому же Рейли становится одним из директоров компании «Крылья», торгующей аэропланами, и имеет прямое отношение к постройке первого петербургского аэродрома на Комендантском поле. Появление в России его жены в 1909 году заканчивается трагично: узнав о существовании некоей соперницы (любовниц у Рейли было немало), Маргарет пытается покончить с собой. Рейли Маргарет уже не нужна: снабдив его «чистым» паспортом и некоторым капиталом, она, что называется, выполнила свою миссию и сходит со сцены, лишь изредка беспокоя Рейли, – как можно полагать, просьбами о денежном вспомоществовании. В феврале 1916 года, еще не разведясь с Маргарет, Рейли женится на российской гражданке еврейского происхождения, Надежде Петровне Массино, по первому мужу Залесской.

С началом первой мировой войны Рейли оказывается в Японии и США с поручением заключить контракты на производство и поставку в Россию оружия и боеприпасов. Кроме того, он становится посредником при продаже в Россию никелевой руды и при поставке автомашин скорой помощи российскому Красному Кресту. По некоторым данным, к 1917 году вся эта деятельность в совокупности приносит Рейли около 3 млн долларов. В октябре 1917-го, однако, в карьере Рейли обозначается несколько неожиданный поворот: он оказывается на канадской территории и в чине младшего лейтенанта поступает на службу в Королевскую авиацию, причем почти сразу же прикомандировывается к разведывательному ведомству, и после инструктажа в Лондоне направляется в Россию. После высадки в Мурманске ранней весной 1918-го Рейли через Петроград прибывает в Москву, а затем, в августе того же года, становится участником многократно описанного «заговора Локкарта», или «заговора трех послов», – спровоцированной чекистами попытки устранить большевиков от власти, в которую оказались вовлечены специальный представитель британского правительства в Москве Роберт Брюс Локкарт, французский посол Жозеф Нуланс и американский посол Дейвид Фрэнсис. Рейли был заочно приговорен к смертной казни, и ему пришлось бежать из России по подложным документам. Не успел он возвратиться в Лондон, как тут же снова был отправлен в Россию, на сей раз на юг страны, в качестве наблюдателя при войсках под командованием генерала Деникина. Тут Рейли пробыл с декабря 1918-го по конец февраля – начало марта следующего года. С одним из его открыто проденикинских докладов с места событий были ознакомлены некоторые члены британского Кабинета министров и сам король Георг V [2]. Не исключено, что взгляды Рейли как-то повлияли на проденикинскую позицию военного министра У. Черчилля, с которым Рейли был знаком и находился в переписке. В январе 1919-го в ознаменование своих заслуг Рейли награждается Военным крестом.

Дальнейшие усилия Рейли направлены главным образом на создание своего рода Англо-американского синдиката, с возможным участием французов, который был бы готов инвестировать в постбольшевистскую экономику России. Британские банки, однако, предпочитали тактику выжидания, не зная, чем закончится Гражданская война. Не помогала делу и неторопливая процедура принятия решений и разногласия в британском правительстве и правительственном аппарате. В итоге, когда некий консенсус как будто был достигнут, белым силам на юге России ничто уже не могло помочь. И на личном фронте у Рейли все обстояло не лучшим образом: в марте 1920 года Рейли и его вторая жена Надежда подают на развод. Осенью 1920-го, когда Красная Армия сражается с поляками, Рейли оказывается в Варшаве, где становится активным сподвижником писателя и политического деятеля Б.В. Савинкова, одного из организаторов вооруженного антибольшевистского сопротивления [3]. Видя в Савинкове будущего спасителя России, Рейли пытается убедить британское правительство сделать ставку на савинковский «Союз защиты родины и свободы», а когда попытка не удается, начинает финансировать эту организацию сам. Между тем выясняется, что денежные дела Рейли далеко не блестящи: то ли слухи о его богатстве были сильно преувеличены, то ли стиль его жизни (роскошные отели в качестве временных пристанищ, любовницы и жены на содержании) без остатка поглощал значительную часть доходов, но в начале 1920-х годов основные надежды в плане собственного благосостояния Рейли возлагает на судебный процесс против американской «Baldwin Locomotive Company», которая якобы задолжала ему 542 825 долларов комиссионных. Пока что Рейли вынужден пустить с молотка коллекцию так или иначе связанных с именем Наполеона предметов, которую «супершпион» собирал чуть ли не четверть века. А тут еще в начале 1922 года британская разведка увольняет Рейли «по сокращению штатов»: отчасти потому, что с наступлением мирного периода многие агенты оказываются не у дел, а также потому, что Рейли время от времени

превышал служебные полномочия и вместо простого сбора информации ввязывался в разнообразные авантюры, иногда без ведома или вопреки воле начальства.

Выйдя в отставку, Рейли снова посвящает себя бизнесу и старается наладить то экспорт радия из Чехословакии, то ввоз яиц из Болгарии, но без особого успеха. К счастью для него, ему снова подворачивается вдовушка со средствами, актриса Нелли Бертон, более известная под псевдонимом Пепита Бобадиля, и 18 мая 1923 года они сочетаются браком – незаконным, потому что Рейли до сих пор еще женат на Маргарет (о чем Пепита, впрочем, не подозревает). Очередная женитьба, однако, не поправляет финансовых дел Рейли. Его попытки возобновить торговлю патентованными средствами, на сей раз в США, терпят крах. Верховный суд штата Нью-Йорк, рассматривающий тяжбу Рейли с «Baldwin Locomotive Company», принимает решение в пользу ответчика. И приблизительно в то же время, в августе–сентябре 1924 года, в результате контрразведывательной операции «Синдикат-2» агенты ОГПУ заманивают в Россию единомышленника Рейли Савинкова, арестовывают его, судят и заставляют принести публичное покаяние! Нечего и говорить, как тяжело это все отразилось на Рейли, здоровье которого заметно пошатнулось.

Жертвы Ленского расстрела. 1912 год

«Синдикат-2» был частью планомерной программы чекистов по инфильтрации и нейтрализации антибольшевистских кругов на Западе. С этой целью на территории России ОГПУ создало фиктивную тайную организацию под кодовым названием «Трест», антибольшевистски настроенные члены которой якобы обладали большим могуществом и не знали только, кого бы из-за границы пригласить к себе в вожди для захвата власти. «Трест» вызывал естественное любопытство западных спецслужб, и в начале 1925 года Эрнест Бойс, глава британской разведывательной миссии, расположенной в Хельсинки, обратился к Рейли как к бывшему коллеге, неофициально попросив его встретиться с находившимися за пределами России представителями «Треста» и дать оценку тому, что они рассказывают. К концу сентября Рейли прибыл в Хельсинки. Встреча с людьми из «Треста» состоялась в Выборге. Хотя этого совершенно не требовалось, Рейли дал уговорить себя отправиться в Ленинград и Москву по поддельным документам, дабы лично встретиться с теми, кто возглавлял «Трест». Так Рейли угодил в ту же ловушку, что и Савинков. Подобный просчет можно, вероятно, объяснить недостаточным – вопреки всем легендам – профессионализмом Рейли-шпиона. По-видимому, Рейли был в первую очередь

коммерсантом, и в этом смысле информация для него являлась таким же товаром, как и все остальное, будь то медикаменты или оружие. Вполне возможно, что и в британскую разведку он в свое время завербовался главным образом потому, что иначе в разлагающуюся Россию, где находились выгодные клиенты, покупавшие при его посредничестве военное оборудование, было трудно проникнуть. Даже на встрече с «теневым правительством» из «Треста» на даче в Малаховке 27 сентября 1925 года Рейли говорил о том, что для привлечения денежных средств, необходимых, чтобы свергнуть советскую власть, нужно организовать тайную продажу российских музейных сокровищ на Запад, – с самим собой в качестве посредника, разумеется, – и даже будто бы предъявил список того, с чего следовало начать [4].

В тот же день его арестовали. Для отвода глаз 28 сентября на советско-финской границе, у населенного пункта Алякюля, на виду у финских пограничников была устроена перестрелка, в ходе которой при попытке нелегально покинуть советскую территорию якобы погибли два человека. Пошел слух, что одним из убитых был Рейли. Что произошло в действительности, долго оставалось неизвестным. Некоторые полагали, что Рейли стал первым агентом-перебежчиком и впоследствии продолжал служить в ОГПУ [5], а кое-кто высказывал не лишнее любопытства соображение, будто Рейли был двойным агентом чуть ли не с самого начала [6]. И однако не так давно обнаруженные доказательства из архивов ФСБ (включая отчет ответственного за акцию оперативника Григория Федулеева и фотографию трупа Рейли) неопровержимо свидетельствуют о том, что после длившихся около месяца допросов Розенблюма-Рейли убили выстрелом в спину во время прогулки в Сокольниках 5 ноября 1925 года и зарыли на внутреннем дворе Лубянской тюрьмы [7]. При том что Рейли был приговорен к смерти еще в 1918-м (а отомстить интервентам, наверное, ой как хотелось!), новый показательный процесс над ним по типу савинковского вряд ли мог принести какую-либо ощутимую пользу. Назвать Рейли одним из вождей эмиграции, чья публичная экзекуция и/или искреннее раскаяние во всем содеянном произвели бы на кого-то неизгладимое впечатление, можно было лишь с огромной натяжкой. Риск же международного скандала (как-никак Рейли был подданным его королевского величества) в подобном случае мог оказаться вполне реальным. К тому же пришлось бы объяснять, при каких обстоятельствах Рейли очутился в Советском Союзе, а это могло поставить под угрозу дальнейшее успешное проведение операции «Трест» по уже не раз опробованному сценарию.

Несмотря на то что Рейли, насколько можно судить, не придавал особого значения своим еврейским корням (на одной из встреч с представителями «Треста» он заявил не моргнув глазом, что еврейский погром в России в результате перехода власти из одних рук в другие будет неизбежен, но что новое правительство, состоящее из членов «Треста», не должно вмешиваться, ибо дальновиднее будет объявить погром «проявлением национальных чувств» [8]), из истории российских евреев в Великобритании его вычеркивать отнюдь не следует, потому что без него картина была бы неполной.

В исследованиях, подобных нашему, до обидного редко упоминаются женщины. Между тем некоторым из них удалось внести не меньший, если не больший, вклад в британский бизнес и британскую политику по сравнению хотя бы с тем же Рейли. В данной связи хочется вспомнить о Флоре Солон (1895–1984), дочери нефтяного магната и банкира Григория Бененсона (1864–1939), сестре Мани Харари (совладелицы издательства «Harvill Press», на протяжении многих лет выпускавшего переводы книг с русского; 1906–1969) и матери Питера Бененсона (основателя «Амнести Интернешнл»; род. в 1921). Флора Солон воспитывалась в частном

пансионе в Висбадене, долгие годы была любовницей А.Ф. Керенского, но вышла замуж за подполковника британских войск связи Харолда Соломона, который во время первой мировой войны участвовал в военных действиях в Сербии, а в 1920-х годах играл заметную роль в администрации Палестины. В новейшей британской истории ее имя останется потому, что она радикальным образом повлияла на улучшение условий труда служащих торговой сети магазинов «Маркс энд Спенсер», что в итоге отразилось на всей стране.

**«Британский ресторан».
Вторая половина XX века**

Эта фирма, ныне достигшая мировой известности, была основана в 1894 году еврейским эмигрантом из России Майклом Марксом совместно с англичанином Томом Спенсером. Торговля первоначально велась на севере Англии, в Манчестере и Лидсе, но дела шли настолько хорошо, что в 1930-м, невзирая на начинавшуюся Великую депрессию, компания открыла магазин в центре Лондона, в престижном районе Марбл Арч. Тем не менее служащие компании в подавляющем большинстве своем были «плохо одеты, на лице скука, щеки ввалились от голода. Это было время, когда любая, самая мелкая работа считалась привилегией, которую могли отобрать из-за малейшего пустяка. Те, чья зарплата зависела от объема розничной продажи (т. е. по большей части женщины без каких-либо профессиональных навыков), занимали самое низкое положение. <...> Тогда любой работодатель в Британии мог держать продавщиц за прилавком до позднего вечера, не предоставляя им никаких удобств во время перерыва. Он не был обязан ни обогревать помещения зимой, ни вентилировать их летом, ни обеспечивать самую элементарную гигиену»^[9]. Профсоюзы в тот период в основном уделяли внимание борьбе за сокращение рабочей недели и повышение зарплаты, а проблему благоустройства рабочих мест особо не поднимали – тем более там, где трудились по преимуществу женщины, в массе своей членства в профсоюзах избегавшие. Не совсем понятно, почему плохо оплачиваемые и почти бесправные представительницы британского рабочего класса нашли своего защитника именно в лице дочери российского мультимиллионера. Сама Флора утверждала, что ее с детства преследовало чувство вины из-за расстрела бастующих рабочих на Ленских золотых приисках в 1912 году (одним из акционеров на приисках был ее отец). Так или иначе, когда в начале 1930-х Григорий Бененсон разорился и больше не мог давать дочери деньги на содержание, она не нашла ничего другого, как предложить давнему знакомому, Саймону Марксу (одному из наследников Майкла), свои услуги по созданию человеческих условий для работавших на того продавщиц. Относясь к Саймону по-дружески, Флора Соломон в то же время не одобряла его эксплуататорских

методов и прямо сказала ему: «Это из-за таких компаний, как “Маркс энд Спенсер”, у евреев плохая репутация».

К чести Маркса, он тут же открыл в своей фирме отдел социального обеспечения с Флорой во главе, а та, с учетом немецкого опыта по созданию условий труда для служащих магазинов и фабричных рабочих, начала внедрять различные новшества на британской почве. Поначалу речь шла о субсидированных буфетах или столовых для сотрудников фирмы. Когда выяснилось, что свои отпуска служащие «Маркс энд Спенсер» проводят в основном дома, для них стали организовывать поездки по стране за символическую плату (у фирмы появились даже свои собственные базы отдыха на морском побережье). Затем к каждому филиалу были прикреплены специалисты-медики, наблюдавшие за здоровьем персонала, что фактически можно приравнять к «службе национального здравоохранения в миниатюре»[\[10\]](#). При штаб-квартире «Маркс энд Спенсер» была учреждена Комиссия по социальному обеспечению, которая оказывала материальную помощь сотрудникам, находившимся в стесненных обстоятельствах, и ведала премиями для тех, кто по тем или иным причинам уходил из фирмы после десяти лет непрерывного рабочего стажа. В сущности, это была благотворительность (умение заниматься которой и по сей день является составной частью воспитания женщин из обеспеченных семей), но в гораздо больших масштабах, чем обычно, – в тот период на «Маркс энд Спенсер» работало около 20 тыс. человек.

Постепенно по инициативе и при участии Флоры создавались и иные немаловажные прецеденты. Так, было принято решение не увольнять без одобрения Комиссии тех, кто проработал на фирму хотя бы пять лет. Продавщиц обязали носить униформу и делать макияж. На стенах магазинов и офисов стали развешивать репродукции картин старых мастеров. Время от времени повышалась минимальная заработная плата. Был учрежден и отдел повышения квалификации, так что теперь продавщицы могли делать в «Маркс энд Спенсер» настоящую карьеру. Благодаря этому же отделу «Маркс энд Спенсер» смог брать на работу еврейских беженцев из Германии.

В общем, сегодняшней своей репутацией «просвещенного работодателя» фирма главным образом обязана Флоре Соломон. Нововведения Соломон постепенно стали перениматься и другими крупными компаниями и теперь укоренены чуть ли не повсеместно. Неудивительно, что в 1960-х годах, чтобы помочь справиться с наплывом и благоустройством репатриантов, Голда Меир пригласила в Израиль именно Флору (которая, между прочим, хорошо знала Хаима Вейцмана и Давида Бен-Гуриона). Во время второй мировой войны талант Флоры нашел свое применение в организации так называемых «британских ресторанов» – по существу, экстренных пунктов питания. За свою деятельность во время войны Флора Соломон была награждена Орденом Британской империи.

Мы рассказали лишь о трех переселившихся в Великобританию евреях из России, чьи судьбы наглядно иллюстрируют разнообразие направлений и способов успешной интеграции в британском обществе. Детальная история еврейской эмиграции из России в Британию на других индивидуальных примерах – дело будущего.

[1] Ibid. P. 45–47.

[2] Ibid. P. 164.

[3] Подробнее об отношениях Савинкова и Рейли см.: Spence R.B. The Terrorist and the Master Spy: The Political «Partnership» of Boris Savinkov and Sidney Reilly, 1918–25 // *Revolutionary Russia*. 1991. Vol. 4. № 1. P. 111–131; Зубарев Д. Три недели непрерывного кошмара...: Письма С. Рейли // *Минувшее*. 1993. Т. 14. С. 275–310.

[4] См.: Cook A. Op. cit. P. 209.

[5] См., например: Lockhart R. B. Reilly: The First Man. New York, 1987.

[6] См., например: Пименов Р.И. Как я искал шпиона Рейли // *Собрание документов самиздата*. Т. 22. 1976. АС № 1089.

[7] См.: Cook A. Op. cit. P. 222–223; Милютин Ю. [Прелин И.] Конец шпиона Рейли // *Совершенно секретно*. 1990. № 12. С. 21–23.

[8] Своей жене Маргарет он тоже говорил, что в процессе «выздоровления» от большевизма Россия может уничтожить как минимум миллион евреев (см. Cook A. Op. cit. P. 206, 270).

[9] Baku to Baker Street: The Memoirs of Flora Solomon, by Herself and Barnet Litvinoff. London, 1984. P. 157.

[10] Knightley Ph. Marks & Sparks & Spies // *The Sunday Times*. 17 June 1984. P. 43.
Общенациональная служба здравоохранения возникла в Британии только после второй мировой войны.

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2009 КИСЛЕВ 5770 – 12(212)

«ЧЕЛОВЕК ДЕРЕВА»: СТРАНИЦЫ ИЗ ЖИЗНИ ПЕРВОПРОХОДЦА

Нелли Портнова

יֵאָבֵד אֶת־עַמּוּנוֹתַי מִן־אֲנָשֵׁי־אֵלֶּיךָ יְאֹבֵדָה

יֵאָבֵד אֶת־עַמּוּנוֹתַי אֶת־עֹיְאָרוֹתַי צֵאֵי עוֹ...

Иосиф Виткин. Гедера. 1900 год.

Облик пришедших в Эрец-Исраэль из России пионеров-халуцим, казалось, давно нам знаком. В самом общем виде в нем преобладают яркие беспримесные краски: романтизм, упорство и самоотверженность – и почти нет оттенков рефлексии, самоощущения, порой не менее важных. Письма Михеля Похачевского (1866–1947)[\[1\]](#), одного из ротшильдовских агрономов, позволяют конкретизировать этот облик.

Михель и Нехам Похачевские

В 1885 году барон Эдмон де Ротшильд, взявший под свое покровительство еврейские сельскохозяйственные поселения в Земле Израиля, решил заменить неудавшееся хлебопашество на виноградарство. Он обратился к руководству палестинофильского движения «Ховевей Цион» с просьбой прислать шесть человек для обучения сельскохозяйственной науке у специалистов его колоний, с тем чтобы потом распространить опыт обработки земли на все еврейские поселения. Были выбраны шестеро: Авраам Гальперин, Леон Игли, Моше Вархафтиг, Ицхак Эпштейн, Гершон Горовиц и Михель (Йехиэль) Залман Похачевский. Эти шестеро молодых людей прибыли из России в поселение Зихрон-Яков, работами в котором заведовал чиновник Ротшильда Жостин Дигур, известный своей враждебностью к колонистам. Будущие агрономы натолкнулись на его нежелание учить чему-либо евреев из России; от тяжелых условий и непосильной работы Авраам Гальперин вскоре умер, Леон Игли заболел и вернулся в Россию, остальные же обратились с жалобой к руководству «Ховевей Цион». Скоро сменился управляющий колониями, и молодых людей перевели в Рош-Пину, где местный агроном встретил их дружелюбно, начал обучать практике и теории по книгам, специально для них заказанным. Трое из шестерки

остались земледельцами до конца жизни, в том числе и Похачевский. Он был назначен инспектором большого сада в Ришон-ле-Ционе, который до сих пор украшает город, и специалистом по разведению винограда. Кроме того, он основал питомник тропических растений и масличных деревьев. В 1889 году Михель вступил в переписку с девушкой из родного города Бреста Нехамой Финштейн (1869–1934), тоже палестинофильских взглядов, и вскоре женился на ней. Вместе с женой он вернулся в Ришон-ле-Цион.

Стратегической целью первых еврейских колонистов было добиться самостоятельного хозяйствования на земле (по опыту колонистов Алжира). В 1896 году Похачевский стал первым, кто выплатил деньги за арендованную землю и сделался полноправным землевладельцем. Но своим хозяйством занимался мало, посвящая все время обучению еврейских фермеров и колонистов последним технологиям выращивания винограда, цитрусовых и маслин. Со своими инструкциями – как защитить посадки от ветра, как возродить заболевшие масличные деревья, как обрезать и прививать – он добирался в самые разные районы: горные склоны Иерусалима, Изреэльскую долину (мошавы Кфар-Йехезкель, Тель-Йосеф, Нагалаль, Эйн-Харод), Иорданскую долину (кибуцы Дганья-Алеф и Дганья-Бет), поселения юга.

Несколько писем, выбранных из архива Похачевских, относятся к середине 20-х годов. Адресованные жене и детям, они зачастую напоминают предназначенные для печати очерки. В этом нет ничего исключительного: знаменитый Аарон-Давид Гордон, философ-толстовец и земледelec, обращался к своему другу Б. Бруцкусу, не готовому к алие, в открытых письмах («Палестинские письма. Из частной переписки эмигранта»[\[2\]](#)). Друг Похачевского, учитель и директор школы в Ришон-ле-Ционе Иосиф Виткин писал родным в Могилев целые поэмы о Стране Израиля, а находясь в России, куда он был отправлен в качестве сионистского агитатора, посылал Похачевским такие признания: «Вы не можете представить себе, как радуется, как воодушевляет мой дух письмо, в котором бумага, каждое слово напоминают мне главное в моей жизни: Эрец-Исраэль, ее небо, ее великолепие, тропинки ее виноградников и ширь ее полей. Такое письмо приводит меня, хотя бы на короткое время, из нынешнего окружающего меня затмения к вашему внутреннему свету, свету, привыкнув к которому вы не чувствуете его»[\[3\]](#). Особое отношение к эпистолярному жанру как средству выражения своей связи со страной было, видимо, характерно и для Похачевского.

Исторически, Похачевский совмещал в себе несколько сменившихся в процессе заселения Земли Израиля типов: пионера-основателя, пришедшего поселиться на пустынной земле, рабочего, стремящегося к «завоеванию труда», и специалиста-прагматика, несущего на эту землю новую технологию. Публицист и общественный деятель Моше Смелянский писал о Михеле Похачевском по поводу его 80-летия: «Он – человек дерева, упрям, как дерево, и свеж, как дерево, посаженное при потоке вод. Его поток вод – это любовь к своему народу, его земле и деревьям».

Приводим эти письма в нашем переводе с иврита.

* * *

Нехама[\[4\]](#) – детям

Кирьят-Анавим[\[5\]](#)

18 швата 1924 г.

Дорогие дети, Цви, Асаэль, Эфрат и Ада!

В понедельник, когда я писала свое предыдущее письмо, я и не предполагала, что до сегодняшнего дня мы еще не будем готовы к поездке. Подрезание веток в виноградниках прервалось из-за дождя, кроме того, из-за границы прибыли саженцы, и папа вынужден будет показать свой способ посадок, так что выехать в назначенный день не сможем никоим образом.

От вас за всю неделю не было ни одного письма. Понятно, что это усугубляет мое волнение. В чем причина? Случилось что-то? Кто-нибудь заболел? Эти мысли терзают сердце, и я хотела бы уже быть дома, но оставить здесь папу, не организовав его поездку в Тверию, я не могу. Он и так уваливает от этой поездки. Мы прикладываем ему бутылки с горячей водой, чтобы облегчить боль. Мы должны постараться поставить его на ноги и облегчить страдания.

В прошлую ночь была сильная буря. Думали, что ветер снесет дома. Всю ночь думала о тебе, Эфрат, – ты же терпеть не можешь ветер, – и, конечно, не спала всю ночь. Наверняка ты думаешь о нас, что мы делаем здесь в такую бурю? В комнате молодежи не было так страшно. В папиной комнате намного хуже. Там нет потолка, а стены не оштукатурены^[6]. Но все закончилось благополучно.

Поразительно, как весел и счастлив папа в обществе молодежи. Он так хорошо себя чувствует среди них, как будто Всевышний дал ему рай на земле. Для меня это настоящая победа, ведь были годы, когда он не верил в наших молодых братьев, когда считал, что ишув должен быть построен чужими руками. Это вызывало у него страдания, и мне трудно было с этим бороться. Сейчас нет слов, чтобы описать радость победы, когда папа видит работу «рук Яакова», верит в их будущее и из последних сил хочет помочь им укрепиться в этом пустынном уголке среди вечных скал. Когда я брожу между ними и вижу участки, маленькие, как ладонь человека, единственные, которые приспособлены для вспашки и посева, вижу любовь и преданность, с какой люди обрабатывают эти участки, когда я вижу грозные горы, величие, красоту, то мне кажется иногда, что Б-жий дух веет над этим местом, нашептывая нечто древнее о его прошлом и будущем...

Я ничем не занята, кроме писания днем и чтения вечером. Добрые подруги иногда мне читают. Я лежу в постели и тут же, как мне свойственно, засыпаю.

На горе возле коровника поселилась на этой неделе новая группа из «Шомер а-цаир» – 14 парней и 7 девушек. Национальный фонд поручил им здесь посадку леса. Мы с отцом нанесли им вечерний визит. До чего милая молодежь – как деликатны, как хороши, благородный дух былой еврейской традиции их осеняет. Дай им Г-сподь силы для тяжелого труда по застройке Страны и освоению гор.

Улица в Цфате. 1920-е годы

* * *

Михель – детям

(без даты)

Дорогие дети!

Вы, конечно, смеетесь над нами и даже сочувствуете нам немного оттого, что в такие тяжелые дни мы находимся в бараках. Это почти как очутиться на нашем сеновале. Приятно быть снова вместе с халуцим и почувствовать себя так же, как в дни юности. И не зря было сказано обо мне на прощальном вечере, что старость моя не позорит юности моей. С того момента, как я прибыл в страну, я всегда был готов к жертвам. Счастлив, что случай предоставил мне теперь возможность воспользоваться всеми своими знаниями, которые мне уже не приносят пользы. Но по правде, сытый голодного не разумеет. Я и не думал, что мои познания настолько пригодятся новым поселенцам. Все кажется настолько элементарным, что уже нечего и писать о посадках виноградника, ведь каждый араб из Бейт-Дагана^[7] разбирается в этом. Но теперь я вижу, что перед нами, ветеранами, открывается широкое поле деятельности – во имя молодых строителей нового ишува. Все, что мы знаем, для них – закрытая книга. Не преувеличу, если скажу, что ни один день здесь не прошел для меня даром.

Ныне настал час отъезда. Я уже решил было уехать, но еще не закончилась посадка нового винограда, и сердце не дает мне все это так оставить. Понятно, что без меня наделают тут ошибок, и если я еще вернусь сюда, не оберусь позора оттого, что ученики мои ошиблись. Поэтому я остался еще на несколько дней, чтобы убедиться в том, что все изученное усвоено правильно. Пока я был в окрестностях Тверии, меня уже пригласили в несколько поселений. Это для меня будет наслаждением духовным, но пусть не завидуют мне жители Ришона, потому что все это я делаю безвозмездно.

Всем привет, ваш папа.

* * *

Святой город Цфат^[8]

Нехама, дорогая!

Ну что сказать? Благодарю Б-га за случай, который устроил мне эту поездку. Ты не представляешь, как я любовался пейзажем в дороге. По выезде из Иерусалима мне повезло с арабом-феллахом, который знал названия всех деревень, и всю дорогу я не оставлял его в покое. Получил истинно духовное наслаждение. Вообще, все прошло совершенно без задержек. Приехали в Тверию в 1.30, после того как пробыли довольно долго в Меа-Шеарим. Тут же нашел автобус в Цфат, затем по чудесной дороге прибыл в Рош-Пину, еще до заката. В Тверии мы пробыли буквально несколько минут. По дороге встретил в другом автобусе брата Фридмана, бывшего однажды у нас. Он тут же разгласил по всей Рош-Пине о моем прибытии. Нас приветствовали со всех сторон. Тут же прибежал сын Арье и привел отца. Успел повидаться с ним только минуту, и автобус уехал. На закате прибыл в Цфат. Автобус остановился прямо у двери доктора. Можешь представить, как они меня приняли. Доктор оставил для меня место, и если бы я опоздал на день, то должен был бы долго ждать, пока в больнице освободится место[9]. Я уже уплатил 6 фунтов – гроши – за все. Сейчас мне разрешили погулять по Цфату до двух часов, в два мне нужно уже быть в этом замечательном доме заключения. Видимо, не отвертеться. <...>

Вернемся к описанию дороги. По пути мне показали Нурис, Мерхавью, Седжеру, Тель-Адашим, издали же был виден Явниэль[10]... Вблизи не видел ни одного поселения, издали же создается впечатление удручающее. Совсем нет зелени, как на военной базе. В сравнении с Ришоном это вызывает жалость. Я не делаю еще выводов, но так кажется с первого взгляда из окна автобуса. Возможно, при более близком знакомстве изменю мнение.

Сейчас о том, что видел у наших соседей. Множество масличных посадок, старых и молодых. Не мешало бы им поучиться у меня, как выращивать маслины. Эти посадки тут со времен чуть ли не первого человека. Много слышан также о местных источниках и водяных мельницах. Действительно, места благословенные. И при всем этом настолько заброшенные... Как будто земля ждет прихода Мессии, когда только и явятся ее настоящие хозяева и извлекут из нее настоящее богатство. Что мы видим, например, в Мигдале[11].

Из Тверии ехал в машине с арабами. Они показывали мне, какой рай создали наши братья, на различия между землей превосходной и ужасной. И они в восторге от того, как евреи превратили эту землю, где ни один дикий зверь не находил убежища, в Ган Эден, и сейчас здесь посадки миндаля, ежевики, зелени всех видов.

Хотел написать отдельное письмо Эфрат и Цви, но сейчас ленюсь, передай им мой привет.

Еврейские сельскохозяйственные рабочие в Земле Израиля. 1920-е годы

* * *

Цфат, больница «Хадасса»[\[12\]](#)

26 адара 1924 г.

Дорогая Нехама!

У меня новость. Вчера не дали мне даже взять ручку, потому что сняли швы. Сейчас посетил меня доктор Шапира и сказал, что завтра разрешит спуститься с кровати, к которой я был прикован с прошлого вторника. Это могут понять только дочери Хавы – из-за страданий, которые выпали на их долю, поэтому вы должны требовать больше прав. Прости, если был грешен перед тобой в этом смысле, но разве можно иметь представление о страданиях, если ты их еще не испытал? Конечно, нет. Состояние мое прекрасно, я уже ем все, кроме хлеба. Я удивляюсь, как можно вообще в таком состоянии еще требовать еду. Но природа берет свое. Выгляжу я хорошо и получаю комплименты, а от медсестер в особенности за то, что не утруждаю их, как другие больные.

Говорил сейчас с д-ром Шапирой по поводу моих поездок в поселения в Галилее после того, как выйду отсюда. Он сказал, что категорически против этого, что из больницы мне надо ехать на автобусе прямо домой. Что делать? Я буду смотреть на нашу страну издали, как в свое время Моше-рабейну. Лежа в кровати, я нашел и тут работу: сейчас я учитель сестер «Хадассы». Ивритская терминология у них очень неправильная, несмотря на то что иврит здесь главенствует.

Прикованный к кровати, вижу перед собой гору Ханаан[\[13\]](#) во всей ее красе. <...> И как напоминает мне это место мои 23 года, когда я был ребенком, переполненным образами Танаха. Каждый шабат забирался я в эти горы, ища следы далекого прошлого, ибо любой камень напоминает о нашей истории, и как приятно сейчас вспоминать все это! Есть такие, что всегда отказываются от своей юности, а если возвращаются в места своего детства, то тоска съедает их. У меня все не так. Приятно в свои 60 перелистывать книгу воспоминаний. Я ни от чего не отказываюсь. Я счастлив судьбой, которая выпала мне. Я мечтал и боролся до сегодняшнего дня, я полностью исполнил свое предназначение и надеюсь, что так будет и в дальнейшем. Подвожу 40-летний итог своей деятельности и прихожу к выводу, что вышло совсем

неплохо. Понятно, что моя ежедневная жизнь полна неудобств и страданий. Нужно помнить: мы постоянно находимся на поле битвы. Представляю, как смешна тебе вся эта моя болтовня. Но что делать? Нет у меня другой деятельности, и я у тебя прошу прощения. Всем, всем привет. Эфрат я послал только одно письмо.

Твой Михель.

[Приписка:] Горячий и сердечный привет моей дорогой Нехаме. Когда твой уважаемый муж вернется домой, он расскажет тебе все о нашей жизни в Галилее. Твой друг доктор Арье Шапира.

* * *

Цфат, больница «Хадасса»

27 адара 1924 г.

Дорогая Нехама!

Это историческая минута. Первый раз я встал с кровати. Разрешение на это получил несколько часов назад. Но готовился к этому долго, так как просто не чувствовал в себе мужества, но в конце концов решился и прошелся по комнате с помощью сестры. Доктор очень доволен своей работой, и, кроме того, по сравнению с другими больными, мне еще повезло. Я уже сижу на стуле у стола и не прикован к кровати. Представляешь, каково это.

После обеда я получил твое короткое письмо из Дганьи[14]. Было очень приятно услышать, что работа продолжается. Семья доктора Шапиры исполняет свои обязанности наилучшим образом. Все смотрят на меня как на их родственника и завидуют мне. Я рассказывал тебе об опасной операции, которую он сделал в это воскресенье и сам сказал, что это опасная операция. Мы думали, что после нее больной закроет глаза навечно. Но чудо: сегодня уже пятый день, и ему лучше... Какая преданность, какая тонкая душа! Сколько раз ночью я просыпался, и доктор наклонялся надо мной узнать, как я. И так ко всем без исключения. Какое счастье для больницы, которая приобрела такую жемчужину! В мужском отделении есть место только для 16 кроватей, но отказывать кому-то не в их правилах. Кровати уже стоят в коридоре, а со всей Галилеи слетаются молодые люди избавиться от старых недугов <...>. Сегодня ночью привели арабского сторожа, в которого без причины стрелял его друг. В час я услышал голос доктора и испугался, и он мне объяснил причину. Доктор пошел спать лишь около трех, после того как больной немного успокоился. А в пять он уже пришел к нам, готовый оперировать этого араба. Разве можно найти еще такого человека? Здесь есть больные с болезнями продолжительными, и они получают проживание у доктора, который всегда находит особенные слова сострадания, как отец детям. Более же всего удивляет меня милосердие, которое исходит тут от всех служащих и сестер – совсем не так, как у нас на винодельне. Я нашел в этом доме такую тишину и покой, такую нежную любовь! <...>

Очень хотел бы знать, как здоровье всей семьи, так как здесь вспыхнула эпидемия гриппа, но без страшных последствий. Передай привет всем и специально маме, скажи, что скоро приеду и сделаю ей кидуш[15].

Твой Михель.

Кибуц Дганья. Начало 1930-х годов

* * *

Бейт-Альфа[16]

11 ияра 1926 г.

Дорогая Нехама!

Вечером в шабат после обеда я оставил Дганью-Алеф, после того как успешно закончил все неотложные работы, и приобщение девушек к посадке удалось наилучшим образом, и мне здесь все благодарны. Сейчас я расстался с Дганьей, как с Кирьят-Анавим, то есть по-братски. Причина, по которой я уехал, – это письма из Эмека[17] о том, что они ждут меня со дня на день. В последнее время я перемещался между соседними кибуцами Кинерет[18] и Дганья-Бет. Особенно приятно, что во многих местах я увидел плоды моего учения, усвоенного с первого раза, и сейчас есть полная уверенность, что они не свернут с дороги, которую я им указал. К вечеру я приехал в Бейт-Алефу. Было радостно, что завтра шабат, когда все свободны от работы и смогут совершить со мной экскурсию в виноградник. Утром я вышел в составе большой смешанной компании парней и девушек, так как девушки уже слышали, что я сделал в Дганье. Я заметил, как одна записывает в свой блокнот украдкой все, что я говорю, и это мне понравилось. Поэтому я организовал сегодня такую же группу для подвязки винограда, и девушки работают лучше юношей. Надолго я здесь не останусь, перейду в Тель-Йосеф, а оттуда – в Гиву и Эйн-Харод[19]. Письма пиши в Эйн-Харод, оттуда я буду получать во всех местах, где окажусь, и из Дганьи перешлют все, что получат на мое имя.

Твое письмо с выговором, что я не занимаюсь своим виноградником, получил вовремя, но не захотел отвечать сразу, до тех пор, пока не успокоюсь. У меня есть что ответить, но молчание красноречивее. Вообще, работать до последнего дня, да еще будучи больным, только для себя самого, в то время как мою науку может воспринять сотня семей, – где логика? Что, мне нечего есть? Или я в таком состоянии здоровья обязан еще работать для моих детей и внуков? Я должен найти какое-то удовлетворение в жизни, чтобы ее продолжать. Есть люди, которые в моем положении предаются пьянству или игре; не лучше ли, что я увлечен делами полезными, если не для меня, то хотя бы для других? И возьми в расчет мою преданность их строительству. Я нахожу в этом возможность на какое-то время забыть боль, и если ты думаешь, что отдых и бездействие облегчают ее, – это совершенно неверно. Наоборот, между тем и другим приютилась боль, и если я не занят, чувствую себя инвалидом. Если же я делаю что-то полезное для чего бы то ни было, я отвлекаюсь, и, по моему скромному разумению, нет у тебя никакого права сыпать соль на раны и упрекать меня, что я забросил наш виноградник, сама знаешь, как любимы мной виноградники, но невозможно требовать от наемных рабочих осуществления всего, что я хочу, и мое спокойствие всегда нарушается от их никчемной работы. Это сокращает мою жизнь. В таком случае, какая от этого польза моей семье?

Я нашел новый способ разметок. Сейчас даю практические уроки и распространяю эту науку на всю страну. Ты можешь сказать, что до сих пор сажали виноград и без меня, – например, виноградник, который посадили в Бейт-Альфе в этом году. Но люди интеллигентные убеждаются, насколько необходимы мои нововведения, и все благодарят меня за урок. Назавтра я приглашен в полусельскохозяйственную школу в Альфе, в которой около 40 детей, дать им урок разметок, сегодня установили прибор, и дети жаждут обучиться у меня чему-то полезному. Я также обещал им дать технический урок по прививке. Это богатство принадлежит только мне, и нет такого арабского грабителя, который может украсть его. У Дганьи была обуза в виде 400 непригодных масличных деревьев, а сейчас, за несколько дней работы, я привил к ним около 4 тыс. черенков улучшенных сортов. Ведь это останется как память обо мне. А новые виноградники, которые посадили во всей долине и которые приняты мною непосредственно... Все благодарят меня. Разве все это не дает удовлетворения удрученной душе? Сколько еще продлится моя поездка, не знаю. По моему расчету нужно посетить четыре хозяйства. Сколько на это уйдет дней, неизвестно. После этого, по-моему, поеду в Гингер, Нагалаль [20] и также, может быть, в поселение хасидов [21], после чего – Зихрон [-Яаков] и, вероятно, еще некоторые места, которых нет в плане. <...>

Здоровье мое хорошее, не беспокойся обо мне. Что слышно дома, как состояние мамы и что забывчивый Гидеон [22] <...> – нужен ли ему еще дедушка? Привет Эфрат и Цви и всем детям.

Ваш Михель.

[1] Письма из семейного архива любезно предоставлены внучкой М. и Н. Похачевских Рут Арбель.

[2] Палестинские письма (Из частной переписки эмигранта) // Еврейская жизнь. 1904. № 11.

[3] Портнова Н. (сост.). Быть евреем в России. Материалы по истории русского еврейства. 1900–1917. Иерусалим, 2002. С. 214.

[4] К Похачевскому приезжала жена Нехама. Человек такого же социального темперамента, она организовала «Общество помощи нуждающимся», «Общество “Двора” для изучения иврита женщинами», вела

борьбу за женское равноправие, в том числе за избрание женщин в органы самоуправления (сама она была первой женщиной, избранной главой Ваада Ришон-ле-Циона); писала на иврите, выпустила три сборника рассказов и первый женский роман в Земле Израила «На склоне» (издан в 2004 году).

[5] В кибуц Кирьят-Анавим, расположенный неподалеку от Иерусалима, Похачевский поехал, чтобы проверить возможность ведения сельского хозяйства в горной местности. Работы было так много, что пришлось остаться там надолго, и еще целый год после возвращения он получал просьбы о помощи.

[6] Кибуц Кирьят-Анавим был основан в 1920 году; во время пребывания там М. Похачевского дома еще не были достроены.

[7] Бейт-Даган – арабская деревня Бейт-Даджан, юго-восточнее Тель-Авива.

[8] После Кирьят-Анавим М. Похачевский не вернулся с Нехамой в Ришон-ле-Цион, а отправился в Цфат на автобусе из иерусалимского квартала Меа-Шеарим.

[9] Михель поступил в больницу по поводу удаления грыжи.

[10] Кибуц Мерхавья – первое еврейское поселение в Изреэльской долине; мошав Седжера (Илания) был основан Еврейским колонизационным обществом в 1902 году; Тель-Адашим – мошав в Изреэльской долине, основан в 1913 году как поселение боевой организации «А-Шомер»; Явниэль – поселение, основанное в 1901 году в Нижней Галилее на земле, приобретенной на деньги барона Э. Ротшильда.

[11] Мигдаль – сельскохозяйственное поселение вблизи древнего города Мигдаль эпохи Второго храма, на берегу Кинерета.

[12] Больница «Хадасса» в Цфате была построена в 1907–1910 годах на участке земли, приобретенном бароном Э. Ротшильдом в 1889 году.

[13] Ханаан – гора северо-западнее Кинерета, с двумя вершинами; на ее склонах расположен Цфат.

[14] Дганья – первый кибуц, основанный в 1909 году на южном берегу Кинерета, «мать всех кибуцев»; в 1920 году из него выделился кибуц Дганья-Бет.

[15] Мать Нехамы Похачевской, Блюма Финштейн. Кидуш – обряд благословения субботы и праздников, совершаемый главой семьи над вином или хлебом.

[16] Кибуц в Изреэльской долине, у подножия горы Гильбоа (основан в 1922 году).

[17] Эмек – Мишмар-а-Эмек («Стража долины») – кибуц на юго-западе Изреэльской долины, основан в 1926 году членами движения «А-Шомер а-цаир».

[18] Кинерет – поселение на берегу озера Кинерет, основано в 1909 году.

[19] Тель-Йосеф – кибуц в Изреэльской долине, основан в 1921 году, назван в память Йосефа Трумпельдора; Эйн-Харод – кибуц рядом с Тель-Йосефом, основан тогда же на землях, купленных Еврейским национальным фондом.

[20] Гингер – кибуц, Нагалаль – мошав в северной части Изреэльской долины, основан в 1921 году выходцами из кибуца Кинерет.

[21] Видимо, Кфар-Хасидим, поселение, основанное в 1924 году группой польских хасидов.

[22] Внук, сын Эфрат.

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2009 КИСЛЕВ 5770 – 12(212)

«ДЪЯВОЛЬСКИЙ ВОСТОРГ»:

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОЙ ТЕМЫ В РУССКОМ РОМАНТИЗМЕ

Михаил Вайскопф

Окончание. Начало в № 11, 2009

Образ еврея – благодарного помощника и заступника как некий положительный штрих на общей, достаточно мрачной картине отношения к народу Израиля закрепляется в русской литературе с конца 1820-х годов, когда выходит русский перевод «Айвенго» и появляются первые подражания ему. Высокоэффективный еврейский помощник такого рода выведен даже у сверхагрессивного антисемита Кукольника в его историческом романе «Эвелина де Вальероль», приуроченном к эпохе французского короля Людовика XIII (первая, журнальная, публикация – в «Библиотеке для чтения», 1841 год). Это таинственный, хитроумный и вездесущий жид Гойко, неизменно выручающий положительных героев [\[1\]](#).

**Автопортрет в образе Агасфера.
Маурицы Готлиб. 1876 год**

Несравненно более гуманный характер носила повесть знаменитого леволиберального публициста и вождя «Молодой Германии» Людвиг Берне «Роман в романе» (в оригинале просто «Роман»). В 1823 году это сочинение выпустил журнал «Новости литературы». Насколько мне известно, то была вообще первая публикация Берне в России, хотя и вышла она без имени автора, в «вольном переводе» и с некоторыми тенденциозными искажениями. (Лишь через 13 лет, уже под именем Берне и в новом, более точном изложении, повесть будет напечатана в надеждинском «Телескопе»; эту публикацию я в своей книге и принял по недосмотру за самую первую.) Герой «Романа» – полковник, ветеран Наполеоновских войн и притом еврей, а его невеста Каролина – дочь графини. О происхождении своего Карла она не догадывается. В качестве предсвадебного дара, а вернее, испытания полковник сочиняет и зачитывает ей и ее родным свой очень короткий «роман», не имеющий заглавия. В этом вставном повествовании изображена счастливая юная чета, которая готовится к свадьбе. Внезапно девушка, Клара, узнает, что ее суженый – еврей. В «романе» недостает развязки, и полковник, прервав чтение, обращается к невесте с вопросом: как бы она поступила на месте его героини? Каролина шокирована: «– Поистине прекрасный вопрос! Неужели ты думаешь, Карл, что я могла бы влюбиться в черного, плутоватого еврея?» «Но есть также белокурые и честные евреи», – спокойно возразил Карл». А затем следует тирада, отсутствующая в немецком оригинале и представляющая собой добротный вклад русского переводчика в дело еврейской аккультурации: «– В наше время видели мы множество людей сей нации, кои оставили

печальные заблуждения отцов своих, озарили себя светом истинной веры, просветили разум свой науками и заняли в разных государствах почетные места и должности».

Каролина возражает полковнику:

"Не спору, что есть исключения из правила. Но и такой человек только может прятаться, пока не знаешь его происхождения... Я бы сказала ему: "Любезный друг! Вы можете быть самый честный человек; но вы еврейской породы, и мне нельзя будет показаться с вами в свете. Мне вас очень жаль: я вас, право, любила до тех пор, пока не знала вашей генеалогии. Знаю, что и вы меня любите. <...> Посмотрите: вот мои бриллианты, мои блонды, мои деньги! Все мое приданое дарю вам на память: вы можете пустить его в оборот на первой Лейпцигской ярмарке и пить потом за мое здоровье. Только отдайте мне назад мое слово!"

- Возьми его себе! – воскликнул полковник дрожащим голосом и как безумный выбежал из комнаты».

В итоге полковник порывает с невестой. Ее брат, ярый юдофоб, вызывает Карла на дуэль и получает смертельную рану. Герой, подавленный всем случившимся, навсегда покидает Германию и отправляется в зарубежные скитания, а героиня, потрясенная и раскаявшаяся, избирает пожизненное одиночество. Своему другу полковник пишет из Кадиса: «Ты спрашиваешь: для чего оставил я отечество? Но у меня нет отечества: все люди для меня чужеземцы. Гонимые судьбою – вот мои братья; из темного крова бедности и несчастья провевает мне знакомый воздух родины»[\[2\]](#).

Иначе говоря, еврейский герой Берне соединил в себе обычные приметы романтического чужака – всемирного странника – с некой просветительской разновидностью Вечного жида, который предстает здесь сострадательным космополитом, взыскующим справедливости. Такой поворот сюжета очевидно подсказала автору мода на Агасфера, захватившая западноевропейских литераторов. Его судьба в какой-то мере интригует и русскую читательскую аудиторию. В 1830 году «Московский телеграф» Н. Полевого печатает анонимную переводную повесть о нем – «Таинственный жид», заимствованную якобы из анналов испанской инквизиции и оказавшую, как мне приходилось отмечать, влияние на «Страшную месть» Гоголя, а затем на образ Великого Инквизитора у Достоевского[\[3\]](#). В 1833 году надеждинская «Молва» – приложение к журналу «Телескоп» – публикует сразу два материала о странствующем еврее. Первый – это переведенный с французского рассказ «Очарованное зеркало. Эпизод из жизни Корнелиуса Агриппы»[\[4\]](#), где Вечный жид заявляется к знаменитому алхимику. Второй – это сочиненное отечественным автором, неким И.С.Р.З.К. «еврейское предание» об Агасфере[\[5\]](#). Все эти тексты объединяет тема скорби и раскаяния Вечного жида, обреченного за свой грех на постылое земное бессмертие и нескончаемые скитания. Впрочем, в «еврейском предании» Христос посылает страдальцу долгожданную кончину, и ангел смерти возглашает над его прахом: «– Покойся отныне, еврей, покойся сном мирным, и ведай: Милосердного кары не вечны! И сон твой пройдет! и увидишь ты в славе Того, Чья кровь обагрила Голгофу, Чья благодать доступна тебе, как и всем!»[\[6\]](#) Все же в целом образ Агасфера остался периферийным для русской литературы, хотя в поэзии его разрабатывал, помимо В. Кюхельбекера и Е. Бернета, такой маститый поэт, как Жуковский, и затрагивал, правда, мельком, Пушкин.

Не слишком востребованным в николаевской России оказался также другой канонический символ еврейства – шекспировский Шейлок. На столичной сцене

«Венецианский купец» так и не прижился – отчасти из-за нелепых переводов. Но только отчасти. Шекспир был слишком сложен как для петербургской публики, так и для самих постановщиков.

В начале 1835 года шекспировская драма, уже в более пристойном переводе Н. Павлова, была поставлена в Московском театре как бенефис знаменитого актера М. Щепкина. В предвкушении спектакля С. Шевырев, виднейший литературный критик того времени, надумал заранее ознакомить не слишком эрудированную аудиторию с фигурой Шейлока, «одного из величайших созданий Шекспира», «с которого списал Вальтер Скотт своего Исаака в “Ивангое”, с которого едва ли не спишет всякой, что захочет представить жида». Разъяснения Шевырева симптоматичны как первая попытка в развернутом виде донести до отечественного потребителя юдофобскую позицию немецкого романтизма, санкционированную весьма престижным его представителем. Слово инструктируя Щепкина, взявшего на себя главную роль, Шевырев приводит далее суждения Августа Шлегеля, «великого критика Германии», почерпнутые из его «Истории драматического искусства». Согласно А. Шлегелю, Шейлок соединяет в себе яркие индивидуальные и национальные черты; последние в конечном счете в нем преобладают, делая ростовщика символом всего еврейства. Дается наставление лингвистического свойства (характерное именно для немецкой юдофобии, бдительно выискивавшей старый акцент в речи новой – богатой и германизированной – еврейской элиты): «Кажется, и в нынешних словах его вы слышите какой-то жидовский выговор, который сохраняется и в высшем сословии, коему он принадлежит, несмотря на утонченность образования». Сухой рационализм сочетается у него с бездушием, мстительностью и алчностью: «Шейлок довольно сведущий человек и в своем роде мыслитель; но та страна, где обитают чувствования человеческие, осталась ему неизвестна: его нравоучение основано на неверии в доброту и благородство духа. Главная пружина его действий есть чувство мести за то притеснение и унижение, которые терпит его народ, и при этой мести – скупость. Более всего он ненавидит, разумеется, тех христиан, которые верны своей религии: пример бескорыстной любви к ближнему кажется ему гонением на иудеев». И наконец, Шлегель в передаче Шевырева противопоставляет – конечно, вслед за ап. Павлом – жестокий иудейский закон кроткой христианской благодати: «Буква закона, вот его идол: он уклоняется от голоса милости^[7], который раздается из уст Порции с небесным красноречием: он держится за старое, неколебимое право, и оно падает на его же собственную голову. Здесь является Шейлок символом всей истории его несчастного народа»^[8].

Однако этот спектакль тоже провалился. Комментируя провал и задним числом поучая Щепкина, Шевырев возвращается к образу Шейлока:

Чтобы постигнуть все драматическое величие этого лица, надо оторваться от того низко-комического, карикатурного понятия о чадах Израиля, которое приобретает в польских корчмах. Жидовская натура в Шейлоке выражается не одними пейсиками, грязной скуфейкой, спиной, перегнутой в дугу, и подлыми восклицаниями: помози Бозе васим и насим! Это идеал жида, выражение всей физиологии, сокращение всей истории несчастного народа, который, с клеймом вечного проклятия, осужден скитаться меж людьми, быть неумирающим представителем человечества, доведенного до крайней степени общественного ничтожества, человечества без прав, без настоящего, с одним давно погибшим прошедшим и жадно-жадно требуемым, но еще и не зарождавшимся будущим!

По Шевыреву, судьба еврейского народа в новом европейском мире есть «предмет глубокой, неисчерпаемой поэзии». Шейлок Шекспира – это «идеал, в котором действительность еврейской природы, по большей части карикатурно-жалкая, возведена на степень трагического, поразительного величия».

В свою статью Шевырев мельком привносит даже ноту просветительского сострадания, правда, весьма сдержанного и сменяемого демонизацией героя. Внутренняя трагедия Шейлока состоит в том, что этот «богатый еврей Венеции» – «торгового города, где золото составляло все», тем не менее «осужден на крайнюю степень уничтожения. Несмотря на его несчетные сокровища, ему плюют в бороду, его толкают ногою, его называют собакою!.. Каков же может быть результат подобного стечения крайностей!.. <...> Он подл и низок как жид, как общественное ничто: но в его подлости есть какое-то дьявольское величие, его низость имеет в себе что-то адски высокое...».

Его сатанинская мстительность являет собой словно бы духовную составляющую еврейства. Сперва «Шейлок является во всем адском величии торжествующего демона... Его земное чувство корыстолюбия борется в нем с жаждою мести <...> Но в четвертом акте <...> в нем осталось только чувство мщения: мешки с золотом <...> потеряли для него всю для него искусительную прелесть; он хладнокровно точит нож, которым должен вырезать драгоценную неустойку. <...> Но мщение его обмануто, <...> и жид возвращается в свое прежнее ничтожество; на нем проступает опять всеми порами жидовская низость и подлость». Увы, именно этой мерзости почему-то не захотел отобразить Щепкин: как с горечью замечает Шевырев, с первой же сцены актер «слишком увлекся жаром, составляющим стихию его таланта; я не видал в нем той жидовской подлости, с которой начинается и которой оканчивается драматическая история Шекспирова Шейлока»[\[9\]](#).

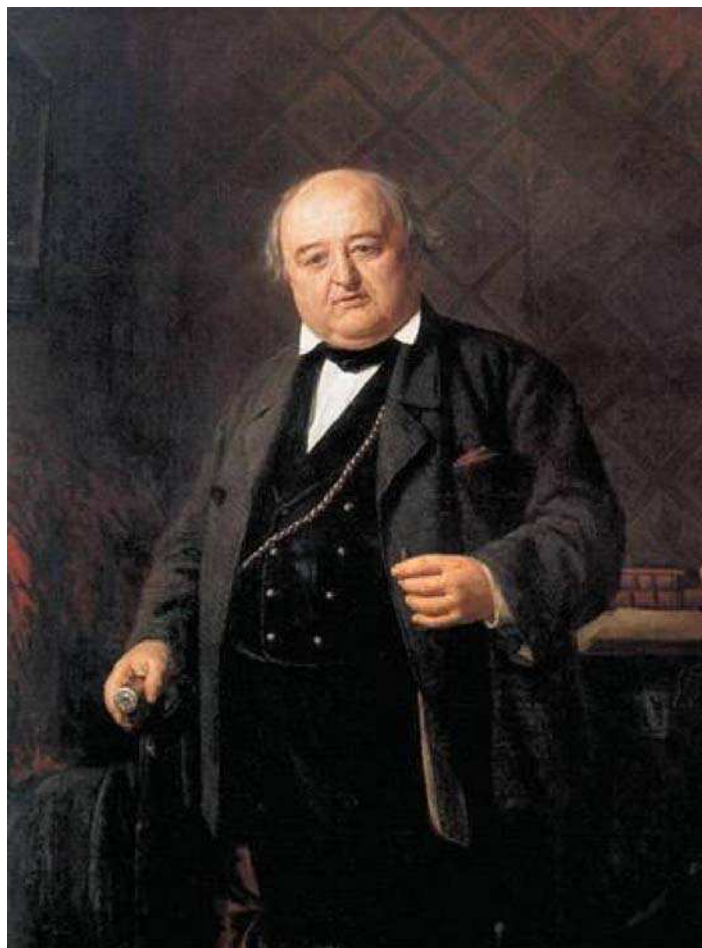
Для русской сцены все эти шекспировские раздвоения пока еще были слишком мудреной задачей, а вместо щепкинского пафоса ей привычнее было то самое «низко-комическое, карикатурное понятие» о евреях, которое так коробило Шевырева. В крепостных театрах предпочтение традиционно отдавалось более жизнерадостным зрелищам, таким, например, как поставленный в 1828 году прапорщиком Петром Майером «препотешный спектакль» «Ярмарка в Бердичеве, или Завербованный жид» со всевозможными, в том числе «жидовскими плясками»[\[10\]](#). Кстати, такими же «жидовскими плясками» оснащена была и самая первая инсценировка гоголевских сочинений – сыгранный в январе 1833 года в петербургском Большом театре водевиль «Вечер на хуторе близ Диканьки» (на основе повести «Ночь перед Рождеством») [\[11\]](#).

В религиозно-аллегорическом плане взамен Агасфера и Шейлока русская культура довольствуется другим – универсальным и самым древним олицетворением еврейства, усвоенным христианской традицией и в России, и на Западе. Портрет еврея в русской литературе постоянно подтягивался к этому его тотему – к Иуде Искароту как пращур и прообразу всего послеевангельского Израиля. Действительно, «Иудой» еврея объявляют по любым, порой самым пустяковым поводам. Так, в повести Н. Ковалевского «Гоголь в Малороссии» (1841) экспансивный путешественник обзывает «иудой проклятым» еврея – содержателя почтовой станции только за то, что тот не дает ему лошадей, – и спутник его даже урезонивает: «– Да чем виноват Иуда, когда все лошади в разгоне?»[\[12\]](#)

Невостребованным для культуры «золотого века» остался и другой, более современный типаж еврея-преступника, ставший достоянием антисемитской

мифологии на Западе. Я подразумеваю Феджина из диккенсовского «Оливера Твиста». В России роман был переведен «Отечественными записками» в 1841 году, то есть уже на исходе романтической эпохи. Читатель зато мог встретить здесь знакомый мотив, весьма стабильный для русского романтизма, а именно смех над евреем, приговоренным к повешению. В русской словесности казнь эту вершат обычно веселящиеся казаки, гайдамаки и т. п., обходящиеся без всяких юридических резонов. Но у Диккенса тот же сюжет представлен, так сказать, в более цивилизованной, судебной версии, а вместо хохота дано всенародное ликование в момент вынесения приговора Феджину: «Винювен! Здание огласилось радостными криками, которые громче и громче повторялись извне. Жид должен был умереть в понедельник»^[13]. В оригинале, однако, никакого «жида» не было – переводчик А. Горкавенко добавил его от полноты чувств^[14].

Впрочем, без всякого содействия Диккенса в отечественной словесности к тому времени установились основные черты еврейского криминально-демонического набора. Тут можно сослаться хотя бы на сочинение неизвестного автора (подписано оно тремя звездочками) «Трехлетие исправника», напечатанное в 1833 году в «Молве» (№ 95–97) и совместившее в себе исторический очерк с сюжетной беллетристикой. Действие отнесено к прежней, александровской эпохе. Герой, честный и благонамеренный исправник с говорящей фамилией Доброславов, задумал было избавить малороссийских крестьян от еврейского присутствия: «Жиды наводнили тогда селения и деревни Малороссии, истребляли, как саранча, собственность простодушных жителей, не знакомых еще ни с утонченностями плутов, ни с хитростями лицемеров. Доброславов первый представил гражданскому губернатору проект о высылке из деревень и селений казенных и помещичьих сих детей Израиля, которые мошенническим образом жизни разрушали прекрасное здание благоустройства, сооружаемое попечением Правительства и законов, подкапывая его под самое основание»^[15]. Но его борьба натолкнулась на неодолимый еврейский заговор – на кампанию клеветы, в которую втянулись и многочисленные сослуживцы героя, наживавшиеся на взятках и злоупотреблениях. «Предатели Христа» возвели на добродетельного исправника ужасные обвинения, порожденные «жидовским воображением»^[16], и тем сгубили его. Завершается произведение панегириком новой, николаевской эпохе и ее правосудию, избавившему страну от былых ужасов. Поскольку конкретных фактов автор нигде не приводит, заменяя их размашистым морализаторским пафосом, реальная подоплека еврейских злодеяний остается, увы, здесь столь же невнятной, сколь и суть тех обвинений, которые так печально сказались на судьбе невинного исправника.

Актер М. Щепкин. Н. Неврев. 1862 год

Еврейская алчность увязывалась в русской литературе с непомерной и пугающей коммерческой активностью. В воспоминаниях М. Маркова о подавлении Польского восстания 1830–1831 годов изображено некое радушное еврейское семейство. На втором этаже дома расположена фабрика по производству «десертных салфеток», а на первом две пригожие девушки, дочери хозяйки, всюю флиртуют с русскими офицерами, побуждая тех покупать ненужный товар. Очень часто еврейский торговый задор граничил, однако, с риском для жизни. В другом эпизоде марковских мемуаров рассказывается, как во время сражения, развернувшегося у реки, два русских денщика покупают водку на крыльце у «старой жидовки» и при этом ее обсчитывают, отпуская юдофобские шутки. «Старая ведьма» стала с ними долго и яростно препираться: «Меня взорвало, – прибавляет автор, – жидовское самоотвержение за грош. “Да провалишься ли ты, старая ханжа! – закричал я. – Тебя может разорвать на части!” “Ничего! – отвечала она. – Я закрыла все ставни на реку”...»^[17] Примерно те же чувства, кстати, испытывает у Гоголя Тарас Бульба, когда видит, как Янкель, только что чудом спасшийся от погрома, «уже разбил какую-то ятку с навесом и продавал <...> всякие войсковые снадобья» запорожцам. «Дурень, что ты здесь сидишь? разве хочешь, чтоб тебя застрелили, как воробья?» – спрашивает Тарас, «подивившись жидовской натуре». В том же произведении содержится рассказ еврея (Янкеля) о том, как он, чтобы востребовать долг, проник в осажденный город, где его чуть было не повесили.

Еврейское лихоимство – подлинное или мнимое – религиозная традиция весьма охотно связывала с «тридцатью сребренниками» и корыстолюбием Иуды. К этому новозаветному архетипу принято было возводить и пресловутое ростовщичество,

которое инкриминировалось всему еврейскому народу. Между тем даже из родной литературы русский читатель мог узнать, что дело обстояло совсем иначе: не еврей брал лихву с помещиков, а помещики – с него. Герой повести В. Владиславлева «На бале и в деревне» (1835), офицер, которому довелось служить в Малороссии, отправился свататься к помещицкой дочке Настеньке – и по приезде был поражен грязью и грубостью здешней дворянской жизни. Среди прочего, в передней он застал еврея, который пришел «отдавать проценты за взятые им займы деньги» и, ссылаясь на свою бедность, просил снизить процент[18].

У Владиславлева эта бедность сомнений не вызывает, но другим писателям приходилось труднее, и они ломали голову над вопросом: куда евреи девают свои сокровища и почему они, собственно, прозябают в такой нищете? В народе, однако, бытует мнение о том, что евреи, уходя на тот свет, забирают накопленное богатство с собой и прячут его в могилах. Как сообщает В. Даль, у вятских слобожан существовала даже особая профессия – «жидокопы»: они раскапывали еврейские могилы, надеясь найти там золото[19].

Самым сатанинским деянием отечественного «Иуды» считалась все же пресловутая аренда православных церквей в XVII веке, стимулировавшая, согласно общему убеждению, восстание Богдана Хмельницкого и его истребительные антиеврейские акции. Похоже, мне удалось найти один из реальных источников этого клишированного обвинения. Скорее всего, оно закрепилось по аналогии с древней православной практикой, повсеместно распространенной у греков. В канун романтической эпохи об этой греческой традиции поведал читателям анонимный автор, русский морской офицер, посетивший остров Корфу: «Везде есть обычаи, которые нельзя и не должно осуждать; но одному из здешних, кажется, не найдется подражателей. Поверите ли, что мощи св. Спиридона, почитаемого правителями острова, принадлежат одному дворянину, который имеет право отдавать их по наследству и в приданое? Впрочем, по всей Греции, следуя древнему обыкновению, церкви отдают внаем, и строитель храма пользуется доходом с него без малейшего зазрения совести»[20].

Можно предположить, что в ситуации унии, межконфессиональной ненависти и православной истребительной кампании, развязанной Богданом Хмельницким, память о греческой практике откупа церквей адепты украинского православия перенесли на иноверцев. Позднее эти обвинения внедрились в романтическую словесность и, в частности, стали мотивировкой погрома в гоголевском «Тарасе Бульбе».

**Еврейская ярмарка в Малороссии.
Из издания «Живописная Россия».
Петербург. 1897 год**

Пафосные предпочтения романтизма, сопряженные с его влечением к инобытию, заставляли видеть в еврее таинственное и демоническое существо, посредующее между землей и потусторонним миром. Тем самым, его образ смыкался порой с избитым типажом романтического изгнанника, злодея и страшного грешника. Временами такое сближение порождало странные эффекты. Если еврей в этой поэтике романтизируется, то и романтический герой, в свою очередь, может принять облик еврея. Так происходит, например, в вышеупомянутом романе Надежды Дуровой «Гудишки» (см.: Лехаим. 2009. № 11), где иудеем и каббалистом сделался языческий литовский колдун. Но еще за два года до этого романа в Москве вышла поэма Ефрема Барышёва (1812–1881) «Еврей», написанная отчасти в подражание пушкинской «Полтаве». Герой Барышёва Яков – сын гетмана Ивана Самойловича, который стал жертвой интриг Мазепы и был сослан в Сибирь. Своего Якова автор снабдил, однако, совершенно фантастической биографией, отправив его на долгие годы в Палестину, заставив скитаться по Азии и приписав ему не то прямое обращение в иудаизм, не то тщательную маскировку под еврея, а заодно и любовь к некоей «пламенной Ревекке». Герой – страшный грешник: «Сам Е-гова меня обрек / В добычу злости и презренья!» Он признается в своей лютой ненависти к христианам и прочим грехам, по части которых едва ли не превосходит архетипического предка евреев: «Я всем кажусь страшней Иуды». Свой иудаизм Яков сочетает с оккультизмом и астрологией: «Я книгу тайнств изучил, / Сокрыв от всех свои познания»; собственную судьбу он тоже вверяет звездам. Отсюда уже только один шаг к еврейским магам и звездочетам И. Лажечникова («Басурман») и Н. Кукольника («Князь Холмский»). Однако Яков у Барышёва – грешник кающийся, и свою заемную иудейскую мстительность он направляет против Мазепы, карая его не только за семейные беды, но и за измену России.

Так согбенная фигура иудея в массовом романтизме со временем обретает некое сумрачное и несуразное величие, олицетворяемое героем Барышёва:

Î í áúë âîñé, í î õóà è áéâââí,

Ââüü â ÷ âðí î î ñ ãëíâí âí í î ã

Êâéíé-ò î äüÿâí ëüñéé âîñò í ðã

Â äëàçãõ áãðãÿ áúë çàì àò áí [\[21\]](#).

Отсветы этого восторга я и попытался донести до сегодняшнего читателя.

УЧЕНИК

Аркадий Ковельман

Между поколениями – крошечная мгла. Ухо не слышит и глаз не видит. Ведь для себя самого вы и старик, и юноша, и мальчик одновременно, а для ваших студентов вы – только старик. Вы идете по жизни со своим собственным временем как с бычьим пузырем, стенки которого полупрозрачны. Вот вы стоите у угловой булочной на станции Дубулты и пьете легкое светлое пиво, закусывая рогаликом, и беседуете с другом, умершим в Германии. Ваш друг – моложе вашего студента, но студент ничего этого не знает, он не может быть третьим у угловой булочной. Ведь его молодость – старше вашей. К тому времени, как он стал молодым, мир успел слегка состариться. Вы просто живете в разных мирах с разными системами летоисчисления. Он считает от своего дня рождения, а вы – от своего.

Это напоминает Ахилла и черепаху. Ахилл никогда не догонит черепаху. Когда Ахилл окажется в точке, которую черепаха оставила, та еще чуть-чуть продвинется. Когда ваш студент станет стариком, вы продвинетесь дальше. Как поется в песне, «нас не догонят». Ни о какой победе ученика над учителем не может быть и речи. Разве что о победе рабби Меира над рабби Элишей бен Авуей. Или о победе доктора Вагнера над доктором Фаустом.

Рабби Элиша бен Авуя, учитель рабби Меира, сбросил с себя иго Торы и стал служить римлянам, а довели его до этого греческие песни и еретические книги. Решив насладиться этим миром, раз в мире грядущем ему отказано, отправился он в субботу к гетере. «Не ты ли Элиша бен Авуя?» – спросила она его. Выдернул он из земли редьку

(в субботу!) и дал ей. И она назвала его Ахер («Другой»). У Томаса Манна в «Докторе Фаустусе» есть эпизод: Адриан Леверкюн приходит к гетере Эсмеральде, чтобы получить от нее сифилис и великий композиторский дар. Она остерегает его, но тщетно. Визит к гетере подобен визиту к нотариусу для заключения контракта мудреца с силами Зла. Мало подписать договор кровью – его еще надо запечатать и заверить. Быть может, от рабби Элиши бен Авуи тянется ниточка к Фаусту, а от рабби Меира – к доктору Вагнеру. Мудрец, пошедший по пути Зла, и его добродетельный ученик. Как Фауста победил его ученик, доктор Вагнер, так и рабби Элишу бен Авую победил и спас его ученик, рабби Меир. Ведь о докторе Вагнере сказано:

Ā ēó: aō āī ēcāñō í ññè ēñ: ā

Í ññāī ē ē í òāēāñē Óāññō í āñ ē ññāī.

Когда умер Ахер и похоронили его, упал небесный огонь на его могилу. Прибежали к рабби Меиру и сказали: «Горит могила твоего учителя!» Рабби Меир укрыл могилу своим талитом и сказал Ахеру, лежащему в земле: «Переночуй эту ночь, а утром, если Он выкупит тебя, хорошо, а если не захочет выкупить, то я тебя выкуплю, как жив Г-сподь!» Слова эти – цитата из Книги Руфи (3:13), где говорит их бедной моавитянке Руфи ее родственник Боаз, обещая утром выкупить ее, жениться на ней. Но рабби Меир истолковал иначе: Учитель, переночуй эту ночь, пока не наступит мир грядущий, который весь – утро. Если Г-сподь искупит твой грех – хорошо. Если же нет – я сам принесу тебе искупление.

Пасторальная, мирная Книга Руфи. Без войн, пророчеств и ужасных чудес. Очень любили ее «малые голландцы» и прочие бытописатели. Когда в стране Иудейской был голод, человек из Вифлеема (Бейт-Лехема) ушел в Моав и там женил обоих своих сыновей на моавитянках. Умерли в стране Моав он и сыновья. Вдова же его Наоми с невесткой Руфью вернулась в Вифлеем. И был у Наоми богатый родственник Боаз. У него на поле Руфь собирала колосья (как собирали колосья на чужих полях нищие), и полюбилась ему, и стала его женой. Выкупил ее Боаз у свекрови Наоми по обычаю Израиля. По этому обычаю родственник мужа выкупал бездетную вдову, как выкупают заброшенное поле, и женился на ней, чтобы восстановить семья умершего, чтобы не исчезло имя его. У Руфи был родственник ближе Боаза, имевший на нее предпочтительное право. Когда же этот безымянный родственник отказался от Руфи, Боаз сам взял ее в жены. А потомком этого брака стал царь Давид.

И отсюда толкование рабби Меира. Себя рабби Меир уподобил Боазу, а «более близкого родственника» – Святому, благословен Он. Тот, кто выкупает, искупает (гоэль), и это – Сам Г-сподь. Г-споду принадлежит искупление, спасение (геула). Если искупит Г-сподь вину Ахера, хорошо. Если нет – рабби Меир принесет Ахеру искупление, совершит геулу вместо Г-спода. Ведь и Боаз сказал Руфи: «Хотя и верно, что я – близкий твой родственник, но есть еще родственник, более близкий, чем я. Переночуй эту ночь, а утром, если он выкупит тебя, хорошо, а если не захочет выкупить, то я тебя выкуплю, как жив Г-сподь!» Переночуй эту ночь, пока не наступит мир грядущий, который весь – утро. И там будет воскресение из мертвых. Ученик выкупит и воскресит учителя, как Боаз выкупил моавитянку Руфь.

Потому утешает, утешает пророк: «Ликуй, бездетная, нерожавшая, разразись песней и веселись, не мучавшаяся родами, ибо сыновей покинутой больше будет, чем сыновей замужней... Ибо супруг твой – Создатель твой, Г-сподь Воинств – имя Его...

И все сыновья твои будут учениками Г-спода» (Йешаяу, 54:1-13). Ученики Г-спода искупят Израиль, образ же Израиля – моавитянка Руфь. А кто же они, ученики Г-спода? Талмуд отвечает устами рабби Ханины: «Ученики мудрецов умножают мир на земле, ибо сказано: “И все сыновья твои будут учениками Г-спода”» (Брахот, 64а). Так что студенты спасут Израиль, ученики мудрецов! Как Боаз выкупил Руфь. Как рабби Меир выкупил и спас своего учителя, рабби Элишу бен Авую.

Руфь и Наоми

«Ибо супруг твой – Создатель твой, Г-сподь Воинств – имя его». Сава-оф-Цева-от, Г-сподь Воинств. Цева-от – на иврите «Воинства». Сава-оф – греческая транслитерация еврейского слова Цева-от. А «Воинства» – звезды небесные. Об этих «Воинствах» поэт писал:

Ḳāi ādū ḳāi īānō ḳāi ī,

Ī ī ēī ī ūē īāī nāā

Nīyōē īānō īōḳāi ō

Ī ēḳāēī, ḳī ū ē āā

Ēç ēī īānō ū nāī ēāi ē

Ââ:âđí èé âéââí äâíđ

È âíâçä çâçä ââđâí è

Â ñò îđíæââé âíçíđ

И не просто писал это, но и выражал всяческую уверенность в том, что

...òóò íâñíá îñòââýò.

Ëâò ÷âđâç îýòüââýò,

Êâé ââòèâ íóñòèò íâââòâü

Í âéâóò è âñéââýò.

МОНУМЕНТЫ РАЗОБЩЕНИЮ

Матвей Ганапольский

Выбрать эту тему для статьи меня заставило одно событие, которое случилось не вчера. Но время снова и снова подбрасывало новые факты на эту же тему, так что было не отмахнуться.

Демонтаж памятника 26 бакинским комиссарам. Баку

Все началось с Эстонии, где решили сносить памятник советским воинам-освободителям. Это был первый болезненный удар по российскому самолюбию. Ответная пропагандистская кампания была сокрушительна: эстонское руководство объявили врагом России, их посольство пикетировали «Наши» с плакатами. Потом вдруг выяснилось, что памятник переносят ближе к кладбищу, – просто эстонцы не хотят видеть в центре своей столицы монумент, который для них оскорбителен, ибо Советскую армию они считают освободительницей только наполовину. Почему? Всем, кто изучал историю, хорошо известно.

Памятник был перенесен, останки бережно перезахоронены, контрпропаганда стихла, но неприятный осадок остался.

Потом это случилось снова в некоторых рес-публиках Средней Азии. Тут реакция была потише, так как они поставляют в Россию газ и вообще там трудности с русскоязычным населением, поэтому обострять ситуацию пикетами Москва не хотела. Даже в подмосковных Химках возникла необходимость переноса памятника, и по этому поводу было много шума. Потом в Баку решили убрать из центра города монумент 26 бакинским комиссарам. И так случилось, что именно мне нужно было написать по этому поводу комментарий.

С первого взгляда и с пропагандистской точки зрения ситуация понятная: авторитарное руководство, забыв о славной истории своей страны, хочет снести монумент героям революции, видимо намереваясь построить на этом месте какой-нибудь отель или бизнес-центр.

Но когда я стал разбираться в ситуации, все оказалось сложнее. Появились вопросы. И самый важный вопрос, на который нужно было ответить: а что, собственно, этот монумент символизирует в 2009 году?

Как ни странно, ответить будет сложно. Он символизирует, наверное, то, что когда-то была революция, и эти 26 бакинских комиссаров были героями, которые за эту революцию погибли. Но не дай Б-г начать в этой истории копать. Тут же выяснится, что среди похороненных были не только революционеры, но и их охранники. Потом выяснится, что часть усопших были настоящие живодеры, виновные в массовых репрессиях мирного населения. А потом вообще узнаешь, что герои позорно бежали из Баку, бросив ими же созданное большевистское правительство.

Я намеренно не уточняю фамилии комиссаров и кому что инкриминируется фактами истории, не хочу оскорблять их подозрениями. Более того, готов выслушать длинную лекцию историков, что все факты против комиссаров – ложь. И с ними я тоже соглашусь. Но это только подтвердит для меня очевидное: монумент людям или явлению, вокруг которого существует кровавый непроясненный исторический след, в центре города стоять не может. Там, к примеру, не может гореть вечный огонь, туда дети не должны носить цветы, потому что история не поставила окончательную точку в вопросе – эти цветы героям или убийцам. Можно сказать – для кого как, история дама неоднозначная. И тут соглашусь, потому что это еще одно подтверждение моей мысли: в центре города не может стоять монумент разобщению. Вот почему я внутренне согласился, что памятник комиссарам должен переехать на мемориальное кладбище, где к нему будут приходить те, кто видит в усопших святых, но не видит на памятных камнях капли крови их жертв. Например, коммунисты.

Однако именно им, профессиональным плакальщикам по всяческим тиранам, можно напомнить слова их фаворита Сталина, которые он, по воспоминаниям Шепилова, сказал о комиссарах: «Бакинские комиссары не заслуживают положительного отзыва. Их не нужно афишировать. Они бросили власть, сдали ее врагу без боя. Сели на пароход и уехали. Мы их щадим. Мы их не критикуем. Почему? Они приняли мученическую смерть... И мы щадим их память. Но они заслуживают суровой оценки... И когда пишется история, нужно говорить правду. Одно дело чтить память. Мы это делаем. Другое дело правдивая оценка исторического факта...»

Думаю, это один из немногих случаев, когда Сталин прав, и прав не только относительно данных комиссаров. А раз товарищ Сталин предлагает нам шадить память, но прибегать к суровой оценке, грех его послушаться. Последуем его совету.

Красивый памятник Дзержинскому скovyрнули с Лубянки на революционной волне ельцинского прихода. Но всем известно, что портреты «самого человеческого из комиссаров ВЧК» висят в здании ФСБ в различных служебных кабинетах.

Конечно, Дзержинский заботился о беспризорниках. Но откуда взялись эти беспризорники, кто-нибудь в советское время спрашивал? Нет, потому что первый же «разбор полетов» все ставит на свои места и выясняется, что все это сделали не «кулаки-живодеры», а сам Дзержинский сотоварищи. Это делал большевизм. Возможно, это было непонятно тогда, в 1920-х. Но монументы-то стоят сейчас.

Говорят, большое видится на расстоянии. А большое преступление на расстоянии видится еще лучше.

Книга Юрия Борева «Сталиниада» попала мне в руки в 1990 году. Я ее прочитал, и волосы у меня встали дыбом. Прошло много лет, но Юрию Борисовичу Борову я дозвонился только сейчас. Он замечательный писатель, замечательный искусствовед, потрясающий человек, который, помимо разных произведений, написал, может быть, главную свою книгу, «Сталиниаду».

В телефонном разговоре он сказал мне, что в 1990 году книга вышла не полностью, была цензура. Книга Борева построена на свидетельских показаниях. Вот фрагмент.

«...В конце 50-х годов, учитывая возраст и литературоведческую бесплодность, научного сотрудника Института мировой литературы Ивана Ивановича Чичерова отправили на пенсию. В этом Чичеров видел вопиющую несправедливость к нему – старому большевику. В числе пережитого Иван Иванович вспоминал, как он, молодой коммунист, по партийному призыву поехал в деревню проводить коллективизацию. При нем был небольшой вооруженный отряд. Они выгоняли всех, кого считали кулаками и подкулачниками, из изб и отправляли в гибельную ссылку. В этих насильственных действиях, по мнению Чичерова, была жесткая классовая необходимость. Выселение сопровождалось еще более ужасным событием. Обреченные на испытания люди понимали, что младенцы не выдержат мытарств. В ночь перед высылкой матери задворками пробирались к сельсовету и клали детей на крыльцо в надежде, что их – невинных – вырастят односельчане, чужие люди или государство. Этих детей, рассказывал Чичеров, собирали у порогов всех окрестных сельсоветов, свозили в самую большую комнату самого крупного сельсовета и клали там на пол. Умевшие ползать ползали, не умевшие лежали на половицах в чем мать родила или в чем принесла. Послали “наверх” запрос, что делать с младенцами. Вскоре получили распоряжение: не позволять ни кормить, ни брать детей, так как, во-первых, младенцы классово чуждые, а во-вторых, следует пресечь порочную эксплуататорскую практику кулаков подбрасывать своих детей государству или беднякам. Какое-то время дети жалобно плакали, потом уставали и лишь изредка судорожно всхлипывали и, наконец, угасали от голода. Их хоронили в общей могиле. Именно за созерцание этого ужаса строитель нашей государственности и борец за классовые интересы Чичеров требовал к себе милосердного отношения». Я часто читаю и привожу этот фрагмент книги публично. Реакция соответствующая. Но обязательно находится часть аудитории, которая требует, чтобы я не верил этим фактам, чтобы предоставил

дополнительные подтверждения. Некоторые называют Чичерова лгуном, заявляя: «Такого просто быть не может!..» Они не знают, лгун ли он. Они просто не хотят в это верить.

В связи с этим возникает вопрос: может ли в центре Москвы стоять памятник Дзержинскому.

Если знаешь только о том, что он боролся с контрой и опекал детские дома, – можно. Но если вдуматься в смысл слова «контра» и прочитаешь воспоминания Чичерова – вряд ли. То есть если будет стоять монумент Дзержинскому, он обязательно расколется общество на тех, кто считает его героем, и тех, для кого его присутствие оскорбительно.

Та же история со Сталиным. В одной из программ я упомянул, что Сталин подписал документ, согласно которому высшую меру наказания можно применять к детям, начиная с 12-летнего возраста.

Сторонники Сталина заявили, что это ложь. Тогда противники его режима привели следующий официальный документ:

«...Ввиду поступающих запросов в связи с постановлением ЦИК и СНК СССР от 7.IV с. г. “О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних” разъясняем:

1) К числу мер уголовного наказания, предусмотренных ст. 1 указанного постановления относится также и высшая мера уголовного наказания (расстрел).

2) В соответствии с этим надлежит считать отпавшими указания в примечании к ст. 13 “Основных начал Уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик” и соответствующие статьи уголовных кодексов Союзных республик (22 ст. УК РСФСР и соотв. ст. УК других союзных республик), по которым расстрел к лицам, не достигшим 18-летнего возраста, не применяется.

3) Ввиду того, что применение высшей меры наказания (расстрела) может иметь место лишь в исключительных случаях и что применение этой меры в отношении несовершеннолетних должно быть поставлено под особо тщательный контроль, предлагаем всем прокурорским и судебным органам предварительно сообщать Прокурору Союза и Председателю Верховного Суда СССР о всех случаях привлечения к уголовному суду несовершеннолетних правонарушителей, в отношении которых возможно применение высшей меры наказания.

4) При предании уголовному суду несовершеннолетних по статьям закона, предусматривающим применение высшей меры наказания (расстрела), дела о них рассматривать в краевых (областных) судах в общем порядке...»

А вот данные по Бутовскому полигону, где похоронены репрессированные:

Год рождения	Год смерти	Возраст	Количество казненных
1920	1937	17 лет	34
1921	1937	16 лет	11
1921	1938	17 лет	14
1922	1938	16 лет	6
1923	1938	15 лет	2

Всего казненных несовершеннолетних: 69.

Конечно, в ответ я услышал требование показать подпись Сталина под приказами о расстрелах, требование доказать, что эти дети не совершили уголовно наказуемых преступлений, и предположение, что все это ложь, написанная и подброшенная в хрущевское время, а также и такое объяснение, что, дескать, было сложное предвоенное время...

Подобные факты и подобные оценки ставят все тот же вопрос: как будут относиться граждане к большому монументу Сталина в центре города, не станет ли этот монумент фактором общественного разобщения? Ответ однозначен – станет!

Ибо одни считают Сталина строителем великой советской империи, а другие – живодером и людоедом.

И только отгремели дискуссии по поводу результатов телевизионного проекта «Имя России», где Сталин долго лидировал и весьма туманно проиграл, как его имя вновь в центре скандала: на открытой после реконструкции вестибюля станции московского метро «Курская-кольцевая» пассажиры Московского метрополитена читают слова сталинского гимна СССР: «Нас вырастил Сталин на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил».

Результат: Православная церковь, которая обычно не вмешивается в подобные вопросы, осудила реконструкцию, а главный архитектор Москвы Кузьмин сказал, что в этом нет ничего страшного – это просто реконструкция. И для ее законченности неплохо бы поставить в вестибюль, как и было, небольшой бюст генералиссимуса.

Демонтаж памятника Ф. Дзержинскому. Москва

Про бурю эмоций среди общественности и правозащитников я уж и не говорю.

Как же относиться к этому двоемыслию, к тому, что значительная, скажем прямо, часть населения ассоциирует со Сталиным исключительно позитивное и величественное?..

Наверное, относиться надо спокойно. Тем, кто не видит и не слышит, не покажешь и не объяснишь.

Но остается самый главный вопрос: а как на все это реагирует власть? Должна ли реагировать? Наверное, должна. Конечно, сталинизм отличен от фашизма в части тотальной агрессии и планов полного уничтожения целых народов. Но с точки зрения уничтожения собственного населения сталинизм превзошел всех. Раскулачивание, выселение целых регионов, уничтожение собственной армии, уничтожение интеллигенции, «дело врачей», и последний аккорд – планировавшееся выселение евреев в новую, теперь уже сибирскую черту оседлости. План, который не осуществился только из-за смерти тирана.

Ведь это все было, а раз было, можно ли спокойно и равнодушно наблюдать за народным двоемыслием?

Конечно нет, ибо оправдание преступлений прошлого – это прямой путь к их повторению. Нужна постоянная, смелая прививка против сталинизма, идущая от власти.

Думаю, для многих, как и для меня, было во-одушевляющим неожиданное обращение президента Дмитрия Медведева 30 октября 2009 года, в День памяти жертв сталинских репрессий.

Неожиданное, потому что не к круглой дате, неожиданное, потому что до этого момента власть старательно не желала ставить точку в своем отношении к сталинизму.

Дмитрий Медведев называет репрессии «одной из величайших трагедией в истории России»:

«30 октября – День памяти о миллионах искалеченных судеб. О людях, расстрелянных без суда и без следствия, о людях, отправленных в лагеря и ссылки, лишенных гражданских прав за “не тот” род занятий или за пресловутое “социальное происхождение”. Клеймо “врагов народа” и их “пособников” легло тогда на целые семьи. <...> Сегодня можно услышать, что эти жертвы были оправданы “некими высшими государственными целями”. Я убежден, что никакое развитие страны, никакие ее успехи, амбиции не могут достигаться ценой человеческого горя и потерь. Ничто не может ставиться выше ценности человеческой жизни. И репрессиям нет оправданий».

Я так понимаю, что последние слова – это уже пассаж к сегодняшним, которые либо молятся на тирана, либо желают видеть его органической частью российской истории. Убийца собственного народа не может быть его органической частью, иначе что это за народ.

Казалось бы, Медведев просто сказал слова, не более. Но в политике, особенно в российской политике, все начинается со слов. И часто эти слова разворачивают в новом направлении всю страну. Обращение Медведева значимо тем, что оно, хоть и не прямо, дает оценку понятию «сталинизм», выделяет его в отдельную категорию, предлагает не смешивать достижения страны и кровавые преступления режима.

Однако закончим тем, с чего начали: что же делать с монументами?

Подобные монументы я называю памятниками разобщению. И хотя большинство из них давно убраны либо свалены кучей в лесопарковой зоне – не они опасны. Гораздо опаснее другие, которые помпезно стоят на площадях или воздвигнуты в собственной душе, вокруг которых нет общего мнения, кому именно стоит этот памятник – гению или злодею.

Памятник Высоцкому – это просто памятник. Оценка этой личности – однозначна.

Но монументы политикам – это памятники разобщению нации, ибо от них – из какого бы великолепного камня их ни ваяли – идет дурной запах.

Запах их неоднозначных деяний.

26 БАКИНСКИХ... ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ

Алекс Рапопорт

В январе в Баку произошел демонтаж мемориала, известного как «памятник 26 бакинским комиссарам».

В 1958 году, к сорокалетию их гибели, в столице Азербайджанской Советской Социалистической Республики был открыт горельеф работы знаменитого монументалиста Сергея Меркулова. Монумент стоял в центре города в садике имени 26 бакинских комиссаров. Через 10 лет, к пятидесятилетию годовщины, в сквере «Сахиль», неподалеку от памятника Меркулова был построен мемориальный комплекс по проекту скульпторов И. Зейналова и Н. Мамедова. В центре композиции полыхал Вечный огонь, под комплексом находились останки сторонников Бакинской коммуны, обнаруженные в Красноводске и погребенные в Баку в 1920 году. Сегодня горельефа Меркулова, действительно являвшего собой художественное произведение, не существует, он был разрушен в начале 90-х, во время обострения армяно-азербайджанского конфликта: большевистско-левоэсеровское правительство, возглавляемое Степаном Шаумяном, посчитали виновным в кровавых столкновениях в марте 1918 года, когда погибли тысячи бакинцев-мусульман. И наконец, спустя девяносто лет после тех драматических событий, начался демонтаж всего мемориального комплекса. Под сквером «Сахиль» запланирована подземная автостоянка, способная вместить до трехсот автомобилей.

Девяносто лет – срок долгой (кавказской?) человеческой жизни, за время которой не раз происходит смена властей, рокировка монументов и переоценка

ценностей. В соответствии с чем до неузнаваемости меняется окружающая нас «историческая среда».

Нефтяные месторождения и вызванный их разработкой приток человеческих и финансовых ресурсов сформировал космополитичный дух этого города на берегу Каспия. И дореволюционный, и пореволюционный Баку был полиэтничным, мультикультурным, веротерпимым городом и сохранял (за исключением нескольких инцидентов в периоды гражданской смуты) эти правила человеческого общежития вплоть до обострения Карабахского конфликта в феврале 1988 года. Многонациональным был и состав бакинского Совета народных комиссаров в 1918 году. Отнюдь не все из 26-ти были членами правительства, «комиссарами» их назвали уже после трагической смерти, в угоду творимому на глазах мифу: молодая советская власть создавала пантеон героев, погибших в борьбе. Читателям «Лехаима» интересно будет узнать, что среди 26 человек, арестованных и погибших в Красноводске, было шесть евреев.

Вот их имена. Богдановы Соломон и Анатолий, первый был членом Военно-революционного комитета, второй – всего лишь служащим новой администрации и братом революционера. Яков Зевин – активный большевик, один из руководителей борьбы за установление советской власти в Азербайджане, комиссар труда Бакинского совета. Марк Коганов – член Военно-революционного комитета. Меер Басин – революционер, член Военно-революционного комитета Кавказской армии. Исай Мишне – делопроизводитель Военно-революционного комитета.

Судя по именам, все они были ашкеназами, революционная деятельность привела их на Кавказ. Бакинские иудеи четко делились на три группы: ашкеназы, горские и грузинские (самая малочисленная категория), соответственно, имелись и три синагоги. Небольшая горская община существовала в Баку столетиями, по данным 1897 года, в городе проживал 2341 еврей, большинство из них – горские, потомственные бакинцы. Число евреев в городе росло за счет приезда ашкеназим и увеличения их семей. Когда к 1960 году население Баку приблизилось к миллиону, евреи составляли 3% его жителей, то есть менее 30 тыс. В дальнейшем это соотношение уменьшалось, хотя в абсолютных числах еврейское присутствие незначительно росло.

**Похороны 26 бакинских комиссаров.
Баку. 1920 год**

Однако участие евреев в жизни Баку определялось отнюдь не их численностью. Несмотря на введение ограничений для евреев из Европы, с 70-х годов XIX века в развитии бакинской нефтяной промышленности участвовали еврейские промышленники, ученые, инженеры, высококвалифицированные рабочие. Из

промышленников-евреев, привлечших в этот регион свои капиталы и способствовавших развитию города, достаточно назвать барона Г. Гинцбурга и братьев Ротшильдов, основавших «Каспийско-Черноморскую компанию», ставшую к концу XIX века ведущей в регионе. Интеллектуальный вклад евреев в процветание и престиж города не менее значим, бакинцы гордятся многими учеными, конструкторами, писателями, кинематографистами, художниками, артистами, спортсменами – от Льва Ландау до Гарри Каспарова, — выходцами из Баку.

Как часто бывает при попытках евреев сосчитать, результаты переписи ставятся под сомнение, ошибка составляет разы, и определить поправочный коэффициент весьма затруднительно. Демографы отмечают, что перепись 1989 года зафиксировала в Азербайджане 30,8 тыс. евреев, в том числе 5,5 тыс. горских. По данным «Сохнута», в период с 1989 по 1999 год из Азербайджана уехало 31,3 тыс. евреев – больше, чем было 10 лет назад. При этом перепись 1999 года зафиксировала 8,9 тыс. евреев в республике. Такая вот занимательная арифметика.

После армянских погромов в Сумгаите в 1988-м и в Баку в 1989–1990 годах, в ходе которых пострадали также люди других национальностей, начался исход еврейской общины из Азербайджана. Открытие границ после распада СССР в августе 1991 года, а затем междоусобицы в независимом Азербайджане подстегнули этот процесс. Численность еврейского населения республики в настоящее время трудно определить, можно только сказать, что большинство составляют горские евреи (порядок цифр: 10 тыс. человек).

Трудность определения состоит в следующем. Потомки евреев, после ассирийского пленения пришедших в этот регион в середине первого тысячелетия до новой эры, со временем усвоили татский язык, принадлежащий к иранской группе языков. В настоящее время помимо татов-иудеев, сохранивших свою религию, существуют также родственные им таты-мусульмане, ранее активно ассимилировавшиеся с азербайджанцами. В последнее время наметился тренд: представители этой группы заявляют о своем еврейском происхождении и эмигрируют в Израиль. Этим объясняется различие цифр у «Сохнута» и демографов на местах. (Любопытно, что во время завоевания Баку русскими войсками в начале XIX века все население города – 8 тыс. человек – составляли таты.) Некоторые исследователи считают татов потомками исчезнувших колен Йеуды, Леви и Биньямина. Миграционные процессы последних десятилетий сделали Баку и Азербайджан в целом более мононациональными (90% азербайджанцев) и более монорелигиозными (95% мусульман).

Если же вернуться к тому, с чего мы начали, то мемориал 26 погибшим, среди которых были люди разных национальностей, воспринимался многими бакинцами в возрасте старше тридцати как памятник интернационалистам и самому понятию интернационализма. Останки «комиссаров» будут перезахоронены на городском кладбище. Там же, на кладбище, сегодня место идее интернационализма на всем постсоветском пространстве.

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2009 КИСЛЕВ 5770 – 12(212)
**О СООБЩИКАХ И СОУЧАСТНИКАХ
ХОЛОКОСТА**

Грета Ионкис

Эвиан, французский курортный городок на Женевском озере, для миллионов европейцев ныне ассоциируется с прекрасной минеральной водой. Тот, кто сегодня вкушает эту чистейшую воду поутру, ввечеру или в полдень, даже не подозревает, как бились сердца некоторых их сограждан 70 лет назад при упоминании Эвиана. С ним связывали последнюю надежду на спасение 600 000 обреченных евреев Германии и Австрии.

Фарс Эвианской конференции

В июле 1938 года в Эвиане по предложению президента США собралась международная конференция для решения проблем обездоленных жертв нацистов. Президент Рузвельт стремился показать активистам движения за спасение евреев и всему миру, что США не будут стоять в стороне. Из всех приглашенных стран отказалась лишь Италия, причины были понятны: дуче дружил с фюрером. В Эвиан прибыли делегации 32 государств, присутствовали журналисты многих стран, в том числе и Германии, приглашены были и представители еврейских организаций и благотворительных групп.

Слухи о предстоящей конференции проникли в среду еврейских узников уже в марте. С чем связывали обреченные свои надежды? Во-первых, Европа всегда считала США эталоном свободы. Во-вторых, сам Рузвельт слыл демократом и гуманистом. А главное, существовали ежегодные оговоренные законом квоты иммигрантов. После прихода Гитлера к власти британцы и ирландцы «заморозили», т. е. почти не использовали их, потому 106 тыс. беженцев из Германии и Австрии могли бы законно найти спасение.

Но узники не знали о росте антисемитизма в США. В июле 1938-го журнал «Форчун» провел опрос, согласно которому лишь 4,9% опрошенных поддержали идею повышения иммиграционной квоты. Президент Рузвельт, готовящийся к

беспрецедентным выборам на третий срок, не стал рисковать своей хрупкой коалицией ради нравственных или гуманитарных соображений. Даже в 1942 году, когда США находились в состоянии войны с Японией и Германией, на вопрос социологов, кого они считают главной угрозой для Америки, вариант «евреи» набрал у американских граждан в три раза больше голосов, чем «японцы», и в четыре раза больше, чем «немцы».

Первым на конференции выступил председатель делегации США М.К. Тэйлор. В резкой безапелляционной форме он заявил, что США не будут вносить изменения в свое иммиграционное законодательство и не ожидают, что другие страны это сделают, ибо ни одна страна не должна нести финансовое бремя, вызванное иммиграцией.

Все были ошеломлены. Если из всех латиноамериканских стран лишь Доминиканская Республика поначалу говорила о готовности принять 100 тыс. евреев, то после консультаций с американцами и это предложение было снято.

Второй удар нанесла Великобритания. В Декларации Бальфура от 2.11.1917 года она обязалась «приложить все усилия» для «создания в Палестине национального очага для еврейского народа». Но в Палестине располагался Суэцкий канал – путь в Индию и другие азиатские колонии. Англичане легко манипулировали арабами, и евреи в Палестине им не были нужны. Потому первое, что сделал Лондон, это разделил подмандатную территорию: 77% земли отошло арабам, там была создана Трансиордания, во главе которой англичане поставили свою марионетку – шейха из династии Хашимитов. В 1948 году он объявил себя королем, а королевство переименовал в Иорданию. Но даже усеченная часть «еврейской» Палестины оказалась почти закрытой для евреев. Руководитель британской делегации в Эвиане лорд Винтертон ни словом не обмолвился об этой земле, которая могла бы стать законным убежищем евреев, но посетовал, что Британские острова перенаселены, а о колониях и доминионах, где свободных территорий было предостаточно, он вообще не упомянул.

Президенту Еврейского агентства Хаиму Вейцману, которого Лига Наций и Великобритания воспринимали как представителя еврейского народа, не только не разрешили выступить, но не дали даже поговорить с англичанами и американцами ни до, ни после конференции.

Большинство стран с самого начала не испытывали энтузиазма от встречи с беженцами без гроша в кармане. Нидерланды, Бельгия и Дания сказали, что при своем крошечном размере и высокой плотности населения они и так сделали для евреев немало. Примерно в том же ключе высказалась и Франция.

Большие надежды возлагались на страны Латинской Америки. Бразилия и Аргентина обладали огромными незаселенными землями, остро нуждались в специалистах и просто в рабочей силе, но и они в ущерб собственной экономике отказались помочь евреям. В кулуарах некоторые признавались, что не имеют желаний принимать у себя «человеческие отбросы» Европы.

Итак, эвианская конференция не только потерпела полное фиаско, но еще больше осложнила положение немецких и австрийских евреев. В Берлин из Эвиана была отправлена телеграмма, где среди прочего было и такое заявление: ни одна из 32 стран не оспаривает «право германского правительства на законодательные меры в отношении некоторых своих граждан». Слово «еврей» было обойдено стороной.

Присутствовавшие на конференции немецкие журналисты приняли «сигнал», и уже 15 июля 1938-го газета «Данцигер форпостен» писала: «Мы видим, что евреев жалеют только до тех пор, пока это помогает вести злобную пропаганду против Германии, но при этом никто не готов бросить вызов “культурному позору Европы”, приняв у себя несколько тысяч евреев. Вот почему эта конференция оправдывает германскую политику против еврейства». Точнее и яснее об итогах Эвианской конференции не скажешь.

От исхода – к безысходности, или заговор против обреченных.

В Советском Союзе о Холокосте молчали до недавнего времени, а когда заговорили (мимоходом, скороговоркой), то винили в нем Гитлера и его клику, немцев и Германию. На Западе о Холокосте первыми заговорили американцы. В 1978 году Голливуд снял многосерийный фильм «Холокост», который был показан в Германии. К нам он, естественно, не пришел. Интерес к теме Холокоста в мировом искусстве не исчезает. Меняются подходы к теме. Если раньше в фокусе внимания находились жертвы Холокоста, сейчас в ракурсе – трагедия обманутого народа, т. е. немцев. Но нет художественных произведений и фильмов о тех, кто был пособником палачей, о том, как мир молчал и отказался помочь жертвам. Было ли это молчание ягнят? Уж никак нет. Что предприняли союзники по антигитлеровской коалиции для спасения обреченных евреев? Ничего. Вопросов много, но на них не спешат отвечать. Правда, со временем начали просачиваться слухи о жутких трагедиях, виновниками которых были отнюдь не немцы.

Когда 27 мая 1939 года роскошный лайнер «Сент-Луис» под немецким флагом со свастикой пришвартовался в порту Гаваны, на нем находилось 936 евреев, переживших ужасы погромной Хрустальной ночи. Они продали все имущество, чтобы оплатить проезд и кубинский сертификат (734 из них имели уже номер американской иммиграционной квоты, теперь им нужно было дождаться очереди на иммиграцию, они надеялись переждать на Кубе это время). Но им было объявлено, что их сертификаты недействительны. Лишь 22 состоятельных еврея смогли сойти на берег. Во все страны Западного полушария полетели телеграммы с просьбой проявить сострадание и дать несчастным убежище. Все как один ответили дружным отказом: конференция в Эвиане уже создала прецедент. «Джойнт» перевел в один из гаванских банков 500 тыс. долларов, но и это не помогло. «Сент-Луис» вернулся в Гамбург, его пассажиров ждала смерть.

Когда 767 румынских евреев на старом суденышке «Струма», на котором даже скот уже опасались перевозить, сумели добраться до Стамбула (это произошло 16 декабря 1941 года), возможности этого плавучего гроба были исчерпаны. Шесть недель судно простояло в порту на якоре. Турки не разрешили пассажирам спуститься на берег. Англичане отказались впустить беженцев в Палестину. Напрасно Еврейское агентство пыталось заставить английских чиновников изменить решение. Министр по делам колоний лорд Мойн был непреклонен, он же оказал давление на турок. Поскольку двигатель не работал, «Струму» отбуксировали в открытое море на расстоянии 8 км от берега. Как обычно в это время, штормило. На следующий день «Струма» пошла ко дну. Спасся лишь один опытный пловец. Немцы к этому злодеянию не причастны.

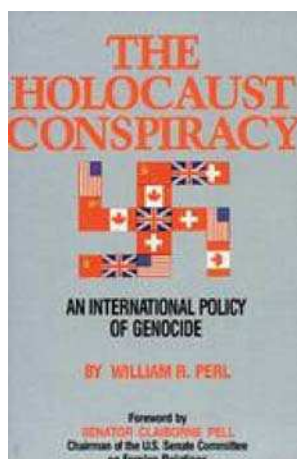
Крах цивилизованного мышления, произошедший во время Холокоста, виден, прежде всего, по запертым на замок границам.

Сегодня все чаще задается вопрос, почему авиация союзников не разбомбила Освенцим. Знали ли союзники о том, что в Освенциме осуществляются массовые убийства? Да, они знали. Посланец польского подполья Ян Карски сумел добраться до Швеции в январе 1943-го и поведал о том, что в Освенциме заключенных раздевают догола и душат газами. 10 апреля 1944-го из лагеря бежали двое заключенных, составивших тридцатистраничный отчет с картами – планом сооружений, башен крематория, четырех газовых камер, самая большая из которых вмещала 2 тыс. человек. Врба и Ветцлер – таковы имена беглецов – передали свой отчет в нужные руки. Вскоре, как раз накануне депортации венгерских евреев, копия его попала в Будапешт, затем в руки посла Ватикана в Братиславе. Еще несколько копий ушло в Швейцарию, Англию и США. Западные журналисты получили все нужные факты. Они подтверждались новыми свидетельствами: из Биркенау сбежали еще трое пленных: два еврея и мэр польского города. В конце июня 1944-го в английской «Манчестер гардиан» и американской «Нью-Йорк таймс» появились заметки об ужасах Освенцима. Каков отклик государственных и военных властей? Молчание и затягивание ответа.

Ни подъездные пути, ни газовни, ни печи Освенцима-Биркенау союзники не бомбили. Их бомбардировщики пролетали над лагерями смерти, но цели их были иными. Возможно, это прозвучит кощунственно, но фактически союзники поддерживали работу Освенцима. Концлагерь был освобожден совершенно случайно советскими войсками. Приказа такого не поступало, хотя в Кремле об Освенциме знали с конца 1943 года. Солдаты и офицеры 60-й армии узнали об Освенциме накануне его штурма.

Уже эти факты наводят на мысль о существовании тщательно скрываемого сговора в лагере союзников: помогать евреям они не собирались. А что это как не соучастие в преступлении?!

Рано или поздно, но правда всплывает, хотя попытки уничтожить документы о Холокосте имели место. Они и сейчас имеют место. Архивы и записи, касавшиеся преследований евреев в Бельгии и их депортаций в 1930–1940-х годах, уничтожались с санкции властей в Брюсселе и Валлонии в массовом порядке в конце 1990-х и в начале 2000-х годов. Теперь это стало достоянием гласности.

Кто и как рассекретил позорную тайну?

В 1989 году в Нью-Йорке вышла книга доктора Уильяма Перла «Заговор Холокоста. Международная политика геноцида». Автор родился в Вене в 1906-м, вырос в Австрии, где изучал право и психологию в Венском университете, а позже получил

докторскую степень. Активно участвовал в военизированном сионистском движении Жаботинского. В 1937-м возглавил операцию «Акция» по спасению евреев. Он спас 40 тыс. человек путем нелегальной эмиграции. В 1938 году Уильям женился, Лор прошла гиюр. Ему удалось спастись, добравшись до США в 1941 году, где он служил в военной разведке. Жену его в 1943-м бросили в концлагерь Равенсбрюк, к счастью, она выжила, и они встретились после войны. В звании подполковника он участвовал в Нюрнбергском процессе. Доктор Перл преподавал в Университете Джорджа Вашингтона. Он – автор еще двух книг, связанных с темой Холокоста и Израиля.

Книга «Заговор Холокоста» содержит известные и новые материалы, позволяющие сделать вывод, что не простое бездействие и равнодушие главных мировых держав сделали Холокост и Окончательное решение столь эффективными. Целый ряд стран – США, Великобритания, Канада, Советский Союз, страны Латинской Америки, Швейцария, Ватикан – осознанно способствовали этому и могут считаться активными пособниками и соучастниками германской программы геноцида.

Помимо привходящих политических и экономических причин, которыми эти страны мотивировали свой отказ помочь гибнущим евреям, существовала главная причина – антисемитизм. Перечислять поименно высокопоставленных чиновников-антисемитов – активных противников спасения евреев Европы – заняло бы много места. И все же стоит упомянуть Энтони Идена, второе лицо Великобритании, и премьер-министра Канады с 1923 по 1948 год Макензи Кинга, который просто обожал Гитлера и иначе как «обаятельным человеком» его не называл.

В предисловии к книге «Заговор Холокоста» сенатор Клэйборн Пелл, председатель комитета сената США по международным отношениям, писал: «С моей точки зрения, почти каждый убитый еврей мог спастись, если бы правительства союзников вовремя предоставили убежище тем европейским евреям, которые жили в странах, оккупированных войсками Гитлера. Их нежелание сделать это все чаще сегодня называют “заговором молчания”. Уильям Перл доказывает этот тезис, предоставив серьезнейшее исследование и глубокий анализ фактов».

Сенатор настоятельно рекомендовал эту книгу каждому американцу. Спустя 20 лет я рекомендую эту книгу всем, кто имеет доступ в Интернет. В России книга не издана, но ее перевод на русский язык недавно появился в Сети.

Возможен ли второй Холокост?

В эпилоге своей книги Уильям Перл приводит много доказательств, свидетельствующих о том, что мир движется к Холокосту в новых условиях. Ни для кого не секрет, что главная опасность исходит нынче от радикального ислама, вдохновителя международного терроризма. По всему арабскому миру растет поддержка идеи мирового господства ислама, крепнет мечта о создании исламской империи от Индии до Атлантического океана. Израиль как аванпост западной цивилизации на Востоке давно стал мишенью номер один. То и дело арабский мир объявляет ему джихад – священную войну.

И как 70 лет назад, мир сегодня делает вид, что ничего не знает и не слышит. Кстати, до сих пор роль арабов в Холокосте практически не изучалась. А ведь муфтий Иерусалима эль-Хуссейни в годы войны постоянно курсировал между Берлином и Римом, встречался с фон Вейзеком, Гиммлером, Муссолини и самим Гитлером. Он

убеждал их в необходимости уничтожить как можно больше евреев и навсегда закрыть вопрос о Палестине как еврейском национальном очаге.

Перл называет фамилии высших руководителей Третьего рейха, которые после разгрома Германии скрылись в арабских странах и продолжали служить «общему делу», обучая арабов на месте тому, как бороться с евреями. А уж какой прием им оказали в Египте и Сирии, говорить не приходится, ведь Гамаль Абдель Насер сотрудничал с немцами в годы второй мировой войны, за что и был арестован англичанами. Когда в 1953 году прошел слух, что Гитлер жив и находится в Бразилии, Анвар Садат направил фюреру восторженную телеграмму. То, что оба этих арабских лидера удостоились стоять на Мавзолее и принимать парад на Красной площади, а один стал героем Советского Союза, характеризует политический курс советских руководителей и высокую степень антисемитизма в СССР. Да и нынешнее руководство России продолжает ту же политику, снабжая оружием и оказывая миллиардную поддержку режиму Каддафи, принимая в Кремле представителей «Хамас». Зная многострадальную историю России, можно этому не удивляться. Но как ведет себя Запад? Как ведет себя высокий «миротворческий квартет», куда входят США, ООН, Европейский союз и та же Россия?

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2009 КИСЛЕВ 5770 – 12(212)

БЫЛИ ПОЭТЫ ЖИДАМИ, СТАЛИ ПОЭТЫ – БОМЖАМИ

На четыре вопроса отвечают: Лариса Беспалова, Борис Евсеев, Дмитрий Сухарев, Алексей Симонов

Аааааааааааа Аоаіаіе І аі ааіа

Признаюсь с огорчением, Корнилов не входил раньше в число моих любимых поэтов – почему-то казался слишком традиционным. Но всему своя пора, сначала поманил меня корниловский двухтомник, с наугад открытой страницей: «Все поэты – бомжи, / Только бомжи без кожи», потом посмотрел фильм Юрия Бурова о Корнилове (мои собеседники – участники этого фильма), потом узнал, что был Владимир Николаевич алахическим евреем, в конце жизни сотрудничал с журналом «Лехаим». И как бы в довершение цепочки всплыла в моей памяти картина из начала третьего тысячелетия: Владимир Корнилов читает свои стихи в ЦДЛ. Вспомнил, с каким особым уважением относились к нему в тот вечер умеренные русофилы-«почвенники» и «демократы», по большей части ассимилированные евреи. Это уважение, исходившее в равных пропорциях от как бы противоположных творческих лагерей, удивило меня, соглядатая.

Времена тогда были не то что крутые 90-е, но тоже с «прикуривателем», потому о Корнилове вспоминали нечасто, и место его в литературе тогда не было определено, впрочем, наверное, как и сейчас. Но для уже случившейся поэзии Корнилова это обстоятельство большой опасности не представляет, скорее уж для нас. Слова: «Поэт в России – больше, чем поэт» всегда вызывали во мне сомнение, и дело тут не столько в стране обитания поэта и в его «беспокойстве», сколько в том, что больше, чем поэт, человеку быть не дано. И то, что, на мой взгляд, не совсем понимал Евтушенко – «образ века своего», – кажется, очень хорошо понимал Корнилов, который – строго по Бодлеру – остался для нас и воином, и священником, и поэтом. Именно за смелость в одиночестве отстаивать свободу в выпавшем тебе веке, за необыкновенную волю и настойчивость уважали его «непримиримые» лагеря, за качества характера, располагавшие к самой взыскательной словесной работе.

КОРНИЛОВ СТОЯЛ ЗА ПАСТЕРНАКА

Éàdèfà Áàíí àéíáà, ááíáà ííyòà, íáàáíá-èé, ááááèòíð

– Когда я получил от писателя Бориса Евсеева долгожданный двухтомник, поначалу сильно удивлялся тиражу: у Корнилова на всю Россию две тысячи читателей?! Но это поначалу, потом дошло: а больше и не надо. Не детективщик, не рупор кремлевский. «Пусть множество упивается своим множеством». Вы согласны со мной? Вообще, весь ли издан Корнилов? Собирается ли тот же «Хроникер» издать третий том, на третий наберется?

– Не вполне согласна. И речь не только о книгах Корнилова. Немало есть книг, которые хорошо бы прочесть более широкому кругу людей, но чтобы книга не развлекательного или не скандального свойства дошла до читателей, нужен активный пиар. Заниматься этим он не умел, да и я тоже. Напечатано не все. Подготовленный им незадолго до смерти двухтомник «Поэзия» и «Проза» вышел через два с гаком года героическими стараниями Бориса Евсеева. Третий том издательство не планировало. Подготовил Корнилов незадолго до смерти и сильно дополненное издание книги статей о поэзии «Покуда над стихами плачут». «Покуда...» сразу после смерти Корнилова выразил желание издать Станислав Лесневский, и я долго никуда ее не предлагала, но дело затянулось, и в 2007 году я отнесла ее в издательство «Время», присовокупив к ней стихи Корнилова о поэтах и поэзии: он об этом много писал. «Время» быстро ее напечатало, за что я им несказанно благодарна. Напечатаны и несколько поэтических подборок в разных газетах и журналах. Конечно, остались и неопубликованные стихи, проза, в том числе и изданная в свое время на Западе, да и выступления (например, речь о Сахарове. По просьбе Елены Боннэр Корнилов читал в консерватории, в день рождения Андрея Дмитриевича, в 1995 году). Но, на мой взгляд, далеко не все обязательно печатать: нередко наследники «скребут по сусекам» и публикуют вещи незрелые или третьестепенные для автора. Что уместно для академического собрания, в журнальной подборке смотрится жалковато. Если бы речь шла об издании большого поэтического тома, я бы включила туда кое-что из ненапечатанного (в 2004 году я подготовила такой том для «Времени», Татьяна Бек написала замечательное предисловие к нему, но дело замялось за отсутствием гранта). Однако в виде отдельных подборок я стихи печатать не хочу.

– То, что тексты Владимира Николаевича с какого-то года начали уплывать за кордон, на Запад, связано с его жестким, бескомпромиссным отношением к цензуре, к любого рода правке?

– Автора, столь склонного прислушаться к стороннему мнению, более благодарного, я, пожалуй, и не встречала. Тем не менее редакция для него была страшна, потому что в его случае носила в основном цензурный характер. Редакторы были, в большинстве своем, люди тех же взглядов, что и автор, но, чтобы довести книгу до печати, им приходилось изымать те или иные «непроходимые» места. Некоторым писателям удавалось провести свои книги через цензуру: кое-кто спорил не с эпохой, а с «чередой эпох», как сказал о Пастернаке Асмус над его могилой, об отвлеченных от злобы эпохи темах, кое-кому удавалось что-то сказать «окольным маневром». С «чередой эпох» Корнилов тоже спорил, но, прямой, горячий, темперамента холерического, он не мог не высказываться прямо и непосредственно и об эпохе. «Окольные маневры» были не для его натуры. К тому же, как поэт лирический (на «гражданственного» обижался), он писал о людях, чьи проблемы и метания были схожи с его собственными, а его собственные с эпохой были очень непосредственно связаны. И хотя он не писал о лагерях и арестах – не его опыт, – но о том, как действует на людей удушающая атмосфера тоталитарного государства, писал не прямолинейно, но прямо. Из-за этого большую часть того, что он писал, напечатать было невозможно. Так что для него цензура была убийственна.

– Говорят, Бродский гостил у Корнилова, и, говорят, разругались они на почве поэзии в пух и прах. Говорят, Виктор Некрасов у вас скрывался от КГБ... С Давидом Самойловым были сложные отношения. Не могли бы вы рассказать об окружении Корнилова, как он сходил с людьми, по каким причинам расходился, что прощал и чего никак не мог простить?

– Ну, Бродский не гостил, просто ему, ленинградцу, негде было переночевать, и Ахматова попросила его приютить. (Мы в то время еще не были женаты, знаю об этом по рассказу мужа.) Они не разругались, но всю ночь спорили, кто лучший поэт – Баратынский или Пастернак. Корнилов стоял за Пастернака, Бродский – за Баратынского. Да и насчет Некрасова сильно сказано. У Некрасова – это было незадолго до его отъезда – КГБ устраивало обыски в Киеве, и Лунгины, у которых он всегда останавливался в Москве, опасались, что КГБ будет его искать у них. А у нас Некрасов прежде никогда не останавливался, и здесь его вряд ли стали бы искать. По каким причинам сходил с людьми? Объединяли, как правило, две вещи: неприятие тоталитаризма и конкретно советской власти, ну и любовь к литературе. Поэтому время бурных дружб – 60– 80-е, тогда согласно дружили «против». 90-е со многими развели. Тут уж дружили «за», а с этим было сложно, так как Корнилов не примыкал ни к каким группировкам и «романтиком капитализма» (так он назвал одного своего друга) не стал. Лучше всего он сказал об этом в письме конца 90-х: «А. блестящ, но государственный, супротив власти не прет. С. оголтелый западник. А я – сам не знаю кто. Индивидуалист, правозащитник одинокого человека». А до 90-х расходился, когда не совпадали взгляды на стратегию – как выражаются литературоведы – литературного и общественного поведения. По этой причине он не рассорился, а именно разошелся с Давидом Самойловым. Но были люди, с которыми он «совпадал» до конца. Ближе всех, на мой взгляд, была ему Лидия Корнеевна Чуковская. Что касается окружения, то за жизнь друзей было много, с одними расходился, с другими нет. Перечислю далеко не всех: Лидия Корнеевна Чуковская, Елена Цезаревна Чуковская, Борис Слуцкий, Давид Самойлов, Лазарь Лазарев, Бенедикт Сарнов, Константин Левин, Евгений Евтушенко, Лев Копелев, Татьяна Бек, Виктор Фогельсон, Евгений Винокуров, Владимир Войнович, Николай Давыдович Оттен, Елена Михайловна Гольшева, Евгения Самойловна Ласкина, Константин Богатырев, Елена Суриц, Дмитрий Сухарев, Алексей Симонов, Галина Нерпина, Римма Казакова, Тамара Жирмунская...

– Как Владимир Николаевич не выпячивал своего еврейства, легко могу представить себе и по его в высшей степени интеллигентным стихам, и по прозе, а вот в каких случаях не открещивался, проявлял бойцовский характер?

– Открещиваться, разумеется, никогда не открещивался. Проявлять бойцовский характер в личном плане ему не приходилось, так как на себе антисемитизм он не испытал, даже в армии, где служил после Литинститута, хотя и говорил, что в Днепропетровске, где он жил до войны, антисемитизм был сильный. Возможно, дело в русской фамилии, да и рос он в русской семье: мать покончила с собой, когда ему было восемь лет, и отец вскоре женился на русской женщине. Но антисемитизм его оскорблял лично. Ненависть к любому народу понять не мог. Рос в эпоху, когда верилось, что можно «без России, без Латвий». Любой национализм казался узостью. Возможно, это вообще характерно для полукровок. Идеи русских националистов, в частности попытки отлучить поэтов-евреев от русской поэзии: «Мандельштам – еврейский нарост на Тютчеве» и так далее оскорбляли его. Но равно оскорбляли и бытовавшие в эпоху отъезжантства разговоры: когда вы еще на деревьях сидели, мы уже были народом Книги.

НАДО ДАТЬ НАШЕМУ ВРЕМЕНИ ОСОЗНАТЬ КОРНИЛОВА

Ἄνδρ᾽ Ἀγαθὸν, ἰεὺς ἠὲ καὶ αἰεὶ

– В 2004 году в издательстве «Хроникер» вышел двухтомник поэта Владимира Корнилова. Ты был зачинщиком и редактором корниловских томов поэзии и прозы, а также автором эссе о нем с очень символическим названием – «Закон сохранения веса». Заканчивая это эссе, ты писал: «Наверное, там, в вечной жизни, закон сохранения веса действительно существует. И все, кому было “недомерено” здесь, получают свое там». Как ты считаешь, сработал ли «закон сохранения веса» в случае поэта Корнилова, Великий гуманист современности перешел без потерь из века XX-го в век XXI-й, воздалось ему за «недомеренное»?

– Срабатывает постепенно. В прошлом году в приложении к «Независимой газете» «НГ-Ex Libris» было опубликовано сразу несколько весьма содержательных статей (в том числе и моя) о Владимире Николаевиче. Дело здесь, конечно, не в самих публикациях, а в том интересе, который по отношению к поэзии Корнилова продолжает исподволь нарастать. Незадолго перед кончиной замечательного поэта и

прозаика Александра Ткаченко мы с ним говорили о Корнилове. Саша тогда сказал: «Вот человек, премию чьего имени хорошо бы учредить Русскому ПЕН-центру». Он подумал и добавил: «Здесь и честность первостатейная, и поэзия высшей пробы». Двухтомник Корнилова продолжают читать. Мне до сих пор (хотя я уже и не работаю в «Хроникере») продолжают звонить, спрашивают двухтомник. В наше «нелитературное» время интерес к ушедшему поэту – достаточно большая редкость. Я думаю, что стихи Владимира Корнилова когда-нибудь обязательно войдут в школьную и университетскую программу по русской литературе. Так же как и его статьи о русской поэзии, которые представляют огромную ценность в первую очередь потому, что их писал великолепный поэт, а не замшелый критик. Еще одно свидетельство интереса к творчеству Корнилова – переиздание «Временем» его не имеющей аналогов книги «Покуда над стихами плачут...». Так что за «недомеренное» Корнилову не слишком быстро, но воздается. Видимо, надо дать нашему времени осознать, осмыслить Корнилова.

– Какую роль в твоей жизни сыграла встреча с Корниловым?

– Сперва произошла встреча со стихами Владимира Николаевича. Прочел я их поздно, в 1989 году, в Библиотечке журнала «Огонек». С той поры я начал думать не только о стихах Корнилова, но и о нем самом, о встрече с ним. Почему? Потому что для меня облик поэта неотделим от его стихов. Так же как неотделимы его нравственность, поступки и манера творческого поведения в жизни. Сколько вокруг нас витий и горлопанов, которые в стихах провозглашали и провозглашают самые высокие (правда, почти всегда банальные) истины, а на деле, в обыденной жизни, занимались и занимаются совсем другим. Владимир Корнилов – пожалуй, единственный встреченный мною в жизни поэт, стихи которого полностью совпали с его образом и жизненным поведением. И я благодарен судьбе за то, что встретился с таким громадным талантом, пусть даже на излете его жизни. Стихи Владимира Корнилова, вкуче с его нравственностью и творческим поведением, очень сильно повлияли на мнение, сформировавшееся у меня в последующие годы: есть нравственность – есть настоящий писатель. Нет нравственности – и писатель не настоящий!

– Корнилов был еще и прекрасным прозаиком. Почему же мы числим его только в поэтах, отказывая в универсальности?

– Что касается меня, то я очень высоко ставлю прозу Корнилова. Кстати, Владимир Максимов, писатель и редактор, очень хорошо разбиравшийся в прозе, открыл свой знаменитый «Континент» именно прозой Корнилова, а не, скажем, Солженицына, чья проза к середине 70-х годов сильно сдала, растратив весь свой пыл на псевдоисторическую публицистику. Такие вещи Владимира Корнилова, как «Девочки и дамочки» (пронзительная вещь о второй мировой войне), повести «Без рук, без ног», «Псих ненормальный» я считаю едва ли не лучшими для тех времен. К сожалению, все они были опубликованы за рубежом и в те годы настоящего влияния на русскую литературу не оказали. А жаль! Поэтика композиции, явственно проявившаяся в этих вещах, внутреннее строение корниловской фразы, прекрасная неравновесность его прозаических периодов, некоторая умышленная угловатость на стыках частей многому могли бы научить «умную» русскую прозу и тогда, и сейчас.

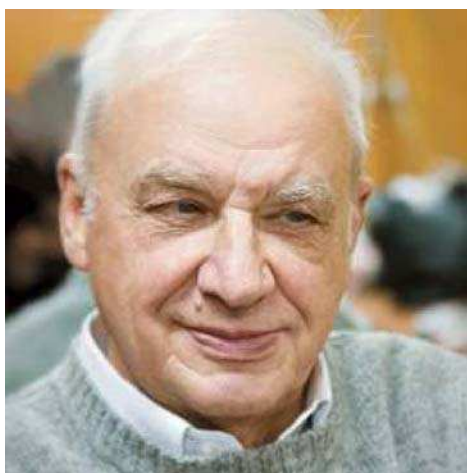
– Помнится, ты рассказывал, что вы не раз беседовали с Владимиром Николаевичем о поэзии Бродского и Слуцкого, сам он, по-моему, очень ценил

творчество Пастернака. Было ли в характере Корнилова, в стихах его что-то, что, на твой взгляд, роднило его с выдающимися поэтами-евреями?

– И да, и нет. Еврейскую составляющую в своем творчестве Владимир Николаевич никогда специально не выделял. Хотя и не прятал. Думаю, еврейская часть души растворялась в его стихах и в прозе незаметно и ненадуманно. При этом весьма повлияв на интонационный строй его поэзии, и на внешнюю скромность прозы, в которой, однако, ощущается внутренний «профетизм», свойственный древнееврейской ритмической прозе, идущей от пророков, от их манеры общения с миром, от их умения когда надо сдерживать, а когда надо – предъявлять «всему честному народу» силу своих убеждений и своего слова. Известно, что еврейские поэты – Мандельштам, Бродский, Слуцкий и некоторые другие – привнесли в русскую литературу небывалые краски, добавили необыкновенной образности русскому стиху. Впрочем, и здесь, как мне казалось, Владимир Николаевич больше размышлял о «поэтической истине», чем о национальной принадлежности. Иначе чем объяснить его очень разное отношение к таким соплеменникам, как Борис Слуцкий и Давид Самойлов? Слуцкого он считал первым русским поэтом того времени, считал его реформатором русского стиха, у которого очень многое взял Евтушенко (да и другие без всякого позволения Слуцким сильно попользовались). А вот к Давиду Самойлову он относился весьма негативно: и к его стиху (который считал не всегда удачными пушкинскими перепевами), и к творческому поведению в жизни. Национальность и манера стихосложения (а также поиски смысла и необходимости этого самого стихосложения) – очень и очень интересная тема. И именно в той своей части, в какой «национальные образы мира» (термин Георгия Гачева) соотносятся со стиховым материалом, с интонацией, тоном и внутренней формой стиха. Тема эта требует дальнейшего, доброжелательного и внимательного (а не зоологического, сразу же переводящего поиск истины в поиск врага) исследования.

НЕПРИЕМЛЕМЫМ ДОЛЖНО БЫТЬ ТОЛЬКО РАВНОДУШИЕ

Àì èò ðèé Nòòàdìá ò:áí ùé, ííyò, í'áàíá:éé, áààá

– **Что для вас Владимир Корнилов теперь, как вы смотрите на его творчество спустя годы? Применимы ли к этому вашему взгляду слова самого Корнилова: «Чем больше поэт, тем шире он распространяется на прошлое и будущее»?**

– Все-таки в нашем случае слова «спустя годы» не совсем уместны. Владимир Николаевич ушел из жизни совсем недавно, для меня он уже до конца моих дней останется человеком, который рядом, которому можно в любой момент позвонить. Учтем и то, что ситуация общения с большим поэтом, личного знакомства с ним, будучи завидной во многих отношениях, имеет свои минусы: она не способствует полноценному восприятию его стихов. Сам Владимир Корнилов свою книгу о русских поэтах сознательно или подсознательно ограничил рассмотрением тех авторов, от которых он был отделен значительной дистанцией – временной или статусной.

– В последнем интервью, когда речь заходит о книге «Покуда над стихами плачут...», посвященной судьбам российских поэтов, Корнилов на вопрос корреспондента, чем обусловлен выбор поэтов, ответил так: «Останавливался на тех, кто мне наиболее близок, кто меня восхищал последние полвека и волнует до сих пор. Все-таки надо писать о самом главном для себя. Ведь если не будешь взволнован сам, как передашь свое волнение другим?» Не с этим ли связан тот факт, что поэт Корнилов написал не так уж и много?

– Вопрос можно понять по-разному. Если подразумевается, что Корнилов «не так уж и много» написал о других поэтах, то я готов согласиться. Для меня было бы радостью, если бы книга «Покуда над стихами плачут...», которую я нередко перечитываю, стала еще толще. Но список тех, кто «восхищает и волнует», не может быть безразмерным. И все же во втором издании этой замечательной книги существенно больше портретов, чем было в первом. Если же речь о стихах самого Корнилова, то я бы не сказал, что их немного. По-моему, очень даже немало. Больше написано Борисом Слуцким, но Слуцкий – редкое исключение.

– «Основа лирики – личность. А страсть – ее кинетическая энергия. Собственно, страсть и придает стиху то, что Пастернак определил словами: “...живым и только, / Живым и только до конца”. Именно в “живом”, в жизни заключено бессмертие поэзии». Мне кажется, стихи Корнилова если и горят, то горением холодным, картезианским. Быть может, Корнилову пошло бы писать философские тетради, миниатюры...

– Трудно с этим согласиться. Рифмованные философские тетради – что может быть ужасней? Нет, слава Б-гу, Владимир Корнилов был далек от холодной рассудительности. У него был четко выраженный проповеднический дар, а проповедь, подобно исповеди, держится на страсти. Миниатюры? Ориентация на них лишила бы Корнилова свободы, ведь выбор размера стихотворения, как и выбор стихотворного размера, у настоящего поэта определяется единственно саморазвитием стиха. Заодно хочу снять нелепое обвинение с давно почитаемого мною Декарта. Назвать холодное горение картезианским можно только по недоразумению: блестящий ум не мешал Декарту оставаться горячим, реактивным человеком.

– В моем воображении встает кабинет Владимира Николаевича. На книжных стеллажах я ищу книги, которые так или иначе были бы связаны с еврейством, иудаизмом, ведь Корнилов был полукровкой, «двойным светилом». Таких книг не нахожу, зато понимаю, что все корешки книжные говорят мне о скитальчестве и свободе. Свобода поэта не столько в неподчинении власти предрержащим, сколько в следовании своему предназначению. Корнилов всегда следовал своему предназначению, то есть, иными словами, всегда ли был человеком свободным?

– Сотрудничать с властью считали уместным и даже правильным не последние из русских поэтов: Державин, Жуковский, Пушкин (список можно продолжать). Это был их свободный выбор. Вопрос о способе быть полезным отечеству каждый поэт решает самостоятельно, в согласии со своим темпераментом, а отчасти в силу каких-то полуслучайных обстоятельств. Априорное решение в пользу «неподчинения власти предрержащим» вульгарно, не будем следовать по этому скользкому пути.

Неприемлемым должно быть только равнодушие. Корнилов, на мой взгляд, этим духовным недугом не страдал.

В КОРНИЛОВЕ БЫЛО ЧТО-ТО ОТ ПРОРОКА

Àëàèííé Ñèè íííá, í'èííàòáëü, èèííðàæèííáð, í'ðááíçàùèòíèé

– Передавая свои произведения на Запад, в свободную русскую прессу, Владимир Николаевич писал: «На Западе меня либо будут публиковать, либо не будут, но уж во всяком случае не станут уродовать и корежить». Таковым было его писательское отношение к любому рода редактуре или только к той, что была связана с цензурой, с долгими немymi коридорами?

– Я думаю, тут более сложный психологический ход. Володя, начиная писать прозу, был уже признанным поэтом. И его попытки прозу напечатать столкнулись здесь с пренебрежительным, эдаким рукой по плечу, отношением к «молодому» прозаику. К замечаниям друзей Корнилов относился с вниманием, но без почтения – своя лира всегда была для него главнее, он ведь никогда не обольщался. Поэтому и реакция «да – да», «нет – нет» была предпочтительней, чем «да, но...». И напечатанная на Западе проза его в этом смысле не обманула. В отличие от многих поэтов-друзей Корнилова, я не помню, чтобы его стихи существовали в двух вариантах – доцензурном и опубликованном. Отвергнутых было много, а замордованных редактурой, как у Слуцкого, не помню ни одного.

– «Но как безвыходно и сирó / Вдруг станет, отвлечешься чуть, / И все несовершенство мира / Обстанет – и не продохнуть...» Некоторые почитатели современной поэзии упрекают Корнилова в избыточной строгости, граничащей со сварливостью, морализме и перфекционизме. Мол, не было ни в нем, ни в его

поэзии той «здоровой» червоточинки, инфернальности, которая привлекает читателя во все времена. Есть в этих высказываниях доля правды?

– Я бы назвал это сдержанностью. Напор чувств в Корнилове был так силен, что одним из главных усилий поэта было не растратить этот напор в лишних словах. Как держит себя за горло оратор, чтобы не разразиться криком. Корнилову свойственна скорее старомодность чувств, пристрастие к «хлебу простых истин». На мой взгляд, ни сварливостью, ни морализмом здесь и не пахнет. Он слишком крупно чувствует, чтобы размениваться на такие пятаки.

– Проза поэта. Проза философа. Поэзия и проза журналиста. В ходу даже философская поэзия. Один мой приятель, поэт-прозаик-журналист, без помех вогнал Корнилова в это особое подразделение, посчитав, что оно наиболее близко его поэзии, конденсированному высокоточному стиху. Если это так хоть отчасти, не потому ли Корнилов остается поэтом узкого круга почитателей, что философская поэзия ставит в тупик своей изначальной заданностью, выбраться из которого почитателю предстоит самостоятельно? Какое ваше любимое стихотворение Корнилова, из которого вы выбираетесь всегда обновленным?

– Единственная «проза поэта» у Корнилова, на мой взгляд, сборник эссе «Покуда над стихами плачут...». Все остальное имеет со стихами лишь то общее, что автор у них один и тот же. Не случайно периоды стихов и прозы в литературной биографии Корнилова в основном разнесены во времени. Да, сегодняшний круг почитателей поэзии Владимира Николаевича не шире, чем у любого другого поэта его уровня таланта, ну и что? Как говорил Маяковский, «зайдите через сто лет, тогда и поговорим». Свойства его лучших стихов – выставлять точную температуру времени, в которое они написаны, что и делает их поэтическими документами эпохи, – это надолго. Любимых стихов Корнилова у меня немало. А «обновленным я выбираюсь» из «Когда просили каши сапоги...». Оно, если помните, кончается так: «Одни – храбры, другие – влюблены, / Одним нужны, другим страшны победы. / Одни растопчут женщин, как слоны, / Другие их поднимут, как поэты».

– По Эренбургу, одна из отличительных черт еврея – говорить «нет», когда все говорят «да», волей и мыслью уходить от неразличимости взглядов, общей «истины». Индивидуализм Корнилова, его «да – да» и «нет – нет», умение жить в четко очерченном круге – предвидении и традиции несут еврейские черты, уходящие во тьму пастушеской истории, или пастухи уступают место Вольтеру, Пушкину, Байрону?

– В Корнилове действительно было что-то от пророка. Еврейского или русского – не скажу, не задумывался. Прелесть Володина была в том, что он это не выставлял, а прятал, стеснялся этого в себе – отсюда и его сила.

Поэтическое существование Корнилова равнялось на высшие образцы классической русской литературы, в ней же и черпало силы, наслаждаясь блаженством, даруемым русским языком, который в случае/судьбе Корнилова-поэта был и пространством, и временем, и – спасением. Носило ли это корниловское спасение узнаваемые еврейские черты, ответить однозначно мои собеседники не смогли, да и я не берусь, но, по-моему, скорее «да», и вот почему: Единое, открывавшееся поэту Корнилову в лучших его стихах, спасавшее при жизни, сегодня практически без потерь перешло в наше пользование; «наше» – значит, и еврейское, посему надеюсь, что будет оно рачительным.

Вы читали? [Из нашей почты](#) // 2009, № 8

Реакция. Г-н пенсионер из Владивостока!

От Вашего письма повеяло на меня ветром недоброй памяти, когда анонимки были в ходу и могли разрушить судьбы людей, семей и даже целых коллективов. Оно составлено по той же схеме, с той же лексикой: «мы, нас, большинство», сплошь обобщения. Создание стереотипов: «кризис в умах, тревожно за молодежь, люди превратились...» Всех мажете одной краской, причесываете под одну гребенку. На каком основании Вы говорите за всех евреев вообще и в частности Владивостока. Не все превратились в «униженных и оскорбленных», не все боялись и скрывались, не у всех «кризис в умах». А каков лексикон! Читать неловко: «тусовки, халява, молчите в тряпочку, покорное стадо, паек...» Что это за евреи во Владивостоке, где пустует синагога, куда идут только для того, чтобы «выпить и закусить “на халяву”, “потусоваться”, а вспоминают, что они евреи, только тогда, когда им что-то надо». Где это им «грубят, их унижают, навязывают не необходимую помощь, превращают в стадо», из которого не выйти, чтобы не испортить отчетность «Джойнта», который «заинтересован в количестве нуждающихся». Если бы Вы отправили это письмо в «Джойнт», это был бы анонимный донос на их же чиновников. У Вас странное представление о бедности и благотворительности. Вам разве неизвестно, что благотворительность – это традиция? Что касается бедности, то Вы, наверное, хотите считать бедными только тех, кто похож на персонажей Шолом-Алейхема, но ведь сейчас время другое. Да, есть и квартиры, и дачи, и пособия от государства, и пенсия. Но ведь и за квартиру, и дачу нужно платить. А одежда, обувь? А лекарства? Не менее 2/3 «доходов» пенсионеров уходит на оплаты. И не у всех дети могут помогать. Так что благотворительность помогает евреям жить достойно, чего наши пенсии обеспечить не могут. И не надо переживать, что они живут «за счет других евреев». Эти «другие» не бедные. А если старый человек настолько немощен, что не может сам идти и нести свой «пак», и дети привозят ему его на машине, то что в том плохого?

Благотворительным организациям, как и всяким другим, нужны чиновники, следовательно, нужны зарплата и командировки для учебы и обмена опытом. Кто же будет иначе работать? Вы? Вряд ли. Вы критикуете, возмущаетесь и призываете к революции. Ну, разрушим до основания... а затем? Будем перепроверять справки, писать анонимные доносы, спорить по поводу цдаки в современном мире? Не лучше ли вспомнить забытое (или неусвоенное) старое? Гитин, б1а: «Мы должны помогать нуждающимся не-евреям так же, как нуждающимся евреям». Это о цдаке. Рабби Хаим ид Сануа (умер в 1786 году): «Важность милостыни столь велика, что я радуюсь, подавая сотне просящих, даже если лишь один из них действительно нуждается. Однако некоторые люди поступают так, словно то обстоятельство, что среди сотни просящих может оказаться один мошенник, освобождает их от обязанности давать милостыню». Это о недостоверных справках.

Так что не отталкивайте руку дающего и делитесь тем, что имеете, с тем, кто не имеет.

Галина Липатова,

Новокузнецк

Вы читали? *Борис Клин.* [Все – «за», а Баба-яга – «против»](#) // 2009, № 10

Реакция. История борьбы за власть между Государством и Церковью вообще и в частности РПЦ, особенно в период после реформ Петра Великого, не убедила Бориса Клина в том, что попов нельзя пускать на порог школы и близко подпускать к власти. Позиция РПЦ относительно концепции Прав Человека его не насторожила, но последняя выходка протодиакона Андрея Кураева оказалась той соломинкой, что сломала спину верблюда! Клин решил, что вводить изучение «основ православной культуры» в школе пока не следует. Клин, однако, продолжает называть православие «государствообразующей религией» России (хотел бы я знать, что это такое), считает, что Пушкина невозможно понять вне контекста православия... Да уж конечно, «Маленькие трагедии», или «Графа Нулина», или перевод из Катуллы трудно понять вне контекста православия... Так же трудно понять сюжеты картин вроде «Прощания Гектора с Андромахой» или «Смерть Камиллы, сестры Горация». Клину хотелось бы, чтобы дети не хихикали глупо, натываясь в музеях на обнаженные фигуры, и не бывали бы сбиты с толку мифологическими сюжетами. Мне тоже этого хотелось бы. Чтобы этому горю помочь, детей следует почаще водить по музеям в сопровождении хороших экскурсоводов, а где это невозможно – использовать альбомы, фильмы и другие учебные материалы, советовать им читать книги, например Зенона Косидовского и Николая Куна «Легенды и мифы Древней Греции», издавать книги с грамотными сносками и комментариями. В школе всему научить нельзя, можно только указать направление. Религия и церковь – вещи разные. Христианство – религия, Русская православная церковь – организация с весьма неприглядной историей, набирающая в последнее время политический вес, как это признает сам Клин, и это не сулит ничего хорошего.

*Noam Sayin,
Интернет*

Вы читали? *Леонид Кацис.* [От ворот «Челси» до ворот сборной России](#) // 2009, № 6

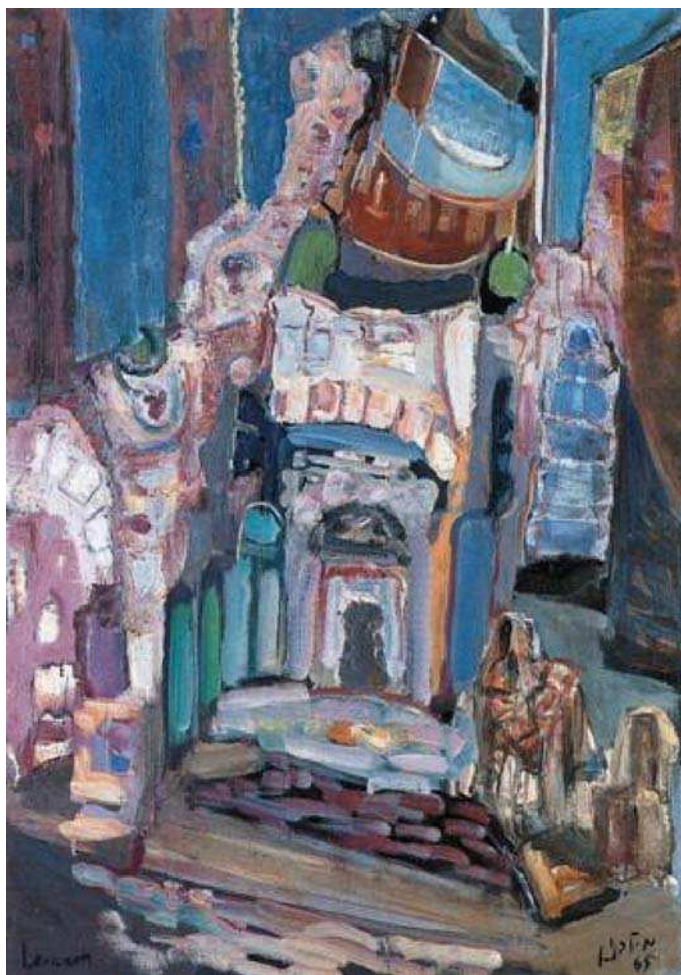
Реакция. Не могу забыть авторские прогнозы: «Российская сборная проигрывает первые после-“челсовские” матчи, и именно этих очков не хватает в итоге для выхода из группы. Тут почти неизбежно последуют выводы от мистических до физических и психологических». Думаю, ксенофобная среда российских болельщиков не дурочка, хорошо понимает, благодаря кому вырос сегодняшний российский футбол. Что до бывшего тренера «Челси», считаю: как еврей он должен был понять чувства Гранта, но как футбольный магнат не был обязан. Случившаяся история скорее характеризует Абрамовича, нежели Гранта.

Дмитрий Ицкович,

Зеленоград

ЗОЛОТОЕ СЕРДЦЕ, ИЛИ СИЛА УПОВАНИЯ

Яков Шехтер

Тем утром он молился с особенным ожесточением. Напрасно Голда ожидала, что муж после кражи возьмется за ум, закинет на плечо мотыгу и отправится на террасы добывать хлеб насущный. Муки голода лишь разожгли упрямство Хаима.

Краем глаза он замечал – ведь не дурак, не дурак! – как Голда украдкой кормила детей, доставая из потайных мест припрятанную еду. Бурчание в животе Хаим воспринимал как знак Б-жественного расположения, звуки избранности и высшей приязни. Он страдал от голода, но его вера, чистая, крепкая, полная уверенности в доброте Всевышнего вера осталась в целости и сохранности, как после речи раввина.

– Лучше бы человеку не родиться, – говорил раввин. – Душа спускается в нижний мир для мук и страданий. Ад существует, и мы находимся в самой его середине. Но коль родился человек, живет и страдает, лучше бы ему умереть молодым и не тащить много лет груз соблазнов, угроз и преткновений.

– Но ребе, – робко спросил Хаим, слушавший раввина с открытым от удивления ртом. – Если хорошо умереть молодым, отчего же праведники живут до глубокой старости?

– Праведники находятся в нашем мире не для удовольствия, – ответил раввин. – Они выполняют особую, тайную работу и поэтому так долго присутствуют на земле. По той же причине Всевышний освобождает их от забот пропитания, доставляя все необходимое прямо к порогу дома.

Именно после этих слов Хаим твердо решил стать праведником. Не из-за пропитания – в конце концов, он ведь устроился в этом мире, хуже-лучше, но устроился. Нет, ему захотелось погрузиться в духовность, прикоснуться к тайнам, окружающих святых людей. Как охапка соломы, как высушенная солнцем трава загорелось его сердце, и пламя, гудящее, жаркое пламя устремилось вверх, прямо ко Всевышнему.

И что это за чудо – еврейская душа! Кто вылепил ее, если не Сам Царь небесный? Из глубины своего Я вдохнул Он частицу Себя Самого в брненное тело человеческое и поселил в нем трепет и страсть, вечную любовь и вечное страдание.

Отмолвившись, Хаим уселся под навесом и принялся тщательно проверять свои поступки. Чем он прогневил Вседержителя, за что на его семью свалилось такое несчастье?

А несчастье и в самом деле было большим. Без лошади и телеги Хаим не мог браться за большую часть работ на террасах. Если завтра он передумает и вернется, то...

– Ага, – он чуть не подскочил на месте от пришедшей догадки. – Всевышний не хочет, чтобы я возвращался на работу. Всевышний желает видеть меня праведником. Поэтому и отобрал телегу с лошадьё. Он, наверное, опасается, что Голда сумеет меня переубедить, и решил помочь таким способом.

Хаим приосанился и горделиво посмотрел на горы. Личная опека Создателя мира, прямое вмешательство в судьбу – разве это не причина для гордости?

– Не бойся, Всевышний, – прошептал Хаим, – я останусь праведником, пусть даже ради этого мне придется умереть с голоду.

Если бы в руках у Хаима оказалась подозрительная труба и если бы он точно навел ее на просвет в кронах дубов, плотно покрывающих склоны горы Мерон, его взгляду могло бы открыться странное зрелище. Четверо разбойного вида людей, обливаясь потом, тащили из пещеры огромный, кованный железом сундук и укладывали его на телегу. Оружие: копыя, топоры и мечи – было свалено в беспорядке на земле перед входом.

Опасаться в этой чащобе можно было только диких зверей. Никто из жителей окрестных деревень не рисковал забираться так глубоко в дебри леса. Слухи о разбойниках, облюбовавших Мерон, отгоняли самых бесстрашных.

У этих слухов были веские основания: не один торговый караван, идущий из порта Акко в Цфат был остановлен и разграблен за последние месяцы, множество усадеб и зажиточных домов подверглись нападению.

Бандиты отличались особенной жестокостью: каждого, кто пытался оказать сопротивление, убивали на месте. Малейшая просьба о милосердии каралась безжалостными побоями. Начальник полиции Цфата турок Хасан с миндалевидными коричневыми глазами и двумя жесткими складками на лбу несколько раз отправлял солдат на поиски бандитов, но те лишь без толку блуждали по чащобе Меронского леса.

В одном из сундуков, захваченных во время ограбления каравана, бандиты обнаружили старинную карту, выгравированную на медной дощечке. Вместе с картой у хозяина, купца из Дамаска, отобрали шкатулку с драгоценностями, но он, валяясь в ногах бандитов, умолял отдать ему только карту.

– Семейное предание, – причитал купец. – Простая медная дощечка, никакой ценности. Отдайте, прошу вас, отдайте.

Он обхватил ноги главаря бандитов, и тот, чтобы избавиться от дурака, стукнул его по лбу рукояткой кинжала. Удар получился слишком сильным: купец молча повалился на бок, из расколотого черепа потекла черная кровь.

Вечером главарь пару минут повертел в руках табличку, но, не сумев ничего разобрать при мерцающем свете костра, безразлично отбросил в сторону. Ее подобрал Абдалла, молодой член шайки, уроженец Ливана. Весь следующий день он то и дело вытаскивал табличку из кармана халата и внимательно изучал. Его ажурно вырезанные ноздри хищно подрагивали.

– Атаман, – сказал он под вечер, когда фиолетовое солнце медленно садилось, приближаясь к вершинам гор. – Атаман, я родом из Цидона. Моим соседом по двору был грек. Он научил меня читать. Я араб, но читать умею только по-гречески. Ты знаешь, что написано на этой табличке?

– Нет, – атаман зевнул, обнажив два ряда острых, блестящих зубов.

– Это карта. Карта горы Мерон. С указанием места, где византийцы спрятали клад.

– Я не верю старым картам, – безразлично зевнул атаман. – Прогуляйся по рынку в Акко, и на каждом прилавке ты обнаружишь дюжину таких карт. И все поддельные.

– Эта похожа на подлинную, атаман, – не успокаивался Абдалла.

– Ты употребил правильное слово, – улыбнулся атаман. – Похожа, но не более.

– А может, все-таки попробуем? – предложил Абдалла. – Это ведь совсем близко от нас.

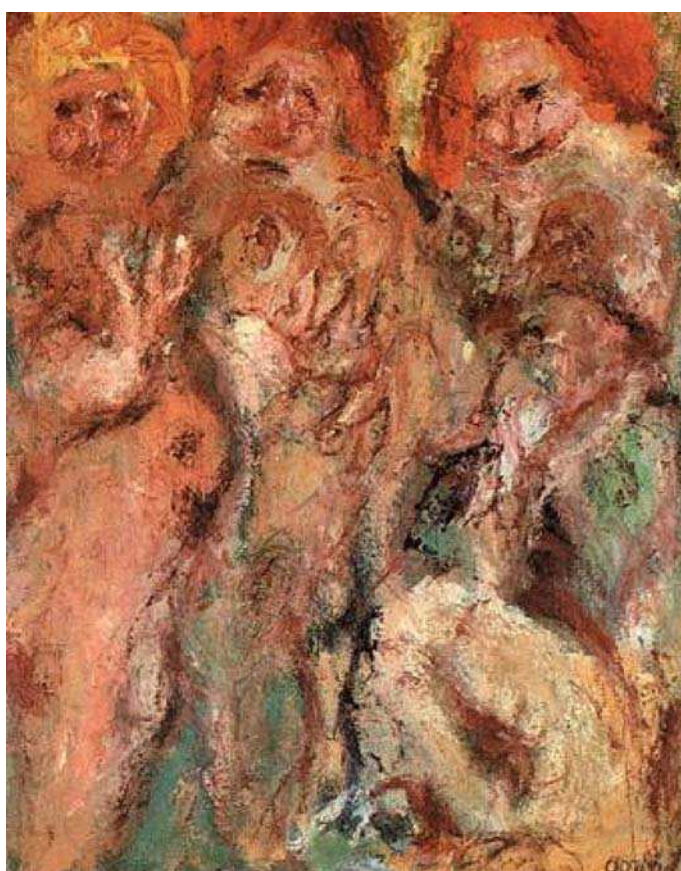
– Близко, говоришь, – в третий раз зевнул атаман. – Если близко, давай попробуем.

– Прямо завтра?

– Давай завтра.

Карта не подвела, не зря купец так за нее цеплялся. Когда разбойники откатили в сторону валуны, перед ними открылся вход в пещеру. Валуны лежали на этом месте очень, очень давно, наверное, со времен византийцев, спрятавших клад. Разбойники с воплями радости устремились внутрь, но спустя несколько минут лесной воздух пронизали проклятия: пещера оказалась пустой.

– Пойдите, пойдите, – спохватился Абдалла. – Тут написано – три локтя к востоку. А восток – это стена. Значит, нужно искать потайной вход.

Разбойники пустились на поиски и быстро отыскали заштукатуренный проем. Кто-то искусно раскрасил его, придав вид настоящей горной породы. Обнаружить подделку можно было, лишь точно зная, где надо искать.

Разломав ломами кладку, разбойники проникли во вторую пещеру. Зажгли свечи и долго не могли прийти в себя от изумления. Пещера была плотно уставлена громадными сундуками из крепкого дерева, обитого кованным железом.

Атаман сорвал заступом замок с первого сундука, распахнул крышку и зажмурился. Сундук был доверху наполнен золотыми монетами.

– Это не просто клад, – прошептал Абдалла. – Это целая казна, сокровищница.

– За раз все не утащить, – деловито сказал атаман. – Нужны лошадь и телега. Возьмем пару сундуков, замаскируем вход и поедем в Цфат. Потом вернемся с караваном верблюдов и увезем что осталось. Где тут можно раздобыть лошадь?

И разбойники отправились на поиски. Искали они долго, ведь у добрых хозяев запоры крепки, а собаки настороже. Можно, конечно запоры разломать, а собак прибить вместе с хозяевами. Но атаман не хотел поднимать шум.

– Чтобы победить, нужна внезапность, а значит, скрытность, – повторял он. – Золота хватит не только нам, но и детям, внукам и правнукам. Поэтому действовать нужно не спеша и потихоньку.

Растяпу хозяина отыскали только у самого Цфата. Собаки спали, дверь в сарай оказалась незапертой. Абдалла осторожно вывел лошадь из стойла, запряг в телегу и – фьють – поминай как звали. Стоит ли добавлять, что незадачливым хозяином был герой нашего повествования праведник Хаим.

Шайка тяжело трудилась весь день. Сундуки оказались неподъемными, вытащить их, не разгружая, у разбойников не хватало сил. Атаман решил опустошить два сундука, перенести их на телегу, а затем снова наполнить золотом.

Так и поступили. Монеты выгребли и сложили в углу пещеры, затем перетаскивали сундуки и принялись укладывать в них золото. Абдалла потихоньку набил карманы монетами. Он думал, его никто не заметил, но атаман, казалось полностью занятый перетаскиванием, внимательно наблюдал за членами шайки и сразу отследил вороватые движения Абдаллы.

«Ну-ну, – подумал атаман. – Ну-ну».

Он ничего не сказал воришке, но решение принял сразу и стал готовиться к его выполнению.

Работу закончили после полудня. Устали, перепачкались, пропотели. Животы подвело от голода, а глотки пересохли от жажды.

– Делаем так, – приказал атаман. – Умоемся в ручье, напьемся, отдохнем. Абдалла и ты, – он ткнул пальцем в члена шайки, безмянного, сморщенного сирийца, с клочковатой бородой, придававшей ему вид проросшей картофелины, – вы отправляетесь на поиски еды. Не грабить – найти постоялый двор и купить, чтоб ни шума, ни писка, понятно?

– Понятно, – согласно кивнули Абдалла и сириец.

– Мы с Корейшем тут все уберем, положим валуны на место, прикроем травой, чтоб ни одна сволочь не догадалась о входе в пещеру. Поужинаем, переночуем и с утра – в Цфат. Понятно?

– Понятно.

– Тогда за дело. И еще раз повторяю: никакого насилия. За все платить и платить сполна. Наша задача – уйти отсюда незамеченными.

Закончив умываться и пить, члены шайки разделились на две группы: Абдалла с напарником отправился покупать провизию, а Корейш вместе с атаманом принялся ворочать валуны.

– Несправедливо, атаман, – ворчал Корейш, дюжий и рыжий детина, с острыми, прижатыми к черепу ушами и недобрым блеском узких глаз. – Кому гулять, а кому горбатиться.

– Ты разговоры о справедливости брось, – цыкнул атаман. – Ищешь справедливости – в синагогу ступай. Там тебе растолкуют, кто прав, кто виноват.

– Фью, в синагогу, – присвистнул Корейш. – Чего я там позабыл. А кто виноват, то могу сказать. Абдалла полные карманы монетами набил, разве ты не видел?

– Видел, – спокойным тоном произнес атаман. – Потому я его за продуктами и отправил.

– Вот я и спрашиваю, где справедливость? – опасно повторил Корейш.

– Сейчас объясню, – ответил Атаман, усаживаясь на валун. – Есть небось хочешь?

– Угу, – кивнул детина. – Еще как.

– Скоро товарищи твои вернутся. Мяса принесут, вина, хлеба. Поедим?

– Еще бы, – мечтательно улыбнулся Корейш.

– Ну и дурак, – оборвал его мечты атаман.

– Почему?

– Да потому, что это будет твоя последняя трапеза на свете.

– Ты что, думаешь, они...

– Не думаю, а уверен. Жадность далеко человека заводит. Если он монеты при нас крал, почти не прячась, значит, всех дураками считает. А зачем же клад на четверых делить, если можно на двоих? Поэтому ту еду, что он принесет, только крысам скормливать можно.

– Н-да, – покрутил головой Корейш. – Что делать будем, атаман?

– Так ведь Абдалла прав. Зачем делить клад на четверых, если можно на двоих. Как думаешь?

– Думаю, прав, – и без того узкие глаза Корейша зловеще прищурились.

– Делаем так, – приказал атаман. – Когда наши друзья вернутся, я займусь сирийцем, а ты Абдаллой. Сразу, без разговоров. Как только они подойдут на расстояние удара. Понятно?

– Понятно, – рука Корейша опустилась на рукоять ножа.

– Только без шума. Без всякого шума.

Атаман оказался прав. Отыскав постоялый двор, Абдалла и сириец первым делом бросились утолять голод и жажду. В большом зале с низким потолком вязко пахло свежеспеченным хлебом. Абдалла небрежно бросил на стол перед хозяином золотую монету:

– Еды и побольше. Да вина не забудь, самого лучшего.

– Ты зачем так швыряешься деньгами? – тихо спросил сириец, когда они уселись за стол в углу зала. – Если атаман узнает...

– Да пошел он к черту, этот атаман, – со злостью бросил Абдалла. – Что он понимает, что умеет? Грабить купцов да насилловать крестьянок – вот все, что прячется в его пустой башке. Табличку с картой он выбросил как ненужную. Если бы не я, ты бы мог только мечтать о таких деньгах.

– Что верно, то верно, – согласился сириец. – Но все-таки будь осторожней.

Хозяин принес стопку горячих лепешек и большую миску запеченной фасоли, покрытой коричневой загустевшей от печного жара подливой. От миски поднимался ароматный пар. Разбойники жадно принялись отрывать от лепешек узкие полоски, подхватывать ими фиолетовые фасолины вместе с подливкой и с шумом заглатывать.

– Ты думаешь, он мне спасибо сказал? – продолжил Абдалла, когда первый голод был утолен.

– Спасибо? – недоуменно фыркнул сириец. Темное вино зашипело в глиняных кружках и быстро ударило в голову. Абдалла не опьянел, но глаза его слегка затуманились, утратив привычное презрительное выражение.

– Спасибо... Даже этой мелочи я от него не дождался. А когда дело дойдет до дележки, он, как всегда, возьмет себе большую часть. Но в этот раз большая часть полагается мне, понимаешь, мне!

Абдалла схватил с блюда жареную курицу и в бешенстве разломил пополам.

– У меня в пятке больше мозгов, чем во всей башке этого дурака, называющего себя атаманом. Понимаешь?

– Нет.

– Зачем нам делить клад на четыре части, одна из которых будет куда-а больше всех остальных? Давай лучше разделим его на две. Причем равные.

Сириец осклабился:

– А ты, Абдалла, действительно не дурак. Я тоже об этом подумал. Только предложить не решился.

– Все просто. У меня есть план. закажем у хозяина лепешек с мясом.

– И что? – Сириец недоумевающе посмотрел на Абдаллу.

– А то. Две из них нашпигуем крысиным ядом и спрячем за пазухой. А те, что без яда, предложим атаману и Корейшу.

– Не понимаю, – замотал головой сириец. – Ты кого отравить хочешь, их или нас?

– Да ты слушай, слушай, – пренебрежительно прервал его Абдалла. – Атаман дурак, но подлая бестия и наверняка нас заподозрит. Поэтому не станет есть предложенные лепешки. Но когда мы достанем из карманов свои и сделаем вид, только сделаем вид, будто собираемся приступить к трапезе, он, несомненно, их у нас отберет, а нам отдаст свои. И очень хорошо, мы славно закусим вместе с друзьями. А спустя полчаса станем полноправными обладателями сокровища.

– Хитро, – уважительно произнес сириец. – Ты действительно голова.

Он снова наполнил кружки густым, темно-красным, точно свежая кровь, вином.

– За успех!

Абдалла и сириец вернулись к пещере, когда солнце перевалило через зенит и лиловые тени от дубов начали тянуться к востоку.

– Вот! – Абдалла приветственно помахал бурдюком, наполненным молодым галилейским вином.

– Вот! – повторил сириец, протягивая атаману сумку, переполненную лепешками, начиненными мясом с острыми приправами.

– Покажи-ка, покажи, – раздул ноздри атаман.

– Уф, как пить хочется! – Корейш выхватил из рук Абдаллы бурдюк и поднял верх, якобы собираясь вырвать зубами затычку и прильнуть к отверстию.

У Абдаллы сжалось сердце от сладостного предчувствия. В бурдюк он всыпал такое количество крысиного яду, которого бы хватило на десяток Корейшей. Еще несколько мгновений – и атаман останется один, а с ним они справятся даже без яда. Первым в схватку вступит сириец. Если он погибнет, это избавит его, Абдаллу, от еще одного убийства. Вон, нагруженная телега стоит в тени деревьев, а уставшая от долгого стояния лошадь то и дело бьет копытом о землю.

Но дальше произошло неожиданное. Вместо того чтобы выдернуть зубами затычку, Корейш изо всех сил опустил бурдюк на голову Абдаллы. Бурдюк, конечно, не камень, но от удара в голове у Абдаллы все пошло кругом, а в ушах тихонько зазвенело. Звон походил на тот, который издавали сосульки, падая с крыш Цфата в ясный зимний день.

И словно продолжение этого звона, Абдалла вдруг ощутил ледяное прикосновение к низу живота. Что-то пронзительно-холодное проникло в его внутренности и повернулось в них, став ослепительно-горячим.

Абдалла охнул, схватился руками за живот и уже непонимающими глазами увидел, как сверкающее лезвие ножа, покрытого его кровью, мелькнуло прямо перед лицом, направляясь к шее.

Сириец прожил на минуту дольше, чем Абдалла. Когда тела перестали подергиваться в предсмертных конвульсиях, атаман и Корейш стали обшаривать трупы.

– Гляди-ка, – воскликнул Корейш, – у него за пазухой припрятана лепешка с мясом.

– Понятное дело, – отозвался атаман. – Те, которые в сумке, отравлены, а эти они для себя приберегли.

Он сунул руку за пазуху Абдаллы и вытащил еще одну лепешку.

– Работа выполнена, теперь можно и перекусить.

Разбойники уселись в тени и, прихлебывая из фляжек собственноручно набранную из ручья воду, мгновенно разделались с лепешками.

Острые приправы отбили вкус крысиного яда, и первые несколько минут его действие было неощутимым. Атаман встал на ноги, собираясь пойти к повозке. Он успел сделать несколько шагов, как вдруг почувствовал, что ноги перестали повиноваться. Атаман с удивлением посмотрел на них и вдруг ощутил огненно-жгучий удар под ложечку, от которого все его тело пронзила нестерпимая боль. Говорят, будто боль эта настолько невыносима, что мертвых крыс находят с мордами, мокрыми от

слез. Атаман глухо вскрикнул и повалился лицом в колючий кустарник, прямо за которым открывалась черная бездна преисподней.

В тот день Хаим остался голодным: на завтрак Голда предложила ему только ведро ледяной воды из колодца. То же меню поджидало его на обед. Сон давно перестал брать Хаима – за дни безделья он основательно отоспался. Усевшись за стол, он положил перед собой Пятикнижие и по двадцать раз читал каждое слово комментария Раши, пытаясь понять его смысл.

– Разберусь, – шептал он сквозь стиснутые зубы, – обязательно разберусь.

Голда украдкой наблюдала за борьбой мужа. Она уже не знала, сердиться на бедолагу, вбившего себе в голову этакую глупость или жалеть его. Когда Хаим каждые пятнадцать-двадцать минут осушал кружку воды, Голда прижимала руки к груди и с трудом сдерживала рыдания.

– Он же есть хочет, мой дурачок. Сильно хочет есть. Но чем же я могу ему помочь?

Голда вышла из домика, остановилась под навесом, где Хаим молился утром, днем и вечером, и вдруг залилась горькими слезами. А вместе со слезами сами собой потекли горячие слова молитвы.

– Б-же Всемилостивый, Отец наш Небесный! Сжался над Своим рабом Хаимом и пошли ему излечение от болезни. А если Хаима Ты не желаешь пожалеть, то смилуйся надо мною, Голдой, женой Хаима.

Она вдруг припомнила долгие месяцы ожидания перед свадьбой, когда вместе с матерью и подругами шила себе приданое. Жених тогда представлялся ей сказочным принцем, мудрым, как рабби Акива, и добрым, точно Аарон-первосвященник. Как растворились ее мечты, куда подевался тот тихий юноша с ласковыми глазами?.. Б-же, Б-же, что Ты делаешь с нашей жизнью, что мы сами делаем с ней!

Слезы не переставали течь по щекам, будто там, внутри глаз, распахнулись ворота и оттуда безудержно хлынули потоки стыда, отчаяния, безнадежности и обиды.

– А если и меня Ты не хочешь жалеть, – сами собой шептали губы Голды, – пожалей деток наших, невинных девочек, чистых мальчиков. Чем провинились они перед Тобой? За что должны страдать?

Уже не сдерживаясь, Голда рыдала навзрыд, во весь осипший от голода голос. Хаим, услышав плач жены, прибежал из дома:

– Голда, Голделе, что случилось, почему ты плачешь, Голда?

Она не отвечала, а только мотала головой, и слезы жемчужными брызгами разлетались в разные стороны.

– И если детей наших Ты не хочешь жалеть, – шептала Голда, отворачиваясь от Хаима, – пожалей Самого Себя. Ведь не может Отец оставаться равнодушным, видя, как страдают Его дети. Или они не дети Его, или Он не их Отец.

Голда вдруг перестала плакать, отерла глаза и посмотрела на смущенно стоявшего перед ней Хаима.

– Что случилось, милая? – спросил он совсем тихо, и в его глазах мелькнуло что-то давнее, давно позабытое, стертое сухим трением быта, вечной нехваткой денег, болезнями детей, мелкими и крупными обидами, – в общем, всем тем, что вкратце называется супружеской жизнью. Голда уловила тень того давнишнего взгляда жениха Хаима и снова зашлась в рыданиях.

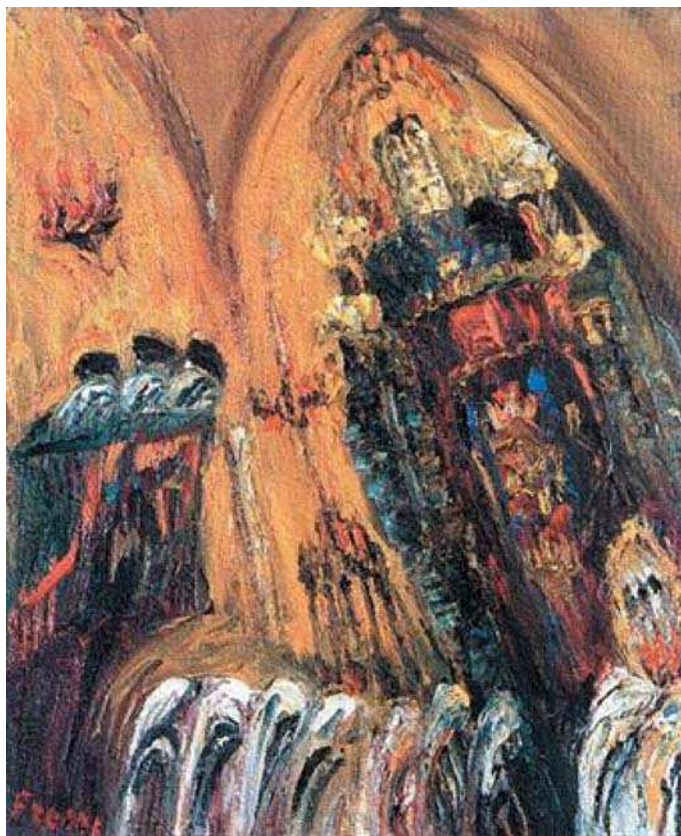
Атаман очнулся после глубокого обморока. Так действует крысиный яд. Он убивает не сразу, а за несколько приемов, несказанно мучая свою жертву ужасной тошнотой, от которой хочется выдавить из себя все внутренности, кровавой рвотой и ломающей виски головной болью. Если бы люди знали, что испытывают крысы перед смертью, они бы не стали изобретать этот ужасный яд, а изобретя, немедленно бы запретили.

Атаман теперь знал. Но не мог произнести ни слова, не мог передать открывшееся ему знание. Да и некому было его передавать. На поляне валялись два трупа, с лицами, густо облепленными зелеными мухами, полутруп Корейша, перепачканный кровавой блевотиной, корчился рядом.

Атаман вспомнил о Б-ге и принялся молить Его об ангеле смерти, способном оборвать эту ужасную, нескончаемую муку. Он никогда не думал о Нем, никогда не обращался с просьбами и вот сейчас вспомнил.

И чудо произошло. Шестым, двадцать пятым, сорок восьмым чувством, обнаженной поверхностью изъязвленных ядом нервов он понял, что его просьба принята. Спасительная темнота стала приближаться из глубины земли, маня прохладой, сулящей избавление и покой. Последним движением глаз, перед тем как соединиться навсегда с бездонной тьмой, атаман успел заметить, что лошадь оборвала наконец удерживающую ее веревку и телега, скрипя, двинулась с места.

Хаим с шумом опорожнил очередную кружку и принялся по складам читать Раши. Иссушенная слезами Голда вышла на крыльцо. У нее больше не было сил ни злиться, ни плакать, ни радоваться. Она хотела только поскорей закончить этот бесконечный день и погрузиться в спасительный сон, одну шестидесятую часть смерти.

Что-то мягко ткнулось в створку ворот. Тихонько заржала лошадь. Голда сразу узнала ржание, но не поверила собственным ушам. Лошадь заржала снова, и Голда опрометью бросилась открывать.

На телеге, крепко прикрученные веревками, стояли два огромных, кованых железом сундука. Не было ни одежды, ни котомок, ни каких-либо других пожитков, могущих помочь в поисках владельца. Ничего, только два огромных сундука. Замок у одного из них был сбит. Голда разрешила веревку, тихонько приподняла крышку, заглянула и тут же в испуге отпрянула. Потом огляделась по сторонам, сунула руку внутрь, загребла наугад и вытащила. На ладони лежало несколько золотых монет старинной чеканки.

Она быстро завела лошадь во двор, заперла ворота и поспешила к мужу.

– Хаим, – она не знала, с чего начать. – Хаим, там, во дворе, там лошадь вернулась с двумя сундуками. Там... – И она протянула ему ладонь с червонными золотыми кружочками. – Они тяжелые, я не могу их с места сдвинуть. Иди разгружай, Хаим. Всевышний послал тебе пропитание.

– На дворе, говоришь? На дворе не пойдет, – отрицательно покачал головой Хаим. – Прямо до входной двери.

Ну что поделать с таким идиотом! И Голде пришлось подогнать телегу к самой двери.

С тех пор прошло много-много лет. Хаим с семьей купили большой дом в центре Цфата и зажили богато, щедро и честно. Мудреца из него не получилось. Ведь для мудрости необходимо много учиться, а учение у Хаима не шло. Он стал

завсегдаем синагоги святого Ари, и с годами в его руки перекочевали ключи от входной двери, боковых комнат и кладовок. Хаим первым приходил в синагогу и последним уходил из нее. Он сидел на всех уроках и больше всех жертвовал на помощь бедным. И вот однажды вечером, когда он запирает синагогу, за его спиной раздался голос...

Впрочем, это уже совсем иная история, не имеющая отношения ни к силе упования праведника Хаима, ни к золотому сердцу его жены Голды.

ВЕЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Хаим Граде

Всю молитву Эльокум Пап был зол на себя, что попросил этого хироманта Боруха-Лейба с кислой физиономией погадать ему по руке. «Это потому что в последнее время я перестал заниматься резьбой, я боюсь, как и все. Если бы я сделал вид, что знать ничего не знаю, и продолжал бы заниматься резьбой, я бы так не трясся из-за войны», – мысленно убеждал себя столяр, не отводя глаз от сидура, чтобы его взгляд не упал на священный ковчег. Каждый раз когда в миньяне говорили, что дело идет к войне, и столяр думал о своих дочерях, он боялся взглянуть на резных зверей и птиц. Ему казалось, что, если он поднимет глаза, он увидит, как эти львы и орлы поворачивают головы и прислушиваются со страхом, о чем говорят между собой евреи в молельне. Сколько Эльокум Пап себя ни корил, что он так переживает за эти обструганные им деревяшки, он не мог избавиться от странной фантазии, что они боятся и имеют к нему претензии. Вот и на этот раз его губы шептали слова молитвы из сидура, а мысли были заняты резными поделками, которые он успокаивал, как перепуганных детей:

– Не бойтесь. Я еще покрашу голубой краской стену по обе стороны за священным ковчегом и поставлю там двух больших оленей. Я еще найду у восточной стены место для леопарда.

Но чтобы зверям и птицам не приходилось целый день смотреть на простую, голую биму, он украсит и биму. По бокам ведущих на нее и с нее ступенек он поставит четыре прямоугольные длинные узкие колонны, увенчанные красивыми навершиями, а вокруг бимы выстроит оградку со всякими красивыми финтифлюшками в деревянной решетке, как у плетеного кренделя, который официант подает на стол во время свадьбы. А если он так разукрасит биму, он не может не уважить стоящий напротив нее священный ковчег. Он и по бокам от него установит две невысокие колонны с плоскими навершиями, чтобы поставить на них колонны потоньше, а на самом верху увенчать их башенками с окошками, как во дворцах старых польских магнатов. А между этими колоннами, над священным ковчегом он выстроит домик с двумя резными окошками, а вместо стекол в эти окошки он вставит две круглые плитки с

Десятью заповедями. А коли так, ему придется сделать и новый пюпитр для кантора, ведущего молитву, чтобы пюпитр кантора не уступал по красоте священному ковчегу и биме. Он украсит резьбой вертикальную доску пюпитра кантора, и эта резная доска будет подниматься до самого потолка. А на ней он вырежет слово «шивити», так, чтобы оно было на уровне глаз ведущего общественную молитву. Чуть повыше он изобразит две руки, сложенные в благословении жрецов, а еще выше – скрижали с Десятью заповедями. Но два льва, которые будут поддерживать скрижали, не будут сидеть в пол-оборота, как два толстых кота, греющихся на солнце; эти два льва будут подобны пламени!

Вот так в Эльокуме Папе все больше разгоралась фантазия, хотя он знал, что во время молитвы не подобает думать о постороннем. Но он не мог с этим справиться. Фантазии лезли ему в голову, как мальчишки за яблоками через забор или в щели между досками. Вдруг в его мозгу сверкнула новая фантазия, от радости он даже покачнулся, как пьяный.

Радость была так велика, что прогнала отчаяние, принесенное на костыле инвалидом Герцем Городецем, прогнала она и страх перед войной. Столяру хотелось кому-нибудь рассказать о своих новых планах. Но у молящихся были печальные лица, и он понял, что они вряд ли будут внимательно слушать его. Даже в прежние времена они не слишком восхищались его работой по украшению молельни. Единственным, кто восхищался его резьбой, был слепой проповедник. Но рядом с проповедником стоял сейчас изгнанный из Раголе раввин и что-то ему говорил. Не будет же Эльокум Пап встречать в их разговор и мешать раввину. С другой стороны, столяр боялся, что, постоянно глядя на мрачные лица, он быстро сам впадет во мрак, как все окружающие. И Эльокум Пап вспомнил о владелице хлебопекарни Хане-Этл Песелес; она ведь хозяйка двора и молельни, ее наверняка порадуют его новые планы по переустройству и украшению Немого миньяна.

Он поспешно снял тфилин, талит, положил их в ящик под своим местом и первым вышел из молельни. Он шел быстро, с опущенной головой, чтобы не заразиться беспокойством евреев, стоявших кучками в переулках и толковавших между собой. Эльокум Пап догадался, что они говорят про немца, который уже отобрал у литовцев Мемель. Они гадают, пойдет ли он тем же манером на Данциг, уступят ли поляки город без боя или же вспыхнет война. Но столяр решил вести себя так, словно ничего не происходило. Он шел, стараясь не видеть и не слышать ничего вокруг себя. Его длинные ноги сами знали, как вывести его с улицы Стекольщиков на немецкую улицу, оттуда – в переулок Гитки-Тойбы, а потом – еще через пару извилистых переулков – к пекарне Ханы-Этл Песелес на Завальной. Хана-Этл Песелес всегда принимает его с улыбкой, его сегодняшним планам она обрадуется больше обычного.

По дороге в пекарню у него было достаточно времени подумать, и он снова и снова убеждался, что молельня без служки – как дверь без замка. Если уж речь идет о том, чтобы перестроить Немой миньян изнутри, установить в нем новые резные украшения и тот дорогой предмет, о котором он думал, то, конечно, нужен служка, чтобы беречь эти сокровища. И Герц Городец отлично подошел бы на роль служки Немого миньяна, не будь он в прошлом просто гультаем. Об этом надо будет незамедлительно поговорить с хозяйкой двора и молельни Ханой-Этл Песелес. По правде говоря, этот Герц Городец пока не стал Б-гобоязненным евреем. Хотя он теперь и точильщик ножей, он все еще не верит, что, если дать убитому в могилу нож, он приходит ночью и режет убийцу. И уж наверняка Герц Городец не поверил бы и в

жуткую историю, случившуюся в старой Холодной синагоге местечка Заблудово, что рядом с Белостоком.

Однажды в Судный день ночью в синагоге собралось множество евреев, в два раза больше, чем живет евреев в Заблудове, и все они стояли, накрыв головы талитами. Раввин-праведник понял, что это пришли молиться не только живые, но и покойники со старого и нового кладбищ. Он поднялся на ступеньки, ведущие к священному ковчегу, и возгласил: «Я повелеваю всем молящимся снять талиты с головы!» Живые сразу же сняли талиты с головы, но часть евреев, мертвые, остались стоять укутанные в талиты с головой. Раввин-праведник возгласил: «В Святом Писании сказано: “Не мертвые будут восхвалять Всевышнего”^[1]. Посему я повелеваю им вернуться к своему покою!» На этот раз мертвые послушались раввина-праведника. Так же как они стояли закутанные в талиты с головой, они начали тихо выходить из Холодной синагоги, а живые смотрели на них, затаив дыхание. С тех пор в Заблудове, что рядом с Белостоком, существует обычай не хоронить мертвых вместе с их талитами, чтобы они не могли укутаться в них с головой и прийти молиться вместе с живыми. Но точильщик Герц Городец, наверное, не поверит в эту жуткую историю, хотя целый город евреев видел это собственными глазами.

Элюкум Пап тоже не поверил собственным глазам. Пекарню Ханы-Этл Песелес на Завальной улице буквально осаждали толпы мужчин и женщин. Часть людей терпеливо ждали своей очереди, другие пытались протолкнуться силой. Все разговаривали и даже шумели, но не слишком сильно. Некоторые смущенно улыбались, словно не были уверены, что поступают правильно, стоя в этой очереди и толкаясь. Каждые пару минут из пекарни кто-нибудь выходил, неся в руках буханку хлеба или выпечку в бумажном пакете. На место вышедшего тут же пропихивался следующий.

– Что здесь происходит? – Элюкум Пап остановился около какого-то еврея с похожей на букву Т бородой и большим толстым носом, одетого в легкое демисезонное пальто с бархатным воротником.

– Чтоб я так знал о бедах, как я знаю, что здесь происходит, – пропел еврей приятным голосом, словно он был певчим в Хоральной синагоге. – Боятся войны, хотя ни в чем не уверены, вот и расхватывают хлеб на случай голода. Но больше одной буханки или пары кусков выпечки в одни руки не дают. Так велела хозяйка, чтобы всем хватило. Вот она, хозяйка!

Хана-Этл Песелес стояла на улице и смотрела на толпу с сомнением во взгляде, словно чужая бедная еврейка, которая пришла последней и видит, что ей уже не достанется ни фунта хлеба. Она подумала, что столяр ищет у нее протекции, чтобы войти в пекарню без очереди, и начала оправдываться, не дожидаясь, пока он откроет рот:

– Разве я сейчас что-то решаю? И откуда мне знать, кто в этой очереди нуждается в буханке хлеба раньше, а кто – позже? Сегодня – среда, послезавтра – пятница, а у меня для моих аскетов не будет халы. В первый раз аскеты из молельни, что на моем дворе, останутся без халы на субботу.

– Меня война не волнует. Буря в стакане воды! А если и стоять в очереди меньше, чем за две недели до Песаха, то я бы стоял, чтобы заготовить мацу, а не

квасной хлеб, – Эльокум Пап говорил с пылом. – Я к вам пришел по поводу часов с вечным календарем.

– Какие часы с вечным календарем? – переспросила удивленная Хана-Этл Песелес и, чтобы лучше слышать столяра, немного отодвинулась от шумной толпы, собравшейся вокруг пекарни.

Эльокум Пап понял, что сейчас у владелицы пекарни нет времени терпеливо выслушивать его планы по переделке священного ковчега, пюпитра для ведущего молитву, бимы и фантазии о новых резных украшениях. Он рассказал только о том, что заставило его вздрогнуть, когда пришло ему на ум. Такой вещи он в своей жизни еще не видал.

В трех железнодорожных станциях от Вильны, в местечке Валкеник^[2], есть деревянная синагога с самыми красивыми резными украшениями. И наиболее любопытный в ней предмет – пергаментный календарь на тысячу лет. Этот календарь вмонтирован в дверцы священного ковчега, по обеим сторонам которых имеются колонки, где этот календарь закреплен. Он прокручивается благодаря специальным деревянным часам, и если правильно эти часы завести, по вечному календарю можно узнать, на какие дни выпадают все праздники. Когда год проходит, календарь опять немного подкручивают и снова заранее знают все праздники на целый год. А когда тысяча лет закончится, календарь можно будет перевернуть на новую тысячу лет, точно так же, как перекручивают свиток Торы по окончании годового цикла, – назад, к недельной главе «Берешит». Так вот, если Хана-Этл Песелес закажет у писца для молельни в ее дворе вечный календарь на пергаменте, то он, Эльокум Пап, поедет в Валкеник посмотреть в тамошней Холодной синагоге на эти деревянные часы, чтобы суметь вырезать точно такие же. Эти часы с вечным календарем он вмонтирует в священный ковчег Немого миньяна, и тогда Немой миньян будет единственной в Вильне молельней, которая имеет такой календарь. Об этом вечном календаре с часами он слышал от одного валкеникского извозчика, который приезжает два раза в месяц в Вильну за товарами для местечковых лавочников. Этот извозчик не будет выдумывать сказок, он Б-гобоязненный еврей с бородой.

– Я еще подумаю, ехать ли мне в Валкеник на поезде или на телеге с этим извозчиком. Всего-то туда пятьдесят верст, а грязь на дорогах скоро высохнет, – подвел итог Эльокум Пап и только тогда заметил, что владелица пекарни улыбается ему, как маленькому мальчику. Она говорит ему громко, как глухому или старику, выжившему из ума:

– Кому в наши времена нужен календарь на тысячу лет вперед, вечный календарь? В наше время достаточно вымолить у Всевышнего дожить до следующего года и чтобы не было войны на свете.

Хана-Этл Песелес продолжала бы еще говорить со столяром и улыбаться, но тут подошла домохозяйка с претензиями, что она годами покупает в той же самой пекарне, а теперь не может достать ни хлеба, ни выпечки. Говорят, что на полках внутри уже пусто. Лицо Ханы-Этл Песелес в одно мгновение стало печальным, и она начала оправдываться перед домохозяйкой, что она сегодня не распоряжается в собственной пекарне. Эльокум Пап отошел от двух женщин и обругал себя самого:

– Осел ты этакий! Владелица пекарни поняла по тебе, что ты болван, недотепа, так же как этот раввин-праведник в Заблудовской синагоге в ночь Судного дня разгадал укутавшихся в талиты мертвецов.

Он пошел назад, опустив голову, и по дороге домой думал: «Кто их знает! Может быть, как раз эти люди, которые теперь заготавливают буханки хлеба, подобны мертвецам в талитах. Сегодня они себя убедили, что дело идет к войне; завтра они себя убедят, что они уже умерли». Но чем ближе подходил Эльюкум Пап по улице Гаона к своему подвалу, тем дальше уходила от него растерянность и грусть. На сердце у него стало веселее. В такое время хорошо иметь друга, и таким добрым другом будет ему инвалид. Он повидал мир, и ему есть что рассказать. Герц Городец, конечно, уже встал. Эльюкум Пап скажет ему: «Герц Городец, если хочешь, ты можешь стать служкой в Немом миньяне, и тебе будут платить из той же самой кассы, что и аскетам. Я добьюсь этого у казначея, лесоторговца с печальным лицом. А если ты хочешь остаться точильщиком, оставайся точильщиком, как я остаюсь столяром, но при этом я и дальше буду в Немом миньяне и главным старостой, и помощником служки. А спать ты будешь у меня в столярной мастерской, и тебе не придется выпрашивать место в сенях заезжего дома на улице Стефана». Так он ему и скажет.

Спустившись в подвал тяжелыми шагами, столяр увидел, что старшие девочки уже ушли на учебу, а младшая еще спит. На плите кипел чайник, и Матля уже ставила на стол завтрак для мужа. Наверняка инвалид еще не проснулся, а может, одевается. Хозяин случайно посмотрел в угол, где вчера ночью стояло точило, и увидел, что там пусто. Эльюкум застыл с открытым ртом, растопырив пальцы, как зубья на граблях, которыми сгребают скошенное сено. Увидав, что у мужа аж язык отнялся и он вопросительно выпучил на нее глаза, Матля стала оправдываться, что она не виновата. Она калеке грубого слова не сказала. Он встал раньше ее, а как только встал, сразу же забрал свое точило в столярную мастерскую, и она услышала, как он точит. Она была уверена, что он там работает над какими-то своими вещами. Но через полчаса он вышел из мастерской с костылем под левой рукой и точилом на правом плече и сказал ей так: «Передайте вашему мужу, что я наточил инструменты, про которые он говорил

вчера, что они нужны ему для работы: рубанок, долото, топор». «Спасибо вам обоим за ужин и за ночлег, – сказал он, – но больше я не приду ни к вам, ни во двор Песелеса, ни в Немой миньян, потому что здесь все помнят меня по веселым временам, а теперь я на всех навожу тоску». «Добрые времена больше не вернуться», – он сказал, когда уже стоял со своей тяжелой машиной на ступеньках. Он даже не остался выпить стакан чаю и съесть кусок хлеба с сыром.

Столяр повернулся к ступенькам, ведущим из подвала, чтобы последовать за инвалидом. Но он сразу же раскаялся и остался стоять, глядя в два подвальных окошка, расположенных почти на уровне тротуара. Он долго и растерянно смотрел на проходившие мимо окон ноги в ботинках, сапогах, туфлях, ботах. Потом он медленно повернулся к жене и переспросил:

– Так он сказал? Добрые времена больше не вернуться?

Элюкум снова замолчал и подумал: «Значит, так же как этот раввин-праведник разгадал мертвецов в талитах, Герц Городец понял лучше меня, что вскорости мы все можем обрести ту же судьбу, что и еврейчик со скрипочкой».

– Знаешь, Матля, что говорят на улице? Снова говорят о войне, и на этот раз вполне всерьез.

– Горе мне! Снова война? – Матля всплеснула руками. Но прежде чем она успела заплакать, или опуститься на стул в отчаянии, или схватить кошелку и закричать, что она бежит на улицу закупать картофель, муж пробурчал: «Погоди немного, я сейчас вернусь» – и широкими шагами, перемахивая через ступеньки, вышел из подвала и отправился во двор Песелеса. Он знал, что слепой проповедник, который приходит до рассвета к молитве первым, уходит последним. После всех молитв он еще долго сидит у своего пюпитра и учит Тору наизусть. Сегодня сразу же после молитвы его отвлек разговором изгнанный из Раголе раввин. Сейчас слепец должен наверстывать упущенное, читать псалмы этого дня или учить главу из Мишны. На Синагогальном дворе знали, что каждый, кто ищет слово утешения, идет к проповеднику, а столяр чувствовал, что сегодня такое слово нужно ему, чтобы продолжать работать для жены и детей и иметь еще силы на резьбу.

Элюкум Пап не ошибся. Слепой проповедник был в своем углу. Рядом с ним все еще стоял реб Гилель Березинкер и прощался.

– Доброго дня вам, реб Мануш, – говорил он проповеднику мягко и вежливо, с такой благодарностью и почтением, что Элюкум Пап остолбенел. Он знал, что этот злобный аскет – большой знаток Писания. Но было ясно как день, что его ученость не превосходит его заносчивости и что он никому доброго слова не скажет. Тем не менее он задержал реб Мануша долгой беседой и теперь склоняется перед ним втрое. Видимо, у этого изгнанного раввина очень уж худо на сердце, раз он так вертит хвостом перед слепым ребе. Но когда тот же реб Гилель Березинкер подошел к выходу и увидел стоящего там и глядящего на него неуча столяра, он снова стал высокомерным и горделивым. Он обиженно закашлялся и вышел из молельни, выпятив свою медно-рыжую бороду как свидетельство того, что у него такой же металлический характер и что он получил звание раввина еще холостяком.

– Ребе, это не годится. – Элюкум Пап подошел к слепому проповеднику, сразу же узнавшему его по голосу. – Когда я пришел в Немой миньян в первый раз, вы

ободрили меня, побуждая строить и украшать резьбой. Но теперь все это не годится, совсем не годится.

– Что не годится? – Реб Мануш Мац своей палкой-поводырем пощупал пол впереди себя. Он слишком задержался, и ему было пора хоть что-нибудь перекусить.

– Что не годится? – переспросил столяр и на какое-то мгновение ушел в себя, словно полностью забыл об этой суматохе на улице, сумбуре вне его и в нем самом. – Не годится, ребе, то, что наша молельня все еще называется Немым миньяном. Это название для Холодной синагоги, где молятся мертвецы в талитах. Мы еще живы и молимся с первыми лучами солнца, мы должны называться Миньяном молящихся до рассвета.

Реб Мануш Мац считал столяра и резчика человеком честным и прямым, но в то же время фантазером, а иногда даже человеком ребячливым. Он и говорит, как ребенок. Но из-за страха перед войной, который заразил даже всегда полагавшегося на Г-спода реб Мануша Маца, тот заговорил на этот раз со столяром, как со все понимающим взрослым:

– Все дни свои я был проповедником, тем не менее я всегда чувствую, что я чего-то недосказываю. И так глубоко лежит это во мне, что я даже не знаю, как называется то, чего я недосказываю. То же самое со всеми нами из молитвенного братства стражей утра. Как бы рано мы ни вставали на молитву и сколько бы молитв мы ни произносили, ни пели и ни изливали в слезах, в нас все еще остается молитва, у которой нет ни слов, ни мелодии. Мы не можем ни пропеть, ни выплакать ее. Поэтому я считаю, что наша молельня должна называться так же, как называлась до сих пор, – Немым миньяном.

Проповедник стоял, опершись на палку, и долго молчал. Каждый день кто-то из молящихся миньяна делится с ним своими бедами. Лесоторговец Рахмиэл Севек и стекольщик Борух-Лейб делают это с тех пор, как он их знает. Вержбеловский аскет, с которым он знаком дольше, чем со всеми остальными, годами не разговаривал с ним, потому что он когда-то сказал реб Довиду-Арону, что тот поступил нехорошо, бежав от своей жены.

– Благородный еврей, – поучал он тогда аскета, – должен уметь брать на себя не только бремя Торы и заповедей, но и бремя плохой или неподходящей ему жены.

За эти слова вержбеловский аскет был обижен на него долгие годы. Но теперь, от ужаса и страха перед войной, этот аскет оставил свою обиду и говорит: «Пожалуйста, попросите ее, чтобы она приехала и чтобы был наконец мир». Даже раголевский раввин, молчаливый и придирчивый еврей, сегодня излил ему свое сердце. Не говоря уже об обитателях двора Песелеса, постоянно рассказывающих ему о своих огорчениях. Но как бы ни отличался один от другого характером и заботами, в одном все равны. Каждый считает, что виноват не он, а кто-то другой. При этом каждый признается, что и он немного виноват, но не из-за своей нечестивости, а из-за своей праведности, потому что он этому другому слишком доверял. Слепой проповедник, нащупывая палкой дорогу, уже дошел до двери и снова остановился, повернувшись к идущему за ним столяру:

– Гемара спрашивает, что делать человеку в мире сем? И Гемара отвечает: он будет себя вести подобно немому[3]. Поэтому я думаю, что надо быть человеком, достигшим высокого уровня, чтобы стать членом Немого миньяна. И не раз думал я и о себе самом, что быть слепцом, возможно, не наказание за мои грехи, а милосердие Г-сподне. Именно потому, что я слеп, я могу видеть каждую вещь не такой, какой она является, а такой, какой она должна была бы быть и выглядеть.

– А война будет? – неожиданно выпалил Эльюкум Пап.

– Для того чтобы ответить на этот вопрос, я должен быть пророком, падающим с очами открытыми[4]. – Слепой проповедник глубоко вздохнул и, подняв обе руки вместе с посохом, сказал: – Лишь Один, пребывающий в высотах, лишь один Он знает, что с нами будет.

Элюкум Пап остался в молельне в одиночестве. Пару минут он еще слышал, как реб Мануш Мац стучит своей палкой по ступенькам. Потом в Немом миньяне стало тихо, очень тихо. С улицы лился бледный свет, без единого теплого золотого луча. Какое-то время Эльюкум Пап смотрел на мраморные плиты с высеченными на них именами былых жертвователей. Золото букв уже осыпалось. Остались только вырезанные в камне буквы. Столяр вспомнил, как в прошлом году летом каменотес Лейбеле Балтраманцер смеялся: «Кто смотрит на высеченные на камнях имена?» – так он смеялся. Но Лейбеле Балтраманцер – старый еретик, по сравнению с ним Герц Городец – полный праведник.

Со стены в мраморных плитах взгляд Эльюкума Папа переключался на биму, и он подумал, что его прежний план поставить там четырехугольные колонны – это плохой план. Будет гораздо красивее, если вокруг бимы будут стоять четыре круглые колонны, с навершием в виде короны – короны Торы. Нижние и верхние колонки по обе стороны от священного ковчега надо окружить резными поясками, похожими на гирлянды цветов. Кроме зверей на четырех ногах и птиц на двух ногах и с крыльями, вокруг священного ковчега можно установить льва с хвостом, как у кита, оленя с крыльями орла, и орла со святыми мезузами на ногах, вместо когтей, чтобы раздирать ими кошерных и слабых ягнят. Но больше, чем резьбой, он удивит Вильну своим вечным календарем, где дни меняются при помощи часов, вмонтированных в дверцы священного ковчега. Лучшие обыватели города придут посмотреть на великое чудо и станут постоянными прихожанами Немого миньяна. Мало ли что сказала владелица пекарни, что в нынешние времена достаточно вымолить у Всевышнего дожить до следующего года, а вечный календарь не нужен! И в первый раз, летом прошлого года, когда он к ней подошел со своими планами, она улыбалась, а ее продавщицы смеялись над ним. После этого она смягчилась и во всем ему помогла. Лесоторговец с печальным

лицом, Рахмиэл Севек, тоже ему помог. Они оба будут ему и дальше помогать, он только должен быть упрямым и не отступать.

Он прикрыл глаза и представил себе, что будет делаться в Немом миньяне после того, как он вставит вечный календарь с часами в дверцы священного ковчега. Около пекарни Ханы-Этл Песелес сегодня стояла длинная очередь за хлебом, порожденная страхом перед войной. Завтра страх перед войной пройдет, у пекарни никто не будет стоять. Но к календарю, который будет вращаться на часах из недели в неделю, из месяца в месяц и из года в год, – к нему будут всегда приходить! Каждую пятницу евреи будут приходить и выстраиваться в очередь, чтобы взглянуть на вечный календарь, когда закат. Евреи хотят знать, когда выпадает начало месяца или високосный год, или когда первый день Песаха, сколько осталось до Лаг ба-омера, а сколько до Шавуота – обо всем можно узнать по вечному календарю с часами. Вечный календарь с часами может помочь и в более запутанных вещах. Кто-нибудь не помнит, на какой день выпадает годовщина смерти его отца. Он, скажем, из-за болезни потерял память, или он в юности был гультаем, как Герц Городец, или еретиком, как Лейбеле Балтраманцер, и не сохранил в памяти дату смерти отца. Но он помнит, что его отец умер именно в тот день, когда между русским царем и немецким кайзером началась война. О том дне и годе, когда началась война, ведь помнят все. Он подходит, откручивает календарь назад и видит, что это было Девятого ава. И он знает, что годовщина смерти его отца – Девятого ава. Разве это мелочь – вечный календарь!

Ощущая прилив счастья, Эльокум Пап открыл глаза и шагнул к священному ковчегу. Он хотел посмотреть, насколько толсты доски двух его дверей, в которые надо будет вмонтировать календарь с часами. В то же время в сердце он посмеялся над самим собой, как это он раньше боялся взглянуть на сделанные им резные украшения над священным ковчегом, словно они были жрецами, на которых нельзя смотреть, когда они простирают для благословения руки под талитами. Теперь он поднял голову и, уверенный в себе, посмотрел на львов, поддерживающих лапами скрижали с Десятью заветами, и на орлов с коронами на головах. Но вдруг он остановился, потрясенный и испуганный.

Элюкум Пап услышал собственными ушами, как эти львы и орлы кричат «Шма Израэль». За ними гонятся, в них стреляют, но они не могут убежать, потому что он прибил их гвоздями. А сделал он это, чтобы весь мир знал, что он мастер, художник. Ему хотелось, чтобы целая молельня называлась его именем, чтобы говорили «молельня Элюкума Папа», но ничего ему не поможет, в самом деле будет война. Прав Герц Городец, что добрые времена больше не вернутся. И права Хана-Этл Песелес, что будет достаточно вымолить у Всевышнего дожить до будущего года в такое время. Поэтому он должен думать о жене и детях, а не о вечном календаре, крутящемся на часах. «Вытащи гвозди из наших тел, чтобы мы могли убежать отсюда», – кричали львы, поворачивая к нему головы с высунутыми огненными языками, чтобы сжечь его, орлы с коронами на головах начали хлопать крыльями и устремились на него, чтобы выклевать ему глаза. Столяр Элюкум Пап наверняка знал, что обструганные деревяшки не могут кричать, не могут летать и не могут выклевать ему глаза. Он был взволнован и злился на себя за то, что он стал еще более сумасшедшим, чем вержбеловский аскет. Но он не мог найти выхода. Он задрожал всем телом и отступил назад, подняв глаза на священный ковчег. Так он отступал, пока не вышел из Немого миньяна. Он прикрыл дверь и остался стоять на ступенях, уткнувшись головой в дверь и выжидая, когда смятение в его голове пройдет и он сможет вернуться домой, в подвал.

Перевод с идиша Велвла Чернина

В серии «Проза еврейской жизни» издательство [«Книжники»](#) в ближайшее время готовит к выпуску первое русское издание «Немого миньяна» Хаима Граде.

ЖАЖДА КРОВИ

Синтия Озик

Блейлип сел на «Грейхаунд» и покатил из Нью-Йорка – за автобусным окном замелькали полугородские-полусельские виды – в городок хасидов. От остановки он собирался пройти пешком, но из-за тяжести в карманах взял скучающее такси. Было позднее утро воскресенья, а на улице ни одного ребенка. Ах-да, сообразил он, до заката все они в ешивах. Именно в ешивах, а не в ешиве – у общины, несмотря на ее малочисленность, было три или даже четыре школы для мальчиков и еще отдельные для девочек. Тоби и Йосл ждали его перед своим недостроенным домом и замахали, показывая, что надо свернуть на бугристую – сплошь ямы да ухабы – подъездную дорогу: это был молодой город и все в нем было либо только что построено, либо предполагалось: мостовые, дренажные фильтры с антисептиком, мусорные баки, газетные киоски. Зато пахло перекопанной влажной землей, словно исполосованной когтями гигантского зверя, а на дне свежевырытых траншей зеленела застывшая вода.

Блейлип считал Тоби новообращенной. Она приходилась ему дальней родственницей: троюродной или четвероюродной сестрой – смотря как считать – со стороны матери или отца, тоже родственников. Ее семья была самая обыкновенная, не отличавшаяся склонностью к авантюрам, и – вот те на – Тоби: странная, чудная – поверх парика косынка (чепчичке, как она это называла), рукава ниже запястий, платье до земли. В этом диковинном наряде, да еще с ее крупным красным лицом, она вполне могла бы сойти за крестьянку. Несмотря на всю свою самостоятельность, она превратилась в одну из их женщин.

Она подала Блейлипу стакан апельсинового сока. Уж не ждут ли от него, что он произнесет благословение, не заставят ли напялить на лысину кипу? Он не знал, как правильно держаться, и чувствовал себя полным идиотом, но Йосл сказал: «У тебя своя жизнь, у меня своя, делай что хочешь», и он выпил сок чуть ли не залпом. От того, что напряжение немного спало, ему ужасно захотелось пить, и он все подливал и подливал себе из огромной банки, разрисованной запотевшими апельсинами – сок они покупали в супермаркете, как простые смертные.

– Ну и как тебе, – обратился он к Тоби, – твой штетл?

Она рассмеялась и ткнула пальцем в сторону нового холодильника – холодильник был широкоплечий, сверкающий, важный.

– Хорошо местечко! Нечего сказать!

– Умонастроение, – пояснил он, – я об этом!

– Ах, умонастроение. А что это?

– Ну, здесь все как-то по-другому, – больше он ничего не смог из себя выдавить.

– Просто еще ничего не готово. Вот доделаем оставшиеся комнаты, получится нормальный дом.

– Наш плотник работает только шесть месяцев в году, – сказал Йосл, – мы начали с ним за месяц до перерыва. Приходится ждать.

– А другие шесть месяцев чем он занимается?

– Преподают.

– Преподают?

– Они чередуются со Шмулке Гершонсом. Шмулке полгода кладет трубы. Полгода преподает мальчикам Гемару[1]. А мистер Горовиц плотничает.

– Хорошая система, – неуверенно пробормотал Блейлип, просто чтобы сказать что-нибудь приятное.

– Это не система, – отрезал Йосл.

– Йосл все время в разъездах, постоянно мотается туда-сюда, – сказала Тоби.

Йосл работал продавцом у производителя картонных коробок. Его черная бородка была аккуратно подстрижена, он носил очки в черной оправе и жилетку, обтягивающую округлившийся живот. Блейлип чувствовал его расположение – Йосл увел его, устроил ему экскурсию: показал отопительную систему в подвале, газовую колонку для нагрева воды, шлакобетонные плиты, сложенные во дворе, глубокие траншеи для закладки канализационных труб.

– А вон там, – Йосл указал на деревянный конек (кроме конька можно было разглядеть еще кусок некрашеной крыши), – ешива, туда ходят наши мальчики. Не самая суровая, в ту их не взяли. Слабоваты оказались. В их самой первой школе слишком боялись их перегрузить. Здесь, – сказал он с гордостью, – они учатся с семи утра до полседьмого вечера.

Они вернулись в дом через черный ход. Блейлип верил в то, что сойтись с человеком можно быстро, и жаждал коротких отношений – близких-близких. Но Йосл держался отстраненно – просто экскурсовод, – и надежда Блейлипа увяла. Йосл провел его через спальни, и Блейлипу снова почудилось, что перед ним риэлтор, клерк, агент турбюро. В доме было несколько полок с книгами, разумеется, исключительно

религиозными, но ни одной картины; радио и телевизора тоже не было. Чувствуя, что он делает что-то почти запретное, Блейлип привез с собой фотокарточку Тоби восьми- или девятилетней давности: Тоби на корточках на лужайке перед Бруклинским колледжем, в коротких курчавых волосах поблескивает заколка, на ногах гольфы и мокасины, чуть видны трусы, полупрозрачная блузка, немного смазанная порывом ветра, в руке книга, название отчетливо различимо – Политология.

Он показал снимок Йослу:

– Однокашница.

Йосл уставился в стену:

– Зачем мне изображение? Я и так вижу жену каждый день.

Тоби повертела карточку, улыбнулась, вернула.

– Другая жизнь.

Блейлип сказал:

– Помнишь, мы смеялись, что было бы большим прорывом: то, что женщина, или то, что еврейка, – а Йослу пояснил: – Она когда-то говорила, что станет первой женщиной-президентом.

– Другие времена, другие шутки, – сказала Тоби.

– А как тебе твоя нынешняя жизнь? Правда нравится?

– А почему ты все время спрашиваешь? Тебе-то самому нравится твоя жизнь?

Блейлипу нравилась его жизнь, очень нравилась. Он чувствовал себя полноправным членом общества. Сам не понимая, зачем он это говорит, он брякнул:

– Здесь не над чем смеяться, все как-то слишком серьезно.

– Ты сказал, что это местечко, – возразила она.

– Я не смеялся над вами.

– Конечно, ты говорил всерьез. Ты думаешь, мы фанатики, простачки недоразвитые.

– Оставь человека в покое, – сказал Йосл тоном кассира, подсчитывающего дневную выручку, и Блейлип загрустил, потому что Йосл прошел через лагерь – почти все в этом городе, не считая парочки чудачек, вроде Тоби, либо сами побывали в концлагерях, либо были детьми лагерников. – Он чего-то ищет. Надеется найти. Не он первый, не он последний.

Правда этих слов – он-то думал, что его намерения надежно скрыты, – потрясла его. Проницательность лагерника была ему неприятна. Оскорбительна. Он рассчитывал

на что-то вроде тумана, может быть, даже ностальгии по страданию. Его совершенно не вдохновили ни огромная банка с апельсиновым соком, ни системы отопления и канализации.

- Он мечтал о встрече со святыми, – сказал Йосл.
- Послушай, Джулз, – обратился он к Блейлипу, – я не святой, Тоби тоже не святая, мы не чудотворцы, и наш раввин не чудотворец.
- У вас есть раввин, – сказал Блейлип и вдруг почувствовал, что кровь прилила к лицу.
- Он не умеет летать. Мы приехали сюда изучать Тору. Идти своим путем, чтобы никто нам не мешал.
- Это все для мужчин, не для женщин. Для тебя, не для Тоби. Тоби была очень способной. Умела поставить задачу и решить ее...
- Не забывай, что она мать четырех сыновей, это тоже чего-то стоит, не одни университетские девицы строят этот мир, – сказал Йосл так миролюбиво, весело и рассудительно, что Блейлипу захотелось сбить его с ног – первая еврейская женщина – президент США в самом начале учебы спуталась с фанатиком и оказалась в плену его сомнительных представлений о благочестии, обрядовости и нелепых антипатий. Да и саму Тоби понять не так-то легко, она обожала тех, кто не идет протоптанной дорогой, даже находясь в русле традиции, тех, кто отклоняется. Блейлип кое-что читал о хасидах и полагал, что эти фактически христианизированы: у них все должно было идти через посредника. Из их собственной популярной литературы он тоже кое-чего поднахватался: разные легенды, оккультные страсти, анекдоты, рассказы о прошлом, – скажем, о празднике, которым любавичские хасиды отмечают день освобождения своего ребе из тюрьмы: занимательные истории, если их слушать, пронзительные, если читать – поэзия. Юрист, хотя и оставивший практику, бывший консультант по вопросам занятости, профессиональный сборщик взносов на благотворительность, рационалист, митнагед^[2] (он не твердо знал значение этого слова), человек принципов, скептик, противник мистических экстазов, противник хасидов и сект как таковых, Блейлип тем не менее испытывал тягу к самим этим людям. Беженцы, бывшие лагерники. Ему казалось, что они должны знать что-то такое, о чем другие, не имевшие их опыта, даже не догадываются.

Он сказал:

– Тоби получила то, что хотела, она знала, на что шла. Я не ожидал, что здесь так уж пекутся о правах женщин и, видит Б-г, не рассчитывал на встречу со святыми.

– Ну, если не со святыми, тогда с мучениками, – заметил Йосл.

Блейлип промолчал. Нет, не о такого рода сближении он мечтал: его совершенно не устраивало, что Йосл видит его насквозь. Это он, Блейлип, должен был щедро делиться своими чувствами. И тут он увидел на запястье Йосла лагерный номер (тот словно нарочно поднял руку), но, увы, Блейлипу не удалось испытать намеченное сострадание. Он ехал в город мертвецов. От того, что Йосл это понял, у него испортилось настроение.

В сумерках они втроем вышли на дорогу посмотреть, как мальчишки скатываются с холма, возвращаясь домой из ешивы. Это было совсем не опасно: кроме такси Блейлипа за весь день не проехало ни одной машины. Последний снегопад прошел неделю назад, приближался март, воздух гудел, как колокол, но кроме запаха мороза Блейлип уловил еще запах костра. Этот долетевший откуда-то густой сосновый дух тронул его, в нем было что-то ясное, прозрачное, что-то от далеких земель, иначе устроенных времен года, сельских ручьев, незнакомой птицы, промелькнувшей над головой. Ешиботники скользили вниз на подошвах ботинок, поставив одну ногу перед другой, клонясь то вправо, то влево, падая, поднимаясь, снова падая. Двое пронеслись мимо на крышке от мусорного бака. Остальные пихались, барахтались, вопили, кипы летели в снег, как монетки, капли чернил или смолы. То там, то сям в воздухе вспыхивали маленькие крутящиеся нимбы, пейсы прыгали у мальчишеских щек, и вдруг Блейлипа осенило: это ненастоящие дети из плоти и крови, а толпа призраков, завихрения белого дыма над дорогой.

– Я иду на минху[3], – объявил Йосл, – хочешь со мной?

Дед Блейлипа, еще совсем ребенок, но с пористым носом старика, катился с горы на железной крышке. Догорающий свет расщепился на сотни голубых лучей; предложение отправиться на молитву прозвучало вполне естественно, однако Блейлип – он втайне ликовал и был горд собой – все-таки не удержался: «Зачем я тебе нужен?», потому что неожиданно вспомнил то, что, казалось, забыл раз и навсегда. Десять человек. Еще он поздравил себя с тем, что вспомнил дедушкин нос, тонкий, как спица, – и нос, и все прочее обратилось в прах, – но Блейлип продолжал по кусочкам складывать дедов портрет: желтые зубы негромко клацали и при этом от них отлетали мутные облачка известкового налета; красиво очерченные полумесяцы серых глаз с тяжелыми веками; узкие, как у женщины, брови; колючая метелка усов блее сливков. Йосл взял его под руку:

– Пессимист, юморист, если ты думаешь, что у нас проблемы с миньяном[4], так их нет, но все равно пойдем – ты сможешь послушать раввина, сегодня он у нас.

Краем глаза Блейлип увидел, как Тоби входит в черноту дверного проема в сопровождении четырех мальчиков с золотистыми пейсами – это было потрясающее зрелище, как будто Б-жественный свет коснулся ее головы, ее жилища. И снова приметливый Йосл одернул его.

– Она покормит их ужином, – только и сказал он, – а потом они будут делать уроки.

– Я вижу, вы им спуску не даете.

– Без труда не выловишь и рыбку из пруда.

Блейлипу вручили кипу, он нацепил ее на покалываемую морозом лысину, и они потащились вверх по ледяному склону к школе – раввин отводил по неделе на каждый миньян. Когда Блейлип взял из картонной коробки талит, Йосл погрозил ему пальцем, и он положил талит на место. Никто больше не обратил на него ни малейшего внимания. За окнами становилось все темнее и темнее, детские крики на холме стихли. Йосл протянул ему сидур[5], но буквы раздражающе мельтешили у него перед глазами – их нужно было составлять вместе, как дедушкино лицо. Когда все встали, он тоже встал. Потом снова сел, кое-как втиснувшись в детский стул. Он бы не сказал, что они пели с каким-то особенным пылом, как, по его представлениям, полагалось петь хасидам, но их голоса звучали громко, ритмично, искренне. Лишь ведущий молитву, в отличие от всех остальных, гугнивый, был в талите с кистями, из которого он выглядывал, как из пещеры. Блейлип заскучал, стал шарить глазами в поисках раввина. Он высматривал политика, кого-то похожего, скажем, на мэра города. Или патриарха, главу многодетного семейства. Тем временем они закончили минху и сгрудились в том углу комнаты, где стоял длинный стол (три сбитых вместе толстых доски на двух козлах), покрытый скатертью. Скатерть была нечистая, вся в отпечатках крошащихся обложек старых сидурим и мужских ладоней. Блейлип тоже подошел вместе со всеми, отыскал складной стул и примостился на нем, запихав ноги между планками, подальше от собравшихся. Его удивило, что все они люди не старые, в среднем, немного за сорок, плотные мужчины в самом соку. Розовые тугие щеки; бороды; на головах у кого кипа, у кого высокая черная шапка, отороченная мехом; на некоторых обычные мягкие шляпы, сдвинутые на затылок, на одном простая кепка, как у рабочего. Его особенно впечатлили их рты: энергичные, нежные, какие-то одухотворенные. Он с таким

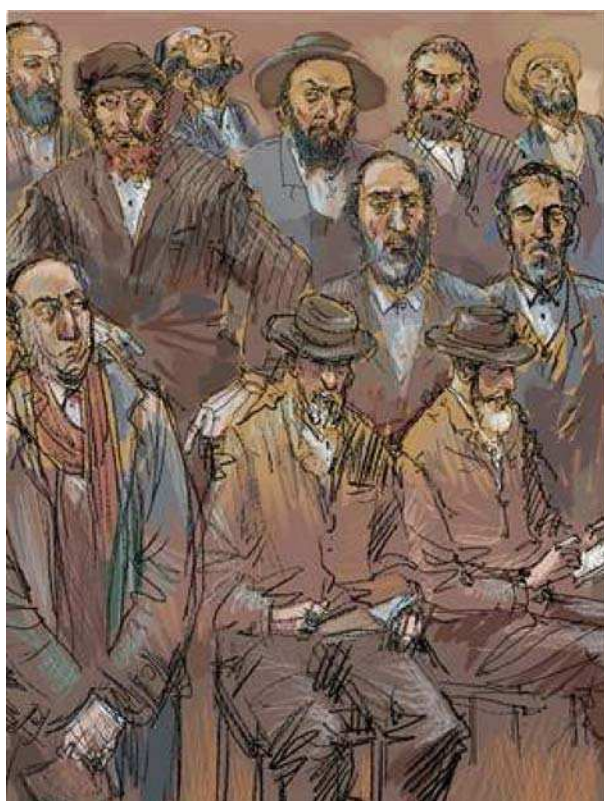
увлечением разглядывал их рты, что даже не сразу понял, что они говорят на незнакомом ему языке: он разбирал лишь отдельные слова, иногда казалось, что они выходят у них изо рта в виде ленточек или вымпелов. Если он разбирал смысл, эти ленточки реяли перед ним, если нет, схлопывались и пропадали. Блейлипу самому было без малого сорок два, но рядом с этими благочестивыми мужами он ощутил себя узкоплечим мальчиком с выпирающими острыми лопатками. Попытавшись сосредоточиться, он услышал слова «Азазель»^[6] и «коен гадоль»^[7], они что-то шивали, сплетали нити священного языка с идишем. От звука идиша он совсем ослабел, как Тит от мухи^[8], – идиш никогда не был для него языком повседневного общения, он прибегал к нему только для того, чтобы съязвить, схохмить, побалагурить... Его мертвый дед висел под потолком на веревке. Чушь, нелепица и, главное, совершенно невозможно и невысказано: дед мирно умер от старости в своей нью-йоркской постели в Бронксе, смутьян, неугомонный бесенок. И вот он ожил и болтался на веревке в темном углу над головой Блейлипа. А рядом привидения, словно уже в Будущем мире, толковали Писание. Или что-то еще. Кто знает? Во искупление дедовых прегрешений хасиды (беженцы, мертвецы) оплакивали Храм и Первосвященника, и чем напряженнее Блейлип вслушивался, тем больше понимал. В десятый день седьмого месяца, День Искупления, первосвященник пять раз меняет одежды и пять раз оmyвает тело в ритуальной купальне. После первого погружения – золотые одежды, после второго – белые льняные. В них он исповедует свои грехи и грехи своего рода, сжимая рога быка. Затем он движется на восток, переходя из западной части алтаря в северную, где стоят два козла, и бросает жребий: один козел для Всевышнего, другой для Азазеля, и на того, что предназначен Б-гу, надевают повязку из красной шерсти и забивают, а его кровь собирают в специальный сосуд, но сперва забивают быка, и его кровь тоже собирают в сосуд; и снова первосвященник исповедует свои грехи и грехи своего рода, а потом еще и грехи потомков Аарона, этого святого народа. Восемь раз кропят вверх-вниз кровью быка, потом, тоже восемь раз, кровью козла, а затем первосвященник подходит к козлу, уготованному в жертву Азазелю, и, прикоснувшись к нему, исповедует грехи всего дома Израилева, произносит имя Б-га и объявляет народ очистившимся от греха. Воспринимая все это сквозь паутину языка, заржавевшего от неупотребления, Блейлип испытал отчаянный приступ жалости и веры: ему вдруг стало ужасно жалко несчастных козлов, бедного быка и сильнее всего Самого Б-га Израиля, представившегося ему бесенком с пористым носом, – свисая на веревке с высоких балок Иерусалимского храма, Он подмигивал Своему маленькому первосвященнику, наблюдая за тем, как тот то влезает, то снова вылезает из лохани с водой, без конца переодевается, словно водевильный актер-трансформатор, кропит вверх-вниз, разбрызгивая туда-сюда красные капли, и, конечно, вместе с Б-гом евреев Блейлип жалел игрушечных детей Израиля в том, давнем Храме. Жалость на жалости. Неужели Б-г мог серьезно относиться ко всем этим обрядам? Какая польза Царю Вселенной от козлов? И чего, склонившись над своей замызанной скатертью – ни нарядных одежд, ни алтарей, ни жертв, – эти бывшие лагерники ждут от Б-га сейчас?

Внезапно он понял, кто из них раввин. Тот, что в кепке, черноволосый, рыжебородый, с нелепым приплюснутым носом, локти уперты в колени, кулак у рта, – человек, не шадящий себя: пока все зывали, причитали и восклицали, он был незаметен, но теперь поднялся, с грохотом отодвинул стул и заговорил будничным голосом. Блейлип продолжал его разглядывать: на вид около пятидесяти, изуродованные руки – двух пальцев не хватает, остальные без ногтей. Вздувшиеся жилы на шее, как цепи. Все притихли – это было не просто внимание, а нечто большее. Блейлип увидел происходящее в ином свете: присутствующие относились к раввину как к ребенку, с собственническим чувством взрослых, обступивших детскую кровать,

и сам раввин тоже обращался к ним соответствующим тоном, как к родителям, людям в возрасте, – уважительно, благоговейно, немного виновато. Они – родители, он – их дитя, и вину перед ними ему не избыть. Он сказал:

– А что дальше? А дальше мы читаем, что коен гадоль отдает того козла, который предназначен для Азазеля, одному из коаним, и коен уводит его в пустынное дикое место, посреди которого высится утес, и отрезает кусочек от красной шерстяной повязки на шее козла и привязывает его к скале, чтобы отметить место, а потом сбрасывает козла с утеса, и тот кубарем летит вниз, вниз, вниз и разбивается на смерть. Но службу в Храме нельзя продолжать, пока не станет известно, что козел отдан пустыне. Каким же образом они узнавали об этом в городе, отстоящем далеко-далеко от этого места? На протяжении всего пути из пустыни до Иерусалима в землю были врыты столбы, и на верхушке каждого столба сидел человек с большим платком в руке и махал, получались такие крылатые столбы, летящие друг к другу, одно крыло за другим, пока весть о том, что козел сброшен со скалы, не доходила до первосвященника. И лишь после этого коен гадоль завершал свои песнопения, взывания, благословения и мольбы. В окрестностях Сарона часто случаются землетрясения – коен гадоль просит: и да не станут их дома их могилами. И затем начинался торжественный проход, нет, шествие, праздник: все следовали за первосвященником к его дому, он вышел живым из святая святых, все прегрешения искуплены, все очищены, исцелены, и они пели, что он подобен лилии, луне, солнцу, утренней звезде в облаках, золотому блюду, цветущей оливе... Вот, господа, как было и как снова будет в Храме после прихода Машиаха. Мы читаем это, – он похлопал по своей книге, – в Мишне Йома[9], Йома – таргум[10] для Йом Кипура[11], но кто искупает, кто дарует очищение? Разве козел, принесенный в жертву Азазелю, искупает, разве коен гадоль очищает и освящает нас? Нет, лишь один Всевышний очищает, и только мы сами можем искупить свои грехи. Рабби Акива напоминает нам: «Кто дарует очищение? Отец наш Небесный». Так для чего же, господа, был, по-вашему, нужен Храм? Зачем козлы, бык, кровь? И почему все это должно быть восстановлено Машиахом? Вот вопросы, от которых нельзя отмахнуться! Кто из нас готов убить животное не ради пищи, а ради идеи? Кто из нас способен обречь животное на смерть? Кто из нас, совершая это, не почувствовал бы себя грешником? Не ощутил бы стыд Эсава? Конечно, можно сказать, что тогда были другие времена, что все эти обряды устарели, что сегодня мы чище, лучше и не проливаем кровь с такой легкостью. Но ведь, говоря по правде, это не так, и все мы знаем, что это не так. Просто в наши дни животных заменили людьми. Что значит слово «Азазель» точно не известно – мы называем это пустыней, кто-то считает, что это ад, обиталище демонов. Но что бы мы ни имели в виду под «пустыней», что бы ни имелось в виду под «адам», несомненно самое простое значение: вместо. Пустыня вместо земли, дарящей покой и отдых, ад и демоны вместо жизни, изобилия, мира. Козлы вместо людей. Неужели в Храме не нашлось ни одного человека, кто, глядя на этих прекрасных, сильных животных, их сверкающую шерсть, блестящие копыта, чуткие ноздри, мышцы, как у нас, нежные глаза, ничем не отличающиеся от наших, неужели никто, глядя на это удивительное трепещущее создание, повторяю, неужели никто в тот миг, когда нож распорол мех и вошел в плоть, и забила кровь, не ощутил красоту живой твари? Неужели никто не испытал благоговейный ужас, наблюдая, как это живое чудо превращается в тушу? И не подумал: как я похож на этого козла! Козел уходит, я остаюсь, козел вместо меня. Неужели никто не узнал в козле, уводимом к Азазелю, свою собственную судьбу? Смерть не разбирает: одного она настигает у алтаря, другого у подножия утеса... Господа, сейчас, мы, если можно так сказать, в Храме, Храме, лишенном святая святых, – когда Храм был разрушен, он оставил мир, и у мира не было другого выхода, кроме как притвориться Храмом в насмешку. До прихода Машиаха не может быть

первосвященника, у нас нет права благословлять толпы, нет власти, мы не можем взывать ни к кому, кроме как к самим себе, и только к самим себе, в своем одиночестве, в своем ничтожестве, мы вместо, мы как эти козлы, наша судьба решена, мы предназначены либо для алтаря, либо для Азазеля, но в любом случае обречены на заклание... О дорогие мои папочки, у нас отняли возможность выбирать, нас влекут, мы несвободны, мы только вместо: всегда вместо, вместо выбора у нас ярмо, вместо того, чтобы идти куда хочется, мы вынуждены идти, куда нам укажут, вместо свободы, у нас на шее веревка из красной шерсти, мы жили в местечках, нас загнали в лагеря, мы были в поездах, нас втолкнули в душегубки, в отсутствие Машиаха безбожники создали государство, и вот теперь враги точат на него зубы. Все, что делается без Машиаха, тщетно. После того как Храм оставил мир и мир надсмеялся над Храмом, все мы на земле превратились в козлов или быков, тварей женского или мужского пола, а все наши молитвы не более чем бляение и ржание на пути к оставленному алтарю, пустыне, где повсюду Азазель. Папочки, как можно жить? Когда же придет Машиах? Вы! Вы, гость! Куда вы смотрите, кто вы такой, чтобы отворачиваться?

Он определенно обращался к Блейлипу – тыкал в него пальцем без ногтя.

– Кто вы? Отвечайте и смотрите на меня! Кто вы?

Блейлип назвалса и задрожал: школьник в классе.

– Примите мое глубочайшее уважение, ребе. Я приехал, потому что мне хотелось побольше узнать о вашей общине.

– Мы не островитяне Южного моря, сэр, наши обычаи хорошо известны со времен Синая. Не надо отводить глаза! Мы не что-то новое в мире.

– Простите, ребе, не новое – незнакомое!

- Вам.
- Мне, – признался Блейлип.
- Вот именно поэтому я и спрашиваю. Кто вы, кого вы представляете, кто вы нам?
- Я еврей. Как и вы. Один из вас.
- Наглая ложь! Атеист, разрушитель! Для нас существует Всевышний, радость, жизнь! Для нас существует вера! А для вас? Я только что рассказывал вам о том, что творится в вашей душе, эмес?

Блейлип знал это слово: «правда», но он был всего лишь гостем, и не хотел слишком многого, его вполне устраивал небольшой кусочек правды, чтобы его можно было легко проглотить, не рискуя подавиться.

- Значит, мир, по-вашему, был сотворен напрасно, эмес? – спросил раввин.
- Я не очень в этом разбираюсь, теология меня не интересует...

– Папочки, – сказал раввин, – все, что вы услышали от меня сегодня, все мои слова, слова отчаяния, исходят из печени этого человека. Мой рот сделался его попугаем. Мои зубы – его клювом. От него в доме учения стало темно, как будто у него в желудке кусок радия. Он готов сожрать нас всех. Человека он приравнял к козлу. Храм – и прежний, и чаемый – для него скотобойня. Мир – кладбище! Вы удивлены, мистер Блейлип, что я так хорошо знаю, что творится у вас внутри, в сердце? Язва! Проказа! Вы заявили, что «теология» вас не интересует, мистер Блейлип, однако определенное представление о нас у вас имеется, эмес? Некая идея...

Блейлип хотел бы онеметь. Он перевел взгляд на Йосла, но тот рассматривал пуговицу на своем рукаве.

- Говорите на своем языке (ни на каком другом он и не мог говорить) – и я прекрасно вас пойму. Что же вы о нас думаете? Встаньте!

Блейлип повиновался. Он и сам не знал почему. Лица окружающих в профиль казались острыми, как серпы. Он даже не заметил, что кипа свалилась у него с головы, но кто-то быстро нахлобучил ее снова. С силой, точно ударил.

- Итак, – не отставал раввин.
- Ну, – просипел Блейлип, – я слышал, что в книге Зоар сказано, что Моисей совокупился со Шхиной^[12] на горе Синай. Что есть книги, по которым можно гадать, узнавать судьбу, предсказывать будущее. Что были такие раввины, которые владели искусством левитации, могли исцелять, делали так, что бесплодные женщины рожали. Что был ребе, который однажды задул огонь Субботы. Разное, – сказал Блейлип. – Наверное, легенды.
- И вы надеялись увидеть нечто подобное?

Блейлип молчал.

- Тогда спрашиваю еще раз. Вы сами в такое верите?
- А вы? – спросил Блейлип.
- Нельзя смеяться над раввином, – вмешался Йосл.

Однако раввин ответил:

- Я не верю в магию. А в то, что существуют влияния, верю.
- Влияния? – переспросил осмелевший Блейлип.
- Воздействия. Они могут заставить человека отвернуться от дурного поступка, ошибки, неверного выбора. От несчастья, гнева, зла. Неправедной жизни.

Блейлип не отрываясь смотрел на раввина: его руки вызывали подозрение. Жуткие руки: искореженные, увечные – в какой станок они попали? – и эта кепка на голове. Но в остальном обычный человек, рассудительный, выдержанный, не мистик, с командирскими замашками, педагог, шумный проповедник. Блейлип, сам человек с образованием и уже давно не школьник, постепенно приходил в себя. Вполне заурядная личность. Людям необходимо кого-то слушаться – все очень просто, – поэтому обязательно должен быть кто-то, кто распоряжается. Указывает, что делать. Монарх, что-то в этом роде. Любое сообщество нуждается в управлении. Такова природа отношений между людьми. Блейлипу, привыкшему к социологической терминологии, особенно нравилось это понятие: «отношения между людьми».

- Я бы не сказал, что моя жизнь неправедная, – заметил он.
- Выньте то, что у вас в карманах!

Блейлип остолбенел.

- Выньте то, что у вас в карманах!
- Ребе, я не наглядное пособие, не подопытный кролик...
- Отчаяние надо заслужить.
- Я вовсе не в отчаянии, – запротестовал Блейлип.
- Быть атеистом значит быть в отчаянии.
- Я не атеист, я секулярист, – но Блейлип и сам бы не смог объяснить, что имеет в виду.
- Эсав! Третий раз говорю: выньте то, что у вас в карманах!

Блейлип вытащил и бросил на стол предмет из черной пластмассы. Все инстинктивно отпрянули.

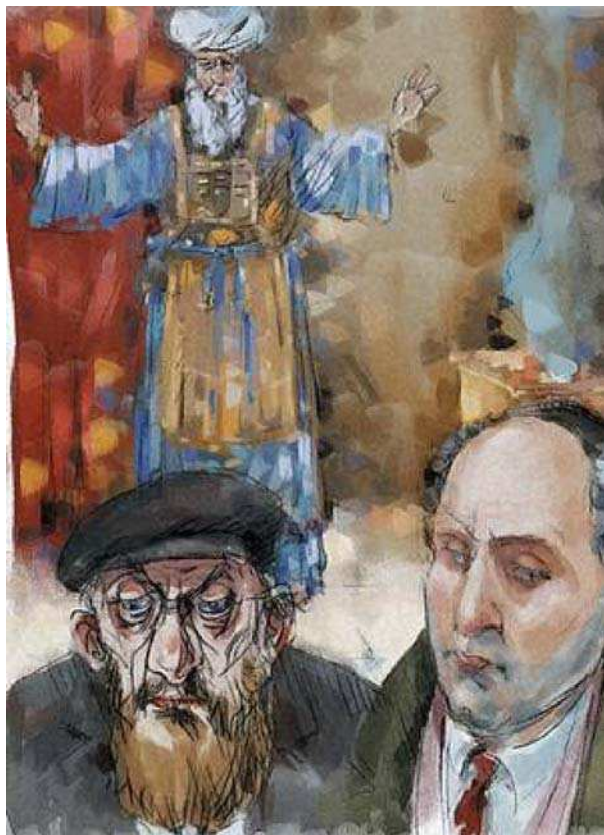
– Некий раввин, – еле слышно сказал раввин, – полагал, что каждый должен носить в карманах по бумажке. На одной бумажке должно быть написано: «Я прах и пепел». А на другой: «Мир был сотворен ради меня!» У этого прокаженного только одна бумажка: с пеплом. – Он взял со стола пистолет Блейлипа и воскликнул: – Эсав! Зверь! Хищник! Кому ты собирался причинить боль?

– Никому, – сказал Блейлип из бездны своего стыда, – он не настоящий. Я ношу его, чтобы привыкнуть. Чувство вещи. Послушайте, – сказал он, – вы думаете, мне легко таскать эту штуковину и все время о ней помнить?

Раввин нажал на собачку. Раздался жестяной щелчок. Затем он завернул пистолет в платок и сунул себе в карман.

– Теперь мы перейдем к маариву^[13], – сказал он, – час учения окончен. Давайте не будем больше заниматься этим. Это шатер Яакова.

От стола учения мужчины вернулись на свои прежние места, читая нараспев. Униженный Блейлип (аналогия со школьным учителем, отобравшим любимую игрушку, была слишком явной) – он все еще не мог унять дрожь в паху – испытывал нечто вроде священного ужаса. То, что раввин потребовал предъявить содержимое карманов, было поразительной случайностью или он ясновидящий? Закончив маарив, все сразу же разошлись; по перекошенному лицу Йосла Блейлип понял, что это отступление от обычного порядка. Просто все бежали от него, как от дикого зверя. Он сам хотел бежать – напрямиком на автостанцию, – но к нему подошел раввин.

– Эй, ты, – сказал он (ду, как если бы он обращался к животному, ребенку или Б-гу), – а теперь другой карман. Второй. Вот тот.

- Что?
- Выкладывай.

И Блейлип вытащил его. И вот точно так же, как сразу же было видно, что первый пистолет – ненастоящий, просто дешевая игрушка из блестящей пластмассы, так и тут сразу было видно, что это: страшный, уродливый, тяжелый, с поцарапанным спусковым крючком и дулом, припахивающим порохом. Темный, никакого блеска. Настоящий, не для игры. Йосл застонал, мотая головой.

- В моем доме! Стоял перед моей женой! Вот с этим! С двумя!
- С одним, – сказал раввин, – один игрушечный, а другой нет, так что опасен только один. Тот, который ненастоящий, то есть не может...
- Нужно вызвать полицию, ребе, – перебил Йосл.
- Из-за игрушки? Чтоб они посмеялись?
- Но второй! Этот!
- Он может? – спросил раввин у Блейлипа.
- Вы хотите сказать, заряжен ли он? Конечно.
- Вы слышали, что он сказал: заряжен, – вскрикнул Йосл, – он приехал из любопытства, ребе, он родственник жены. Я и представить не мог...
- Иди домой, Йосл, – сказал раввин, – иди домой, папочка.
- Ребе, он может выстрелить...
- Как же он выстрелит? Оружие-то у меня.

Так оно и было. Раввин сжимал в руке пистолет – настоящий. И снова Блейлип невольно задержал взгляд на его руках. На этот раз раввин это заметил.

- Бухенвальд, – сказал он, – глыбы льда, эксперимент по замораживанию. В моем случае только по локоть, других замораживали целиком, и они погибли. Оставшиеся пальцы – ненастоящие. Вот почему тебе было страшно на них смотреть и ты все время отворачивался, – голос у него был ровный, бесстрастный.
- Не разговаривайте с ним, ребе!
- Папочка, иди домой.
- А если он выстрелит?
- Он не выстрелит.

Они остались с раввином одни в школе под тусклыми лампочками на длинных шнурах – эх, если бы не эта история с пистолетами! Хорошо, что раввин отослал Йосла. День (за это время превратившийся в ночь) был полон чудес и счастливых совпадений. Благодаря Йослу он встретился с раввином. На это Блейлип даже не надеялся – он рассчитывал разве что увидеть, как он действует на других. Почувствовать эффект его влияния. В этом отношении он был удовлетворен. Он снова сказал:

– Я не считаю, что моя жизнь несправедная.

Раввин завернул в платок второй пистолет.

– Он плохо пахнет.

– Однажды я убил из него голубя.

– Живую птицу?

– Вы, верующие, – взорвался Блейлип, – да верни вам Храм, вы бы снова резали там своих козлов!

– Иногда, – отозвался раввин, – даже себе не верит. Мой отец, когда он был раввином, тоже иногда не верил. Так бывает: верующие иногда не верят. А неверующие – верят. Даже вы, мистер Блейлип, даже вы порой веруете во Всевышнего, да будет Он благословен! Даже вы иногда ощущаете присутствие Б-жие.

– Нет, – сказал Блейлип. И тут же: – Да.

– В таком случае вы так же кровожадны, как и все остальные, – сказал раввин (это было его первое собственное мнение) и своими кошмарными руками положил на стол тяжелый неуклюжий сверток в белом платке, чтобы Блейлип увез его с собой, для каких-то одному ему ведомых целей.

1970

Перевод с английского Дмитрия Веденяпина

ВЕДЬМА

Аркан Карив

Ранним ноябрьским утром, когда на улице еще темно и сонно, как ночью, дети шли в школу, жалея себя до слез. Погода была совершенно безрадостной, дети торопились зайти в помещение, где было тепло и светло, хотя бы и казенным люминесцентным светом.

Учеников 7 «Б» класса ожидал урок литературы в 33-м кабинете на третьем этаже. Вообще-то, это был кабинет химии, но в школах предметникам часто приходится странствовать, и, вместо того, чтобы сидеть за своим удобным невысоким столом в окружении портретов русских писателей, Серафима Георгиевна восседала за приподнятой над землей массивной кафедрой, и прямо перед ней раскинулась со всеми своими символами таблица элементов, а сбоку жег взглядом ее инвольтатор, Дмитрий Менделеев.

Серафима Георгиевна преподавала русскую литературу вот уже тридцать семь лет, и эта литература ей до сих пор не надоела. Скорее, ей надоели дети. Но она никогда бы в этом не призналась, потому что смолodu была воспитана служить призванию.

Строгим и не улыбочивым взглядом, прямо держа голову с туго зачесанными седыми волосами, она наблюдала, как ученики заходят в класс. Некоторые выглядели еще совсем детьми, в других уже происходили загадочные переходы, и они находились на разных стадиях превращения в юношей и девушек.

На каждое «здрасьте, Серафима Гёргевна!» старая учительница отвечала легким кивком.

– Ой, Серафима Георгиевна, а у вас чулок порвался!

– Хамить будешь в другом месте, Филенкова!

Серафима Георгиевна была опытным педагогом и годами отработанной интонацией могла поселить стыд и ужас в душе любого школьника. Раскаяние настигло Филенкову мгновенно, и сердце, которое только что было у девочки легким, вдруг стало тяжелым.

Прозвенел звонок. Неуловимым движением Серафима ужесточила позу. Класс понял, что от него требуют полной тишины, и подчинился.

– Итак, письмо Татьяны Онегину.

Строгий ноготь начал движение по мышиному формуляру классного журнала. Остановился.

– Старосельский. Вальдемар. Письмо Татьяны.

Из-за парты во втором ряду слева – если смотреть от кафедры – поднялся красивый мальчик. Он держался с напускным равнодушием, а для девочек в классе был пажом и любимцем, и они с нетерпением ожидали его превращения. Голос у него уже ломался.

– Серафима Георгиевна! Вы знаете, мы до сих пор не переехали из загородного дома, и отец отвозит меня каждое утро в школу на машине. Но дело, собственно не в этом.

– В чем же тогда дело? – прервала его Серафима. – Это во-первых. А во-вторых, снимите, пожалуйста, головной убор.

– Если я сниму берет, Серафима Георгиевна, это может иметь непредсказуемые последствия.

В классе захихикали.

– Старосельский, не заставляй меня ждать! И будь добр перейти от вашего загородного дома к поместью Лариных!

Вальдемар медленно стащил с головы берет, и на чистой белизны свитера ангорской шерсти легли роскошные каштановые кудри. По классу прошелестело коллективное девичье «Ах!».

– Серафима Георгиевна, я буду краток. – Вальдемар заговорил напористо и искренне. – Вчера вечером я собирался прочесть письмо Татьяны Онегиной, но бабушка попросила обработать спреем листья ее любимого папоротника, и мне пришлось немного повозиться на нашем садовом участке. Я почти закончил работу, когда заметил странное движение на юго-западе усадьбы, возле самых ворот. Я напряг зрение и не поверил своим глазам: мой шестилетний племянник Емеля превращался в вертолет «Апачи». Вы, вероятно, догадываетесь, какую смертельную опасность представляет собой подобная машина с мозгами ребенка. Емеля довольно легко поднялся в воздух и для начала обстрелял меня из одноствольной автоматической пушки «Хьюз М230Е1» калибра 30 мм. Я носился по участку, как загнанный зверь, увертываясь от снарядов. В какой-то момент, признаюсь, я проявил малодушие, схватил лежащие на земле грабли и превратил их в РПГ. Но мне быстро удалось взять себя в руки: не стрелять же в шестилетнего ребенка, пусть и отчаянного шалуна! Емеля тем временем израсходовал все снаряды и принялся испытывать ракеты «хеллфайер», которых, по счастью, у него оказалось только пять. При помощи серии хитроумных маневров мне удалось благополучно посадить «Апачи» и обезвредить его. Племянник понес в тот вечер заслуженное наказание – дедушка всыпал ему розог, то ли десять, то ли двенадцать, – точно не знаю. У меня же хватило лишь сил добраться до постели, и я проспал мертвым сном до самого утра. Едва смог подняться, чтобы пойти в школу. Честное слово, Серафима Георгиевна!

Настоящий учитель всегда готов к бунту, как капитан, но как мастер единоборств, если уж бой предложен, никогда не отвечает на удар противника симметричным ударом той же силы. А Серафима была мастером со стажем.

– Садись, Старосельский. Спасибо за интересный рассказ.

Маленький паж знает, что будет наказан. Но не знает, когда и как. Снедаемый неизвестностью, теперь он до конца дня и думать забудет о своей боевой магии. Но и самой Серафиме Георгиевне шестое чувство подсказывало, что в ее многолетнем противостоянии ученикам намечается денек не из легких.

– Письмо Татьяны Онегину. Ответить будет...

Класс затих. Ни один ученик не хотел отвечать письмо Татьяны Онегину. В напуганной тишине явственно прозвучал чей-то шепот: «Старая ведьма!»

– ...отвечать будет Денисова. Эльвира.

Эльвира не была принцессой. Она даже не была красавицей. Но вряд ли в этом, да и в параллельном классе нашелся бы мальчик, которому не было лестно ее внимание и который не мечтал бы с ней дружить. Недостаток у Эльвиры был смешной, но милый: она тараторила:

– Понимаете, нам ботаничка, то есть, извините, Алла Васильевна, задала собрать осенний гербарий, а у меня, у забывахи, совсем вылетело из головы, а вспомнила я только вчера и решила сходить в наш парк, а потом уже прочитать письмо Татьяны Онегину. Гербарий ведь быстро можно собрать, и очень даже красивый. Только нужно обязательно поспеть к часу Венеры...

– И раздеться донага!

Не только сама Эльвира – весь класс задохнулся от неслыханной дерзости.

– В субботу в четырнадцать ноль ноль в кабинете директора с родителями, – произнесла Серафима Георгиевна, глядя в упор на Лукашова. Лукашову стало страшно.

Он превратился совсем недавно и чрезвычайно неудачно. Особенно отталкивающими были гнойные прыщи, обильно покрывавшие его лицо от линии волос до подбородка.

Серафима Георгиевна, обладавшая немалой предсказательной силой (ученики об этом даже не догадывались), смотрела на Лукашова и видела, как ревность к этому миру превращает его с годами в монстра, а потом и вовсе губит. Но Серафима не испытывала к ученику ни малейшей жалости.

– Продолжай, Денисова!

– Ну вот, – Эльвира отерла со щеки слезинку обиды и продолжила: – Прежде всего, конечно, несколько кленовых листьев – ведь это и есть цвет осени, правда? К ним я сразу добавила астру с лиловыми узкими листочками и серединкой, похожей на маленького осьминожка; потом мне попался бузульник. Ой! Он такой красивый! На тебя будто смотрят сразу несколько солнц с детского рисунка. Возле девушки с веслом я сорвала ветку стройной геухеры, на которой развесились маленькие колокольчики. И они, главное, чудесно смотрятся вместе с фиолетовыми ракушками безвременника! Я так увлеклась, что не заметила, как стемнело. Я заторопилась домой, чтобы учить письмо Татьяны Онегину, но на аллее пионеров под фонарем вдруг увидела клумбу нереальной красоты. Это была гортензия, и она переливалась всеми цветами – от медово-молочного до цвета свежей крови. А рядом на лавочке сидел мой сосед Ярослав и слушал музыку. Я знаю, знаю, Серафима Георгиевна: мне надо было идти прямо домой, но Ярослав дал мне один наушник, и музыка оказалась такой волшебной, что я не смогла себя заставить вот так сразу подняться и уйти. Я на секундочку закрыла глаза и увидела собор невиданной красы. Он был построен из кирпичиков и словно парил в воздухе. Но главное, Серафима Георгиевна, что каждый кирпичик был нотой, и музыка Ярослава играла именно этот собор! Не знаю, сколько прошло времени. Очнулась я все на той же лавочке, совсем одна. Я испугалась, подхватила гербарий и побежала домой. Дома меня встретила бабушка, которая очень переволновалась. Она отругала меня и сразу отправила спать.

– Что ж, – Серафима недобро улыбнулась. – Готичненько!

Класс рассмеялся облегченно. Это был старинный и надежный прием. Вот уже тысячи лет им пользуются практически все кураторы детей. Бытовая магия учителя.

Серафима оглядела класс. Несчастные! Они уверены, что недолговечные заклинания их мира выдержат натиск вечных правил. Заклинания от употребления теряют силу, а правила становятся только тверже. Эти дети действительно думают, что их готическое чародейство заменит истинное волшебство русской литературы. Они еще не поняли, что в реальной, по-взрослому опасной жизни им не обойтись без письма Татьяны Онегину! Многие из них поймут это слишком поздно.

– До звонка еще есть время. А вот какую, очень мне интересно знать, историю поведаст нам Инкундинова? Гулистан, мы хотим выслушать теперь твой рассказ. Хотим ведь, правда?

Ни один человек в классе не шелохнулся, потому что ни одному из класса не хотелось предавать свою принцессу.

А Гулистан была настоящей и неоспоримой принцессой во всей этой школе. Ее черные глаза могли метать молнии, а могли приносить радость. Она была одета в платье, про которое нельзя было сказать, куплено оно в дорогом бутике или на рынке. Платье просто сидело на ней как на принцессе, и все тут. А еще Гулистан с детства занималась фехтованием и мечтала стать мастером. Но пока у нее был только второй разряд.

– Вероятно, тебе тоже помешали какие-нибудь совершенно необыкновенные обстоятельства? – спросила Серафима.

– Да, Серафима Георгиевна. Совершенно необыкновенные, – ответила Гулистан, и на ее последних словах начал звенеть звонок.

– Звонок звенит для учителя, – сообщила Серафима классу. – Итак, история Гулистан.

– Вчера вечером я возвращалась с тренировки. Разумеется, я собиралась посвятить остаток дня письму Татьяны Онегину. Но когда я подходила к дому, передо мной внезапно открылся портал, и из него вышла ведьма очень сильного разряда. Пятого, я думаю. Или даже шестого. Не знаю зачем и почему, но она выхватила меч и бросилась на меня. К счастью, при мне была моя сабля. Мы бились до темноты. Ведьма не смогла меня одолеть. Но прежде чем она исчезла в своем портале, я успела оставить на ней отметину.

И Гулистан сверкнула взглядом по порванному чулку Серафимы.

– Урок окончен, – сказала Серафима Георгиевна. – На следующем уроке никто не покинет класс, пока не ответит письмо Татьяны Онегину. Это я вам гарантирую. Все свободны. Инкундинова, задержись.

Когда за последним учеником закрылась дверь, Серафима с торжественной медлительностью спустилась с кафедры. Она подошла к Гулистан и, приблизив к ее лицу свое так отвратительно близко, как только могут позволить себе наставники, произнесла:

– Маленькая дрянь! Если еще раз посмеешь усомниться в моем превосходстве фехтовальщицы, изничтожу!

Гулистан побледнела, но не отвела глаз.

– Теперь ступай, – сказала Серафима и отвернулась.

Гулистан молча собралась и пошла к выходу. Ей ужасно хотелось расплакаться, но разве может принцесса плакать на виду у ведьмы? Гулистан закрыла за собой дверь и, оказавшись в рекреации, побежала к окну. Она прижалась головой к холодному стеклу и зашлась в рыданиях.

Выплавав злость и обиду, Гулистан достала косметичку. В двойном стекле она могла видеть свое отражение – слабое, потому что на улице стоял уже день. Но даже это слабое отражение было прекрасным. Гулистан усмехнулась. Чутьем той, которая верит, что когда-нибудь станет королевой, она понимала, что сколь бы изощренной и опытной ни была старая ведьма, ей никогда не удастся известить настоящую принцессу.

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Исаак Башевис Зингер

Погашенные огни

По обычаю ханукальные свечи зажигают в доме, а не в синагоге или в хедере, но именно этот хедер в Билгореае был исключением. Старый реб Бериш, можно сказать, там жил. Молился, изучал Мишну, ел и порой даже спал на лавке у печи. Старше него в местечке не было никого. Он говорил, что ему за девяносто, но кое-кто считал, что ему уже и за сто перевалило. Бериш помнил войну России с Венгрией. По праздникам он обычно навещал рабби Хацкела из Кузмира и других умудренных годами мудрецов.

В ту зиму снег в Билгореае шел почти каждый день. За ночь дома на Мостовой улице заметало снегом так, что утром их жителям приходилось откапываться. У реб Бериша была собственная медная ханукальная лампа, которую сторож держал в молитвенном столе вместе с другими священными предметами – бараньим рогом, свитком с Книгой Эсфири, витой свечой для авдалы, талитом и тфилин. Там же находились кубок для вина и сосуд для благовоний.

В первые вечера Хануки луны обычно не видно, но в тот вечер в свете звезд снег сверкал, как россыпь алмазов. Реб Бериш, как положено, поставил ханукальный светильник на подоконник, налил масла, вставил фитиль и прочитал обычные благословения. Затем он сел у очага. В ханукальные вечера большинство детей оставались дома, но несколько мальчиков пришли в хедер, чтобы послушать реб Бериша, который слыл прекрасным рассказчиком. Он рассказывал свои истории и пек на углях картошку. Вот что он говорил:

– В нынешние времена стоит выпасть снегу да ударить морозцу, так уже говорят, что это зима. Да по сравнению с зимами моей молодости эти зимы – ерунда. Бывало, такие холода стояли, что в лесу дубы лопались. Снега наметало по самые крыши. По ночам к жилью приходили стаи голодных волков, и люди от их воя дрожали в своих постелях. Лошади ржали в конюшнях и бились от страха в ворота. Собаки истошно лаяли. В те времена Билгорай был совсем крохотным, а там, где сейчас Болотная улица, пасли скотину.

Зима, о которой я хочу вам рассказать, выдалась самой лютой из всех. Днем было темно, почти как ночью. Свинцовые тучи обложили все небо. Бывало, выйдет женщина из кухни с помойным ведром, а вылить его не может – вода вмиг замерзала.

И вот что произошло. В тот год мужчины в первый вечер Хануки благословили ханукальные огни, как делали ежегодно, но вдруг откуда ни возьмись налетел ветер и погасил их. И случилось это одновременно во всех домах. Огни зажгли во второй раз, но они снова погасли. В те времена дров хватало и в домах было тепло. От сквозняков щели в оконных рамах затыкали ватой или соломой. Откуда же было взяться ветру? И почему это случилось в один и тот же миг во всех домах? Все очень удивились. Люди пошли за советом к раввину, и тот решил, что огни надо попытаться зажечь снова. Самые благочестивые терпеливо зажигали свечи до первых петухов. Так было и в первый вечер Хануки, и во второй, и во все следующие. Некоторые неверующие сочли это капризом природы. Но большинство видели за всем этим какую-то таинственную

силу. Что же это было – просто насмешник, демон или какой-то другой злой дух? И почему это случилось именно на Хануку?

Местных жителей обуял страх. Старухи говорили, что это дурное предзнаменование – к войне или эпидемии. Отцы и деды были так обеспокоены, что забыли дать детям ханукальные деньги, и те не могли играть в дрейдл. Женщины не пекли оладий, как это принято.

Так продолжалось до седьмого вечера. Когда все легли спать, а раввин сидел у себя в комнате и читал Талмуд, кто-то к нему постучался. Раввин имел обыкновение рано ложиться спать, а после полуночи вставал и садился за чтение. Обычно жена приносила ему чай, но посреди ночи он сам наливал воду в самовар, раздувал угли и готовил себе чай. Так он пил чай и читал до самого утра.

Услышав стук в дверь, раввин пошел открывать. На пороге стояла старушка, и он пригласил ее в дом.

Она рассказала раввину, что в прошлом году перед самой Ханукой умерла ее внучка, сиротка Алтеле. Она заболела еще летом, и ни один доктор не смог ей помочь. После Дней раскаяния, когда Алтеле поняла, что конец ее близок, она сказала: «Бабушка, я знаю, что скоро умру, но очень хочу дожить до Хануки, чтобы дедушка дал мне ханукальных денег и я поиграла бы с девочками в дрейдл». В Билгораяе все молились, чтобы девочка выздоровела, но случилось так, что она умерла за день до Хануки. Целый год после ее смерти она не снилась ни дедушке, ни бабушке. А той ночью бабушка три раза подряд увидела внучку во сне. Алтеле явилась ей и сказала, что жители Билгорая молились за нее без усердия и поэтому она не увидела первых ханукальных огней. Умерла она с обидой и вот потушила ханукальные огни во всех домах. Старушка после первого сна разбудила мужа и все ему рассказала, но он ответил, что она слишком много думает об умершей внучке и оттого ей такое приснилось. Когда Алтеле явилась во второй раз, бабушка спросила, что сделать жителям Билгорая, чтобы душа ее обрела покой. Девочка начала было отвечать, но тут старушка проснулась, не успев понять, что говорит внучка. Только в третьем сне девочка ясно сказала бабушке, что хочет, чтобы все жители Билгорая вместе с раввином и старейшинами в последний вечер Хануки пришли к ней на могилу и там зажгли ханукальные свечи. И чтобы они взяли с собой детей, ели оладьи и играли на снегу в дрейдл.

Выслушав рассказ старушки, раввин задрожал. Он сказал: «Я во всем виноват. Я плохо молился за это дитя». Он попросил старушку подождать, налил ей чаю и стал искать по книгам, что написано в законе о таких просьбах. Раввин хоть и не нашел подобного случая ни в одной книге, все же решил, что желание опечаленного духа следует удовлетворить. Он сказал старушке, что на холоде и ветру свечи вряд ли загорятся. Однако если призрак девочки смог затушить все огни в домах, возможно, он обладает силой и сделать противоположное. И он пообещал молиться от всего сердца, чтобы все прошло удачно.

Рано утром, когда пришел сторож синагоги, раввин попросил его взять деревянную колотушку и обойти дома, стуча в ставни и объясняя людям, что им нужно сделать. Хотя Ханука и праздник, раввин велел всем старикам поститься до полудня и молить о прощении души девочки, а еще о том, чтобы вечером не было ветра.

Ветер бушевал весь день. С некоторых крыш даже трубы посрывало. Небо затянуло тучами. Не только неверующие, но и многие Б-гобоязненные люди сомневались, что огни, зажженные в такую бурю, не потухнут. Нашлись и такие, кто считал, будто старушка все придумала про сны или же к ней в обличье покойной внучки явился бес, чтобы поглумиться над верующими и сбить их с пути истинного. Местный лекарь Ниссан, который стриг бороду и в синагогу ходил только в шабат, сказал, что старуха лжет, и предрек, что все дети на кладбище простудятся и подхватят воспаление легких. Тем временем метель усиливалась с каждой минутой. Но вдруг, как раз когда люди читали вечерние молитвы, все переменилось. Тучи рассеялись, ветер стих, и с полей и лесов потянуло теплом. Уже начинался месяц тевет, и на небе показалась молодая луна в окружении бесчисленных звезд.

Некоторые из неверующих от изумления лишились дара речи. Лекарь Ниссан пообещал раввину, что ножницы больше никогда не коснутся его бороды и что он будет приходить на молитву каждый день. На кладбище взяли не только подросших детей, но и маленьких. Зажгли свечи, произнесли благословения, женщины раздали всем оладьи с вареньем. Дети играли в дрейдл на снегу, который был гладким и твердым, как лед. Над могилой девочки сиял золотой свет – это был знак, что ее душа радуется празднованию Хануки. Никогда ни до, ни после кладбище не выглядело так празднично, как в восьмой вечер той Хануки. Все неверующие раскаялись. Даже поляки, услышав о чуде, признали, что Г-сподь не оставил евреев.

На следующий день писец Мендл описал случившееся в пергаментной общинной книге, но через несколько лет, во время Первого пожара, эта книга сгорела.

– А когда все это случилось? – спросил кто-то из детей.

Реб Бериш потерял бороду, которая некогда была рыжей, потом поседела и, наконец, пожелтела от его любимого нюхательного табака. Подумав немного, он ответил:

– Лет семьдесят назад, не меньше.

– И вы всё так хорошо помните?

– Словно это было вчера.

Фитилек в ханукальной лампе задрожал и задымился. По комнате поползли тени. Старик голый рукой достал из очага три картофелины, разломил их на части и раздал детям.

- Тело умирает, – сказал он, – а душа поднимается к Б-гу и живет вечно.
- А что делают души, когда попадают к Г-споду? – спросил кто-то.
- Они сидят в раю в золотых креслах и с коронами на головах, а Г-сподь открывает им тайны Торы.
- Г-сподь – учитель?
- Да, Г-сподь – учитель, а все праведные души – Его ученики, – ответил реб Бериш.
- И сколько же душам учиться? – спросил один из мальчиков.
- До того времени, когда придет Мессия и мертвые воскреснут, – сказал реб Бериш. – Но и тогда Г-сподь будет учить в Своей вечной ешиве, потому что тайны Торы глубже океана, выше небес и познание их прекраснее всех наслаждений, доступных телу.

Гершеле и Ханука

В меноре старого Бериша горели три свечи. В хедере стояла такая тишина, что было слышно, как потрескивает фитилек в керосиновой лампе под потолком. Реб Бериш говорил:

- Дети, человек, проживший столько, сколько прожил я, много повидал, и ему есть что рассказать. Сегодня я расскажу вам о том, что случилось в местечке под названием Горшков.

Горшков и сейчас-то невелик, а когда я был мальчишкой, он начинался и кончался базарной площадью. Тогда еще шутили: «Приезжает крестьянин на телеге в Горшков, и голова лошади оказывается на одном конце местечка, а задние колеса

телеги на другом». Со всех сторон Горшков окружали поля и леса. Там жил человек, которого звали Айзек Зелдес, он управлял огромным поместьем, принадлежавшим польскому пану. Хозяин был графом, жил по большей части за границей, а в Польшу приезжал, только когда у него кончались деньги. Деньги он брал у Айзека Зелдеса под залог, и со временем все поместье перешло в собственность Айзека. Хотя официально оно по-прежнему принадлежало графу, поскольку евреям не позволялось владеть землей в Польше, которая тогда находилась в составе Российской империи.

Реб Айзек всем управлял умело. Граф порол крестьян за любой проступок или просто когда был не в духе. А реб Айзек разговаривал с крестьянами как с равными, и они его уважали. Когда праздновали свадьбу или рождение ребенка, он всегда был почетным гостем. А если кто из крестьян заболел, жена Айзека, Крейндл, спешила поставить банки или пиявки или натереть страдальца скипидаром. Реб Айзек Зелдес разъезжал на своей бричке, запряженной парой лошадей, по полям и давал крестьянам советы, когда пахать, что сеять, какие овощи сажать. Были в поместье и маслобойня с сыроварней, а еще большой коровник, сотни кур, которые исправно несли яйца, ульи и водяная мельница.

Все у него было – кроме детей. Это очень печалило Айзека и его жену. Сколько лекарств ни прописывали Крейндл люблинские доктора, ни одно не помогло.

Реб Айзек с женой жили в большом доме, который некогда принадлежал деду нынешнего помещика. Только к чему им двоим такой большой дом? Впрочем, у них обоих было множество бедных родственников, дети которых приезжали жить в поместье. Реб Айзек нанял учителя, под руководством которого дети изучали Тору и Талмуд. Девочек Крейндл учила шить, вязать и вышивать. Они вышивали цветными нитками сцены из библейской истории, – например, про то, как Авраам собрался принести в жертву своего единственного сына, а ангел помешал ему, или про то, как Яков встретил Рахель у колодца и отвалил камень, чтобы она могла напоить овец.

Хануку в доме Айзека всегда праздновали весело. Благословив свечи, он раздавал детям ханукальные деньги, и все играли в дрейдл. На кухне Крейндл со служанками жарили картофельные оладьи и подавали их с вареньем и чаем. Порой в поместье заходили бедняки, и каждый, кто приходил голодным, в лохмотьях и босым, уходил сытым, одетым и обутым.

В один из вечеров Хануки, когда дети играли в дрейдл, а реб Айзек – в шахматы с учителем, который знал не только Талмуд, но разбирался и в математике, и в языках, реб Айзек услышал, что кто-то скребется в дверь. На улице лежал снег. Зимой если кто и забредал в поместье, то случалось это обычно днем, а не вечером. Реб Айзек сам открыл дверь, за которой, к своему изумлению, увидел молодого, еще безрогого оленя. Обычно звери держатся от людей подальше, но этот олень выглядел таким продрогшим, голодным, изнуренным. Наверное, он недавно лишился матери. Некоторое время реб Айзек с удивлением рассматривал оленя, а потом обнял его за шею и ввел в дом. При виде олененка дети позабыли о дрейдле и ханукальных подарках – он их вмиг очаровал. Крейндл едва не уронила миску с оладьями. Реб Айзек хотел угостить оладушкой оленя, но Крейндл воскликнула:

– И не думай! Он еще мал, ему молока надо, а не оладий.

Одна из служанок принесла миску с молоком. Олененок выпил все и поднял голову, словно хотел сказать: «Еще хочу!» Это юное создание полюбилось всем. И все

решили, что его нельзя отпускать в лес, где водятся волки, лисы, куницы и даже медведи. Слуга принес сена, и в одной из комнат олененку устроили лежбище, где он и заснул.

Реб Айзек думал, что дети снова займутся игрой, но они только и говорили что об олененке, и Айзеку с Крейндл пришлось пообещать, что оленя оставят в доме до Песаха.

Заручившись этим обещанием, дети стали спорить о том, как назвать олененка. Почти все были за Гершеле – так называется олененок на идише, но Крейндл по непонятной причине заявила:

- Нет, животному этого имени давать нельзя!
- Почему? – изумились и дети, и даже взрослые.
- Есть у меня на то причина.

А уж если Крейндл сказала «нет» – значит, нет. Детям надо было подобрать новое имя, но тут Крейндл сказала:

- Я придумала ему имя!
- Какое? – хором спросили дети.
- Ханука, – ответила Крейндл.

Никто так животных никогда не называл, но всем имя понравилось. Только теперь дети уселись есть оладьи и запивать их чаем с лимоном и вареньем. А потом опять запустили дрейдл и играли в него до полуночи.

Поздно вечером, ложась спать, реб Айзек сказал Крейндл:

- Почему ты не захотела называть олененка Гершеле?
- Это секрет, – ответила Крейндл.
- С каких это пор у тебя от меня секреты? – спросил Айзек. – С тех пор как мы поженились, у тебя от меня секретов не бывало.
- А теперь вот появился, – ответила Крейндл.
- Когда же ты мне его расскажешь? – спросил Айзек, а Крейндл ответила:
- Секрет сам себя раскроет.

Реб Айзек никогда прежде не слышал, чтобы его жена говорила загадками, но не в его характере было настаивать и выведывать.

А теперь, дорогие дети, я раскрою вам секрет, который Крейндл не раскрыла своему мужу, – продолжал реб Бериш свою историю. – За несколько недель до того

случая пришел в поместье старик с мешком за плечами и с посохом в руке. Крейндл дала ему еды, а он достал из мешка толстую книгу и стал читать ее за едой. Крейндл никогда не встречала нищего, который вел себя как раввин или ученый. Она спросила его:

- Зачем вы носите с собой столько книг? Они же такие тяжелые!
- Тора тяжелой не бывает, – ответил старик.

Его слова поразили Крейндл. Она разговорилась со стариком, рассказала, как печалит ее то, что у них с мужем нет детей. И неожиданно для самой себя сказала:

– Вижу, вы человек благочестивый. Прошу вас, помолитесь за меня перед Г-сподом и благословите меня. Обещаю, если ваши молитвы будут услышаны, я вам дам полный мешок серебряных гульденов, и вам уже никогда не придется просить милостыню.

– Обещаю тебе, что не пройдет и года, как у тебя родится ребенок.

– Прошу вас, – сказала Крейндл, – скажите, что послужит мне знаком, что ваши слова исполнятся.

И старик ответил:

– Перед тем как будет зачат твой сын, в твой дом придет животное. А когда ребенок родится, дай ему имя этого животного. Только не забудь!

Старик собрался уходить, и Крейндл хотела дать ему одежды и еды, но он сказал:

– Г-сподь всем меня обеспечит. Мне не нужно ничего запасть впрок. Да и в мешке у меня лежат священные книги, и больше ни для чего места нету.

Он возложил руки на голову Крейндл и благословил ее. А потом ушел так же тихо, как появился. Несколько недель Крейндл размышляла о словах благочестивого странника. Приходил он, когда Айзека дома не было, и Крейндл ничего не рассказала мужу. Ей столько раз цыгане, гадалки и бродяги предсказывали исполнение ее главного желания, что она не хотела опять обнадеживать Айзека попусту.

Но когда в дом пришел олененок, Крейндл поняла, что это и есть то животное, о котором говорил старик. А поскольку олененок на идише называется «гершеле», у нее должен был родиться сын по имени Гершеле. Слова Крейндл о том, что ее секрет сам себя раскроет, скоро сбылись. Она забеременела, и реб Айзек догадался, что приход олененка и предвестил это долгожданное событие. Он сказал:

– Если у нас родится мальчик, мы назовем его Гершеле.

А Крейндл ответила:

– Как пожелаешь, любимый, так и будет.

Прошла зима, наступила весна. За зиму Ханука вырос, у него вылезли рога. Стало понятно, что в доме животному уже тесно. По его прекрасным глазам было видно, как он рвется в лес. Однажды Крейндл вкусно накормила Хануку сеном с картошкой и морковкой, а потом открыла калитку, за которой начинались поля и леса. Ханука посмотрел на хозяйку с благодарностью и умчался на зеленые пастбища.

Крейндл точно знала, что зимой Ханука снова придет к их дому, но реб Айзек сказал, что ничего такого заранее предсказать нельзя.

– Ханука вырос, а взрослый олень может найти в лесу пропитание даже зимой.

Вскоре Крейндл родила здорового мальчишку, темноволосого и кареглазого. Сколько в доме было радости! Счастливые отец и мать в день обрезания приготовили угощение для всех бедняков. Реб Айзек и Крейндл надеялись: вдруг старик нищий прослышит об этом и придет на пир. Но он так и не появился. Зато пришли другие бедняки. На лужайке накрыли длинный стол и обездоленным подали халы, фаршированную рыбу, курицу, фрукты, а еще вино и медовик. Те, кто помоложе, танцевали «ножницы», танец доброго утра, танец-ссору и «казачок». А на прощанье всех бедняков оделили едой, одеждой и деньгами.

Лето закончилось, снова похолодало. После праздника Кущей пошел дождь, потом снег, ударили морозы. Приближалась Ханука, и, хотя все думали, каково там олененку на холоде, вслух об этом не говорили, чтобы не расстраивать Крейндл. Зима выдалась еще более суровая, чем предыдущая. Все поместье завалило снегом. В первый вечер Хануки Крейндл со служанками пекли оладьи. Реб Айзек благословил первую свечу, раздал детям монетки, и все сели играть в дрейдл. Младенец Гершеле спал в колыбели. Дети приготовили для него подарок – сахарного олененка, на животе у которого было написано «Ханука». Только его дали Гершеле, он тут же принялся его сосать. Однако в тот вечер олененок так и не пришел. Чтобы утешить Крейндл, реб Айзек напомнил ей фразу из Талмуда: «Чудеса случаются не каждый день».

Крейндл сокрушенно покачала головой:

– От всей души надеюсь, что Ханука не голодает и не замерзает.

Во второй вечер Хануки, когда дети играли в дрейдл, реб Айзек уже собрался сесть с учителем за шахматы, а Крейндл со служанками убрали со стола, кто-то постучал в дверь. Крейндл открыла дверь и радостно вскрикнула. На пороге стоял

Ханука – уже почти взрослый олень, припорошенный снегом. Он не забыл своих благодетелей и снова пришел к ним перезимовать. От шума проснулся Гершеле и, увидев оленя, протянул к нему ручку. Ханука тут же лизнул руку – он словно знал, что Гершеле его тезка.

С тех самых пор олень приходил в поместье каждый год, и обязательно на Хануку. Он вырос могучим, с развесистыми рогами. Гершеле тоже рос, хотя и не так быстро. На третью зиму олень привел с собой олениху. Видно, ему пришлось побороться за подругу с соперником: один рог у него был обломан. Хануку и его спутницу пустили в дом. Дети долго обсуждали, как им назвать жену Хануки. На этот раз имя предложил учитель. Ее назвали Зот Ханука. С этих слов начинается отрывок из Библии, который читают в ханукальный шабат. Слово «зот» переводится как «эта», указательное местоимение женского рода. Имя понравилось всем.

Реб Бериш надолго замолчал. В лампе все еще горел огонь. Детям казалось, что и огонь слушает эту историю. Один мальчик спросил:

– А нищий старик вернулся?

– Нет, об этом я не слыхал. Одно могу сказать наверняка: это был не простой нищий.

– А кто же? – спросил другой мальчик.

– Пророк Элияу, – ответил реб Бериш. – Илия всегда приносит хорошие вести. Он никогда не является в образе ангела. Люди ослепли бы, увидев сияние ангельского света. Он всегда приходит в обличье нищего. Даже Мессия, как говорит Талмуд, явится в виде нищего, верхом на осле.

Старый реб Бериш прикрыл глаза, и не понять было, дремлет он или задумался о приходе Мессии. Открыв глаза, он сказал:

– А теперь можете идти по домам играть в дрейдл.

– А завтра вы нам что-нибудь расскажете? – спросил еще один мальчик, и реб Бериш ответил:

– С Б-жьей помощью. Я прожил долгую жизнь, и историй у меня больше, чем волос в ваших пейсах.

Попугай по имени Дрейдл.

Случилось это лет десять назад в Нью-Йорке, в Бруклине. Весь день валил снег. К вечеру небо расчистилось, показались звезды. Ударил мороз. Был восьмой день Хануки, у нас на подоконнике стоял серебряный ханукальный подсвечник, в котором горели все восемь свечей. Он отражался в оконном стекле, и казалось, будто снаружи горят еще восемь свечей.

Моя жена Эстер пекла картофельные оладьи. Мы с нашим сыном Давидом сидели за столом и запускали ханукальный волчок – дрейдл. И вдруг Давид крикнул:

– Гляди, папа! – И показал на окно.

Я поднял глаза и не поверил своим глазам. Снаружи на карнизе стояла желто-зеленая птица и смотрела на свечи. Я сразу сообразил, что произошло. Попугай улетел от хозяев, полетал на холоде и приземлился у нашего окна – видно, его привлек свет.

Попугаи – птицы, привычные к теплему климату, и на морозе долго находиться не могут. Нужно было срочно спасти птицу, пока она не замерзла. Я убрал с подоконника подсвечник, чтобы попугай не опалил себе перья, открыл окно и, махнув рукой, загнал его внутрь. На это ушло всего несколько секунд.

Поначалу перепуганная птица металась от стены к стене, стукнулась о потолок, немного повисела на хрустальной подвеске люстры. Давид попытался ее успокоить:

– Птичка, не бойся, мы твои друзья.

Попугай тут же подлетел к Давиду и сел ему на голову – похоже, он был дрессированный и к людям привык. Давид запрыгал от радости. Жена с кухни услышала шум и выглянула посмотреть, что происходит. Увидела у Давида на голове попугая и спросила:

– Откуда здесь птица?

– Мам, она влетела к нам в окно.

– В окно? Посреди зимы?

– Папа спас ей жизнь!

Птица нас не боялась. Давид поднял руку ко лбу, и она уселась ему на палец. Эстер поставила на стол блюдце пшена и миску с водой, попугай поел-попил. А увидев дрейдл, стал толкать его клювом.

– Смотрите, птица играет в дрейдл! – воскликнул Давид.

Вскоре Давид заговорил о том, что попугаю надо купить клетку и дать ему имя, но мы с женой напомнили ему, что птица не наша и что надо бы отыскать хозяев – они, наверное, переживают, беспокоятся, как там их попугай на морозе.

– Давайте все-таки назовем его Дрейдлом, – сказал Давид.

Ночью Дрейдл спал на картинной раме, а утром разбудил нас своим пением. Он стоял на раме, перья его сверкали в лучах восходящего солнца, он раскачивался, как на молитве, и одновременно посвистывал, щебетал и разговаривал. Видно, попугай рос в семье, где говорили на идише, потому что мы слышали, как он сказал: «Зелделе, гей шлофн» («Зелделе, иди спать»), и эти простые слова, произнесенные крохотным созданием, нас умилили.

На следующий день я развесил объявление в лифтах во всех соседних домах. В нем говорилось, что мы нашли попугая, разговаривающего на идише. Прошло несколько дней, никто не позвонил, и я разместил объявление в газете, для которой в то время писал статьи, но прошла неделя, а попугая у нас никто не затребовал. Только тогда Дрейдл окончательно стал нашим. Мы купили большую клетку с кормушкой, жердочками и игрушками, а поскольку Ханука – праздник свободы, мы решили

никогда клетку не запереть. Он мог летать по дому сколько пожелает. Продавец в зоомагазине сказал нам, что это самец, так мы и узнали, что это – «он».

Прошло девять лет, и все это время Дрейдл так и жил с нами. Мы очень к нему привязались. У нас в доме он выучил десятки слов на идише, английском и иврите. Давид научил его ханукальной песне, и в его клетке всегда лежал деревянный дрейдл. Когда я печатал на машинке на идише, Дрейдл садился то на мой левый указательный палец, то на правый и при каждом ударе по клавише ловко подпрыгивал. Эстер часто шутила, что Дрейдл помогает мне писать и ему полагается половина моих гонораров.

Наш сын Давид вырос и поступил в университет. Как-то зимой он пошел на ханукальную вечеринку. Он предупредил, что придет поздно, и мы с женой рано легли спать. Только мы заснули, как раздался телефонный звонок. Звонил Давид. Обычно он был юношей спокойным и уравновешенным, но на этот раз говорил так взволнованно, что мы едва понимали, о чем речь. Оказалось, что на вечеринке Давид рассказал про нашего попугая и девушка, которую звали Зелда Розен, воскликнула:

– Так я и есть Зелделе! Наш попугай улетел девять лет назад.

Зелда с родителями жила недалеко от нас, но они не видели объявлений ни в газете, ни в лифтах. Она стала студенткой, и они с Давидом подружились. Прежде Зелда никогда не бывала у нас в доме, но наш сын часто рассказывал о ней маме.

Той ночью мы толком не спали. На следующий день Зелда с родителями пришли посмотреть на попугая, которого потеряли столько лет назад. Зелда была девушка красивая и одаренная. Давид часто ходил с ней в театры и музеи. Розены тут же узнали своего попугая, да и он, похоже, их узнал. Они звали его Цып-Цып, и как только он услышал это «Цып-Цып», тут же начал летать от одного члена семьи к другому, верещал, хлопал крыльями. Увидев своего любимца живым и здоровым, Зелда и ее мама расплакались. Отец молча смотрел на попугая, а потом сказал:

– Мы нашего Цып-Цыпа всегда помнили.

Я был готов вернуть попугая законным хозяевам, но Эстер с Давидом сказали, что ни за что не расстанутся с Дрейдлом. Да в этом и не было нужды, потому что в тот же день Давид и Зелда решили пожениться, как только закончат университет. Поэтому Дрейдл до сих пор с нами. Он с удовольствием запоминает новые слова и учится новым играм. Когда Давид с Зелдой поженятся, они заберут Дрейдла в свой дом. Зелда часто говорит:

– Нас сосватал Дрейдл.

На Хануку он всегда получает подарок – зеркальце, лестницу, ванночку, качели, колокольчик. А еще он полюбил картофельные оладьи – как и положено попугаю, которого зовут Дрейдл.

Твоя кошечка хочет есть

Moderato

Шлоф шойн, майн хун- ге- рик мэй-дэ-лэ,
мах шойн ди эй- ге- лэх цу,
хун- ге- рик из ойх дайн ма- мэ- лэ, ун
вэинт ништ ун шрайт ништ ви ду.
Лэ- рн зих, кинд, фун дайн ма-мэ- лэ, нэм алц ви зи немт фар
либ, мор- ги с'вэт ойф- штэйн майн мэй-дэ-лэ, вэт
зайн а сах бройт ин штуб- эй- лю- лю, эй- лю- лю-
лю, шлоф шойн майн крой- нэ- ню!

хунгерик дайн кецэлэ

*Öëïô öíéí, ì áéí hói ääðé! ì jeäyëý,
ì äö öíéí äè jeäyëý öá
hói ääðé èç íéö ääéí ì àì jeý,
óí äyéí ò íèðò óí öðäèò íèðò äè ää
Ëyðí çèä, èéíä, óóí ääéí ì àì jeý,
íyí äèö äè çè íäì ò öað èèä,
ì íðä ñ'äyò íéððöyéí ì áéí ì jeäyëý,
äyò çäéí à ñäö äðíéò èí öðóá -
je-ëp-ëp, je-ëp-ëp-ëp,
öëïô öíéí ì áéí èðíéíyí!*

*Öëïô öíéí, ì áéí íäðè èëyéí ì jeäyëý,
äñ èç haeí ò yíyñ ì èò äèð?
hói ääðé èç íéö ääéí èäyëý
óí ñ'hí ò äð èyéí öäéíyñ öó ì èð
hyð, äè yñ ì yóëyò, yñ äyáò öó äèð:
- Í jeäè, èíç ì àì yí öó öó!
hói ääðé èð íéö, èëyéí èäyëý,
óí ö'yéí íèðò äçíé äè äö -
je-ëp-ëp, je-ëp-ëp-ëp,*

σείτο σίει i αεί εδρείγιρ!

*Σείτο σίει, i αεί iδγι εέγι i γεάγι,
ααέ άγδ σείτο ηεί άγδδ άε i iέδ,
hói äädeé εç iέó ääεί έγέέάγι
óí άγείò iέσδ ói i iíò iέσδ έγεί άδiέδ.
Έγδi ρεά, έείä, óóí ääεί έγέέάγι,
άγιηò äiñçε òðäòð àòείä?
- Iέ, äε ääòðεäò εç à i ài γεγ,
άγι hói äädeé εç εδ έείä -
γε-εβ-εβ, γε-εβ-εβ-εβ,
σειτο σίει i αεί εδρείγιρ!*

*Твоя кошечка хочет есть
Ñie, i iγ äείäi άγ ääiñ-éä,
çäéðié ñiñé äëäçi i iέé,
òäiγ i ài à òiεä ói-äò äiñü
i i iä iέä-äò, i ä éðε-εò, éäé òü.
Ó-εñü äεòγ, ói ài i-έé,
iðείéi äé äñä éäé iðείéi ääò i i ä
çääòðä i ðiñ äòñγ i iγ ääiñ-éä,
äüäò ä äiñ ä i i iä öéää -
γε-εβ-εβ, γε-εβ-εβ-εβ,
óñé εä i iγ éiðiέää!
Ñie, i iγ i äείä iεäγ äéóí άγ ääiñ-éä,
-òí òäείäñ òiäiέ ñiñäiγ?
òäiγ éiñä-éä ói-äò äiñü òiεä
i i ié ä-äi i äγ i ä äείéò,
i iñéóäé, éäé i i ä i γóéäò, éäé äñäðéò òäää
- Ääé i ài ä i òäiñ óòü ääiñ-éä!
I äείä iεäγ éiñä-éä, γ òiεä ói-ó äiñü
i i iä iέä-ó, éäé òü, -
γε-εβ-εβ, γε-εβ-εβ-εβ,
óñé εä i iγ öäðäiñ ä!*

РАНЕВСКАЯ

Матвей Гейзер

Биографии Маршака, Утесова и особенно Михоэlsa, написанные Матвеем Гейзером для издательства «Молодая гвардия», не только получили высокую оценку читателей и рецензентов, но и стали важной вехой в истории популярной серии «Жизнь замечательных людей», долгое время остававшейся одним из основных оплотов антисемитствующих литераторов. В ближайшее время в «ЖЗЛ» выходит новая книга Матвея Моисеевича, рассказывающая о судьбе великой актрисы Фаины Георгиевны Раневской. «Лехаим» предлагает своим читателям фрагмент 5-й главы этой книги, «Несколько лет в кино».

В 1934 году Раневскую открыл для кино, да и для себя, Михаил Ромм. Однажды, побывав на репетиции в Камерном театре, он обратил внимание на актрису, «ни на кого не похожую». В ту пору он мечтал снять фильм по новелле Ги де Мопассана «Пышка». Увидев Раневскую, он с первого взгляда оценил ее талант и тут же решил пригласить ее на роль госпожи Луазо. В тот же вечер он подождал Фаину

Георгиевну после спектакля и сделал ей предложение: «Об отказе не может быть и речи!» Уже через несколько дней они встретились на «Мосфильме». Условия работы были жесточайшие: во-первых, сниматься у Ромма можно было только в свободное от театра время, во-вторых, шум и суета, царившие на киностудии, испугали Раневскую. Она хотела было сразу отказаться, но поняла, что это ей не по силам. Пройдут годы, и она напишет о Михаиле Ильиче: «Ромм... до чего же он талантлив, он всех талантливей!»

Фильм «Пышка» был немым, и характер своей героини актриса передавала через выразительную мимику и пластику, а также французскую артикуляцию. И еще на лице мадам Луазо выразительно отражались переживания всей компании, находившейся в дилижансе, – пошлых и блудливых буржуа, ханжей и сплетников. Апогеем лицемерия стали кадры фильма, показавшие ночь в гостинице, где остановились путники: все те, кто еще недавно демонстративно презирал «девицу Руссо» по прозвищу Пышка за ее ремесло проститутки, стали дружно уговаривать ее уступить требованию прусского офицера и переспать с ним – от этого зависело продолжение их путешествия. Больше всех старалась мадам Луазо. После этой ночи спасенные Пышкой пассажиры дилижанса снова дружно запрезирали ее. Она чувствовала себя оскорбленной и оплеванной.

Главную героиню играла молодая актриса Галина Сергеева, наделенная выразительной «французской» фигурой. Вспоминают, что, увидев ее впервые в платье с глубоким декольте, Раневская выдала остроту: «Да, не имей сто рублей, а имей двух грудей!» И оказалась права: в следующем году секретарь ЦИК Авель Енукидзе, известный любитель прекрасного пола, лично включил Сергееву в список актеров, удостоенных почетных званий и наград. Свое решение он объяснил так: «У этой артистки очень выразительные большие... глаза». И Сергеева в двадцать лет стала заслуженной артисткой республики – Раневская, как мы помним, удостоилась этого звания на несколько лет позже.

О работе Фаины Георгиевны в «Пышке» вспоминает актриса Екатерина Юдина: «Роль имела успех и стала прологом ко многим незабываемым образам, созданным актрисой на экране. Она обладала способностью характерным жестом или поворотом лица прожить целую судьбу. Раневская – соавтор своих ролей. Да и в кино актриса становилась не только соавтором, но и единственным автором отдельных эпизодов. Выразительную внешность и пластику Раневской в кино зачастую использовали просто как яркую, необходимую для режиссера краску. В своих ролях актриса использовала в основном “грим души”, подчеркивая остроту характера, владея искусством интонации. В кино у нее преобладали комические роли, в которых ее творческая фантазия, наблюдательность, умение видеть и запечатлеть смешное, не знала равных».

У меня сохранилась запись беседы с Иваном Семеновичем Козловским, сделанная в ту пору, когда я работал над книгой о Михоэлсе. Он показывал мне фотографии Галины Сергеевой (одно время актриса была его женой). Вот фрагменты этой беседы: «Ваша книга о Михоэлсе не будет полной, если вы не расскажете о Раневской, о ее дружбе с Михоэлсом. Соломон Михайлович в разные годы говорил мне о Фаине Георгиевне: “Вот уж Раневская, всем актрисам – актриса! Ее роль в “Пышке” оказалась едва ли не самой удачной в фильме. Именно ей удалось показать буржуа такими, какими они были воистину в то время”». Тогда же от Ивана Семеновича я узнал, что, если бы Михаил Ромм не стал режиссером, он был бы замечательным скульптором, ведь он учился у Голубкиной и Коненкова, а в кино пришел под влиянием Эйзенштейна и Бориса Волчека, отца режиссера Галины Волчек. Ромм был

известен как выдающийся мастер режиссуры, как художественной, так и документальной – достаточно вспомнить его фильм «Обыкновенный фашизм». Он умел оставаться (или, по крайней мере, выглядеть) правдивым даже тогда, когда, казалось, это невозможно – например, в фильмах «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году».

Г. Сергеева в роли Пышки. Кадр из фильма «Пышка»

* * *

В сентябре 1939 года произошел очередной раздел Польши – на сей раз ее поделили между собой СССР и Германия. Восточные польские области отошли к Советскому Союзу, и тогда судьба вновь свела Раневскую и Ромма в фильме «Мечта», посвященном «историческому воссоединению». Сценарий фильма написал Евгений Габрилович, который в то время не был знаком с Раневской. Михаил Ильич, прочитав сценарий, восторженно произнес: «У меня есть исполнительница на роль мадам Скороход! Она родилась, создана именно для этой роли!» Из воспоминаний Евгения Габриловича: «Вскоре Михаил Ильич представил мне Фаину Георгиевну. Я в первый момент не одобрил его выбор, но, чуть поговорив с ней, понял, что Ромм не ошибся в выборе. Я редко встречал человека столь интересного в личном общении. Чего только актерски не воспроизводила она, вот так, ненароком, вскользь, по пути! И мимоходные встречи на улице, в магазине, в автобусе, на собрании и вдруг, нечаянно, сразу что-то совсем другое, давно прошедшее, из жизни актерской провинции, в миг – из юности, какой-то каток, и снег, и бегущие санки, и тут же о прачке, которая вчера считала белье... Это была игра, десятки быстро сверкавших, быстро мелькавших миниатюр, где Фаина Георгиевна была то кондуктором, то продавщицей, то старухой на передней скамье автобуса, то младенцем рядом, на той же скамье, была прогоревшим антрепренером, восторженной гимназисткой, пьяным суфлером, милиционером, продавцом пирожков, адвокатом и каким-то юнкером или подпоручиком, в которого она была в юности влюблена и для которого зажарила как-то индейку, украсила ее серпантинном и бумажным венком. Игра переполняла ее, актерское естество бушевало в ней, билось наружу, не утихая ни на мгновение. Такой она была тогда, в те довоенные годы, такая она и сейчас...»

Фаина буквально «влюбилась» в свою будущую героиню Розу Скороход. Наверное, она предчувствовала судьбу, которая ожидает вскоре ее народ, поэтому ей удалось создать один из самых запоминающихся еврейских характеров, еврейских трагедий. Едва ли это могло понравиться идеологам того времени, но отказываться от

фильма на этом основании они не стали – он вышел на экран в 1943 году, в разгар Великой Отечественной войны.

Пожалуй, ни одна героиня, созданная Раневской в кино, не раскрывает так ее образ, как Роза Скороход. Так много неожиданностей, противоположностей создает она в этом образе. Одна из его граней – преданная еврейская мама, о которой написано и сказано так много. Быть может, лучше всего о ней говорит пословица: «Нет хорошей смерти, нет плохой матери». Роза, влюбленная в своего сына, в момент разочарования в нем решает на невозможное – не находиться с ним под одной крышей, то есть она сознательно разрушает традиции, материнские устои, да, по сути, и все представления о добре и справедливости. Ее любовь к сыну, власть над ним оборачиваются проклятием, несчастьем. Играя Розу Скороход, Раневская сумела показать, что трагедия одной человеческой души является воплощением несправедливого социального строя. Незабываема сцена прощания Розы с сыном. В ее взгляде глубокая печаль и боль. А как звучит ее вопрос, обращенный к нему: «Объясни мне, ты, инженер, зачем пропала моя жизнь?» Сколько отчаяния в этих словах, сколько горя за бессмысленно прожитую жизнь, за свою беззащитность!

Фильм этот принес Раневской известность мирового уровня. В Белом доме картину видел президент Соединенных Штатов Америки Франклин Рузвельт, сказавший: «На мой взгляд, это один из самых великих фильмов земного шара. Раневская – блестящая трагическая актриса». Видел «Мечту» и знаменитый в то время американский писатель Теодор Драйзер. Вот что писала об этом его супруга Элен Драйзер: «Теодор был очень болен. Ему не хотелось писать, не хотелось читать, не хотелось ни с кем разговаривать. И однажды днем нам была прислана машина с приглашением приехать в Белый дом. Советский посол устроил специальный просмотр фильма “Мечта”. В одном из рядов я увидела улыбающегося Чаплина, Мэри Пикфорд, Михаила Чехова, Рокуэлла Кента, Поля Робсона. Кончилась картина. Я не узнала своего мужа. Он снова стал жизнерадостным, разговорчивым, деятельным. Вечером дома он мне сказал: “„Мечта“ и знакомство с Розой Скороход для меня величайший праздник”. И Драйзер, взяв в руки перо, начал писать статью о “Мечте”. Он писал ее три месяца, но, к сожалению, рукопись была потеряна».

Что же так привлекло Фаину Георгиевну в роли Розы Скороход? Разумеется, не только трагическая судьба героини, но и трагическое время, в которое ей довелось жить, и, конечно же, так называемый «еврейский вопрос». Однажды Ия Саввина, навестив Фаину Георгиевну дома, приготовила для нее аппетитное блюдо – курицу, жаренную в сметане, которая выглядела, разумеется, и аппетитно, и красиво. Уходя, Ия Сергеевна настаивала, чтобы Раневская обязательно, хотя бы из уважения к ее труду, съела курицу. Когда Ия Сергеевна ушла, Фаина Георгиевна сокрушенно произнесла: «Еврей ест курицу, когда он болен или когда курица больна». Эта давняя поговорка могла бы стать эпиграфом к роли Розы Скороход.

Е. Кузьмина и Ф. Раневская. Кадр из фильма «Мечта»

* * *

Михаил Ромм и Раневская дружили всю жизнь. Дружна была Фаина Георгиевна и с женой режиссера – замечательной актрисой Еленой Кузьминой, сыгравшей в фильме «Мечта» роль девушки Ганки (именно эта роль, по замыслу сценариста, должна была быть главной). Ганка оказалась в городе, «чтобы заработать гроши, чтобы батька лошадь купил, чтобы замуж выйти». Как известно, для Ганки, по вине сына Розы, все закончилось трагически. Но ведь сценарий писался в 1943 году. И Габрилович, и Ромм пытались следовать принципу – советская власть приносит людям только счастье. В последних кадрах фильма мы видим Ганку, выступающую на многотысячном митинге в честь прихода Красной Армии – освободительницы. Конечно, и режиссеру, и сценаристу было понятно, что финал фильма надуман, но если этого не заметили те, кто решал судьбу картины, то изменять ее не было необходимости – главной героиней стала Роза Скороход. И то, что фильм все-таки оказался жизненно правдивым, – заслуга образа Розы Скороход, созданного Раневской. Среди многих фильмов с участием Раневской (всего их двадцать шесть) «Мечта», несомненно, остается ее наивысшим актерским достижением.

Свидетельство дружбы Раневской с Еленой Кузьминой и Михаилом Роммом – их переписка. Вот одно из писем Кузьминой к Раневской, написанное, судя по всему, вскоре после 80-летия актрисы: «Это я пишу к тому, что мы не имели понятия о Вашей знаменательной дате... Газет на даче нет. Радио включать забываем. Это тоже успокаивает... Дорогая Фаиночка, мы Вас очень любим. А ведь так мало осталось к старости людей, о которых даже мысли доставляют удовольствие. В тот тихий вечер мы включили телевизор (кстати, он тоже одичал и непотребно рычит) и наткнулись на уже идущую “Мечту”. С удовольствием смотрели... О том, что Вы упали в больнице, мы узнали от Нины Станиславовны Сухоцкой и ужасно огорчились. Ведь надо же иметь такое везение, чтоб в центре учреждения, где людей склеивают, разбиться на куски!.. Это только Вы можете! От этого Вашего “все не по-человечески” мы Вас любим еще больше...»

В последние годы жизни Раневская и Ромм встречались в местах, далеких от театра и кино, – неоднократно совпадало их пребывание в Кремлевской больнице. Фаина Георгиевна записывала в дневник: «Помнится, как однажды, захворав, я попала в больницу, где находился Михаил Ильич, увидев его, я глубоко опечалилась, поняла, что он болен серьезно. Был он мрачен. Помню его слова о том, что человек не может жить после увиденного, невероятного количества метров пленки о зверствах фашистов. Он мне сказал тогда: “Дайте слово, что вы не будете смотреть мой фильм „Обыкновенный фашизм“, хотя там нет и тысячной доли того, что делали эти нечеловеки”». Раневская обещала не смотреть этот фильм. И сдержала свое слово, хотя не без труда.

Выдающийся киновед Майя Иосифовна Туровская рассказывала мне, как однажды встретила Раневскую в доме Иосифа Прута. Майе показалось, что был какой-то сговор: в тот день к Пруту должны были прийти гости на просмотр фильма «Обыкновенный фашизм». Там же был Савва Кулиш – соавтор сценария. «Как попала Фаина Георгиевна к Пруту в тот день? Подозреваю, что ее привел сам Кулиш. Я поняла, что Фаину Георгиевну надо уводить и ради нее самой, и ради Михаила Ильича. Когда мы с Фаиной Георгиевной оказались у меня на квартире (я жила неподалеку от Прута), я предложила Раневской почитать рукопись моей книги о Вампилове. Фаина обрадовалась, даже взбодрилась: “А может быть, Вампилов напишет роль и для меня. Он невероятно талантлив”». Так Майя Туровская «спасла» Раневскую от «Обыкновенного фашизма», который, без всякого сомнения, стал бы тяжелым испытанием для чувствительного сердца актрисы – как и для любого человека, не лишенного совести и сострадания.

Находясь в больнице, Ромм и Раневская затеяли «игру» в переписку. Вот одна из записок Михаила Ильича Ромма к Раневской: «Фаина, дорогая! Я старый и вдобавок глухой на одно ухо. Старею ужасно быстро и даже не стесняюсь этого. Смотрел “Мечту” и всплакнул. А раньше я просто не умел плакать. Обычно я ругаю свои картины и стесняюсь, стыжусь смотреть, а “Мечту” смотрел, как глядят в молодости. На свете нет счастливых людей, кроме дураков да еще плутов. Еще бывают счастливые тенора, а я не тенор, да и Вы тоже...»

Раневская признавалась: «За всю долгую жизнь я не испытывала такой радости ни в театре, ни в кино, как в пору наших двух встреч с Михаилом Ильичом. Такого отношения к актеру – не побоюсь слова – нежного, такого доброжелательного режиссера-педагога я не знала, не встречала. Его советы-подсказки были точны и необходимы».

К 70-летию Ромма Фаина Георгиевна отправила ему поздравительное письмо, полное объяснений в любви, Михаил Ильич ответил ей: «В годы “Пышки” я был (между нами) глуп и самоуверен. Мне казалось, что кино – самое важное, святое дело и, значит, все должны плясать вокруг него. Вреда от него больше, чем пользы... А вообще-то, мне грустно, очень одиноко и ничего не хочу (какое совпадение в настроениях Раневской и Ромма! – М. Г.). А будет, как раз, юбилей. Но зачем мне юбилей? Вообще, думается мне, что “Обыкновенный фашизм” – это, по всем признакам, последняя картина человека, а я не понял своевременно. На пенсию пора...»

Когда силы не позволяли им в больнице писать друг другу письма, Ромм и Раневская оставляли друг другу короткие записки: «Я Вас люблю». А дальше: «До встречи в палате», «Встретимся на телевизоре», «Словом, до встречи».

В своей статье в «Комсомольской правде», посвященной 80-летию со дня рождения Раневской, Майя Туровская писала: «Раневской редко доводилось играть умных, все понимающих женщин. Когда-то – нам кажется, что на заре, а по сути, в зените своей артистической карьеры – ей посчастливилось получить у Ромма роль хозяйки пансиона “Мечта” в фильме того же названия. А может быть, это Ромму посчастливилось, потому что в этой достаточно литературной роли Раневская приоткрыла такую едкую горечь знания о корыстной и нищей жизни своей героини, такую мрачную иронию слова “мечта” и в то же время такое преодоление этого несчастного знания силой сердца, что если уж выделить какие-то роли – “путеводители” по “феномену Раневской”, то в первую очередь надо было назвать умную хозяйку respectable и жалкого пансиона “Мечта” Розу Скороход».

Ф. Раневская. Кадр из фильма «Мечта»

Эти слова Туровской хотелось бы дополнить мыслью о том, что не встретиться в этом фильме Ромм и Раневская не могли, хотя вся предыдущая жизнь каждого из них не вела к этой встрече. Раневская родилась в богатой семье, не испытывавшей никаких симпатий к революции, а отец Ромма, сын владельца типографии в Вильно, был профессиональным революционером, что и привело его к ссылке в Иркутск. Казалось, прошлое никак не могло сделать их единомышленниками, но их объединила любовь к искусству, к правде жизни. Объединила прочно и навсегда, и даже искренняя любовь Михаила Ильича к Ленину, к которому Раневская относилась весьма критически, не оттолкнула их друг от друга.

В 1971 году, когда Ромма не стало, Раневская записала в дневник: «Скучаю без Михаила Ромма. Он говорил, что фильмы свои его не радуют, но когда смотрел “Мечту” – плакал. В этом фильме он очень помогал мне как режиссер, как педагог. Доброжелательный, чуткий с актерами, он был очень любим всеми, кто с ним работал... Не так давно видела в телевизоре немую “Пышку”. Как же был талантлив

Михаил Ромм, если в немой “Пышке” послышался мне голос Мопассана, гневный голос его о людской подлости!»

О Раневской и Ромме рассказывает Ростислав Янович Плятт: «Старая мать, потрясенная эгоизмом и черствостью своих детей... Мне кажется, что эта тема берет начало в грандиозной ее киноработе – роли Розы Скороход в замечательном фильме Михаила Ромма “Мечта”. Вот тут мы встретились впервые как партнеры; у нее была главная роль, у меня – эпизодическая, но я был свидетелем того, как рождалась у Раневской ее Роза, властная хозяйка меблированных комнат. Фаина Георгиевна в то время была еще сравнительно молодой женщиной, лет сорока, с худой и гибкой фигурой. Это ей мешало: она видела свою Розу более массивной, ей хотелось, так сказать, “утяжелить” роль. И наконец она нашла “слоновьи ноги” и тяжелую поступь, для чего каждый раз перед съемкой обматывала ноги от ступней до колен какими-то бинтами. Ощущение точной внешности играемой роли всегда питало ее, а уж нутро ей было не занимать: эмоциональная возбудимость, взрывной темперамент, моментами поднимавший Розу до трагических высот, – все было при ней. “Мечта” вышла на экраны в 1941 году, и с тех пор – не долговато ли? – Раневская жила в поисках роли себе по плечу, роли, которая смогла бы до дна утолить ее неуемную творческую жажду...»

ШЕПОТ КРОВИ, ИЛИ ВЫ ХОТИТЕ ПОГОВОРИТЬ ОБ ЭТОМ?

Евгения Вежлян

Поэт Борис Херсонский написал в своей недавней статье: «Ввести термин “русско-еврейская литература” – значит согласиться, что “шелест крови”, а не язык определяет принадлежность поэта». Статья эта, опубликованная на литературном сайте «Полутона», – полемический ответ на критику «по национальному признаку». С ее автором невозможно не согласиться: действительно, стоит ли, читая поэта, который и думает, и мыслит по-русски, вспоминать о его еврейском происхождении? Для человека нейтрального эта информация ничего не изменит, для еврея – энтузиаста «еврейской идеи» может обернуться попыткой «вчитать» в понравившийся текст несвойственные смыслы. В этом отношении национальный подход чем-то напоминает гендерный: тот же поиск произвольного (автор, мол, и сам не подозревает, что выразилось в его словах), продиктованного внешними по отношению к собственно поэзии факторами подтекста. Вроде бы и можно – но лишь до известного предела, то есть до тех пор, пока автор и его текст не превратятся в простую иллюстрацию общих закономерностей («ты пишешь так, потому что ты – женщина», «ты говоришь это, потому что ты – еврей»). Идентичность важна и определяюща для любого человека (независимо от того, поэт он или дворник), но профессиональная этика велит критику выносить идентичность за скобки, коль скоро речь идет о поэзии.

Фотография из альбома Ф. Бреннера «Дома в изгнании». Модиин.1997 год

В случае же с идентичностью еврейской дело обстоит еще сугубее. Обычно человек как бы живет внутри своей идентичности, не чувствует ее. Она проявляет себя только при столкновении с «другим». Но именно поэтому еврей никогда не забывает о своем еврействе и постоянно чувствует его. Не сильно – но как место привычной боли. Не дай Б-г задеть или затронуть... Более того, именно эта «ощущаемость» часто и делает тебя евреем – ничего другого (ни языка, ни обычаев), что бы подтверждало ее, не осталось. Есть только это ощущение чуждости, невозможность отождествиться с людьми, от которых, казалось, ничем не отличаешься. И тут два выхода: либо слиться с окружением, либо принять еврейство как социальную роль, вернуться в общину, вновь

сделать себя евреем – специально (сейчас для этого нужно включиться в «еврейскую жизнь», а раньше требовалось уехать).

Эта ситуация связана с языком, причем на глубинном уровне: в первом случае ты нем, точнее, твоя идентичность нема, лишена языка, она запретна и невыразима, а во втором – тебе уже не нужно говорить, выговаривать переживание еврейства, ибо его нет. Либо – искать иной стык, переход, грань. Как это сделал – теперь уже покойный – Михаил Генделев. Он уехал в Израиль в 1977-м и стал израильянином – в самом высоком и идеологическом смысле этого слова. Он выстраивал свою поэтическую идентичность на пересечении двух осей координат, в силовом напряжении двух «полюсов»: гражданства и языка. «Иноэтнокультурное» ощущение, выраженное на русском языке, давало поэту возможность стереоскопического взгляда: из русского языка (культуры) – по отношению к израильскому, иудейскому и наоборот. Это походило на ситуацию, когда смотришь фильм про, например, Англию – наш, российский. И знаешь, что герои говорят по-английски, хотя они говорят по-русски. Вкрапления действительно ивритских слов усиливали этот эффект «конструирования миров» – на грани и на пределе (хотя бы словаря):

Ī īé

Êâé

Ī īæáœü

īāīī

īīāá

āīāōīá óòōī īēāçâē Yēīhēī □

īīé íāīīāāīī ī āāāū äōōâēī

ī īæīī

ōīòýáú æī ī

В конце поэтических сборников Генделева прилагается словарь, поясняющий незнакомые иноязычные слова. Написание слов (как «Элоhim»), подчеркивающее иную фонетику, и особая строфика усиливают «положение между», напряженную инаковость генделевских текстов.

Но в большинстве случаев русский поэт еврейского происхождения о своем еврействе молчал, точнее, оно – прорывалось: метафорой, темнотой, намеком. Не как часть лирического «я», а лишь на уровне языка. И только отчасти эта ситуация объяснялась цензурными запретами. «Когда стало можно», еврейская тема, как и многие «запретные», наконец могла быть названа и развита. Но пути ее освоения/внедрения оказались отнюдь не прямыми. «Тема» и «идентичность» не совпадали, сложно соотносились и по-разному проявлялись.

Ибо об «идентичности» имеет смысл говорить постольку, поскольку она входит в поэтическую индивидуальность, соотносится с «образом автора» в стихах или с его публичным образом. И «шепот крови» тут ни при чем. Наличие «еврейской

идентичности» в качестве темы может вовсе не означать отождествления автора с этой идентичностью. Но и осязаемого отстояния здесь тоже быть не может. Так, для филолога, переводчика, известнейшего латиноамериканиста Льва Осповата, выпустившего в конце жизни книгу стихов «Как вспомнилось»[2], принадлежность к еврейству – часть его индивидуальной истории, одна из многих составляющих пережитого, наряду с войной, филологической работой, обедами в честь Пабло Неруды... Его книга стихов состоит из коротких историй, анекдотов (в старом смысле этого слова) из реальной биографии автора, которые изложены – против ожидания – не в строчку, а в столбик. Получаются верлибры. Форма создает двойной эффект – с одной стороны, эти частные случаи из долгой жизни вдруг обретают смысловую плотность и силу обобщения (книга читается как история советской вольнодумной интеллигенции, каждое слово – как архив памяти целого поколения), а с другой – появляется та оптика, которая позволяет не утратить ироническую дистанцию между собой тем, давним, и собой нынешним и рассказать обо всем без пафоса. Юмор в случае Осповата – единственно возможная разновидность исторической правды. Потому и пересказанная им история собственного еврейства, довольно типичная, – с того момента, когда он, советский ребенок, приезжает к бабушке в Лиозново, сообщает раввину, что не верит в Б-га и становится «шабес гоем» («Эпикурец»), до того, как его собственный сын, которого не посвятили в тайну его происхождения, прибегает со двора и спрашивает: «Папа, а ты еврей?» – дана, скорее, дистанцированно. Без трагических обобщений. Автору гораздо важнее передать максимально точно свои тогдашние ощущения: человек его поколения часто не рождался евреем, а становился – в один прекрасный день ему указывали, что он не как все. И лишь спустя время это «не как все» обретало конкретный смысл.

Для поколения внуков – тех из них, что выбрали возврат к истокам, – этот смысл был уже вполне артикулирован и заключался в иудейской традиции. Но оказался как бы вынесен за пределы исторического (биографического) измерения – в измерение метафизическое. Так, в стихотворениях Гилы Лоран биографическое, безусловно, наличествует. Там и сям разбросаны знаки реального времени – цитаты из советских песенок, памятных с детства, воспоминания. Например, так:

ĭ ĭ ĭ ĭ p

ĭ ĭ ĭ ĭ ä ĭ ò ĭ à ç ä ĭ

ĭ à ä ä : ä ĭ à á ó ä ä ä

ä ä ĭ ð è è ĭ ĭ à ĭ ĭ è è è ä ä ĭ è ä ò ä ò ó è è

ĭ ä ĭ à æ ä ĭ : ä ĭ , ó æ ä è ð ä æ ä ĭ ĭ ä ĭ , ĭ ð ä ä ä ä

ä ð ĭ ä ò è ä

ĭ ĭ ĭ ð ð ĭ ĭ ĭ ĭ ĭ ä ä æ ä ä ĭ è è æ ä ĭ è è ä ä

ĭ à ò ĭ ĭ ä ĭ , ä ä ĭ ä ä ĭ ĭ ò à

ä ä ä ä ĭ - ä è ó ä ĭ æ ä ç ä ĭ ä è ĭ ĭ ä è ĭ è ä

ä ĭ ä ä ä ä ä ĭ ä ĭ ä ä è ä ä ä ĭ ä ĭ è p ,

íí áéääííéó:íí íáíííáéè

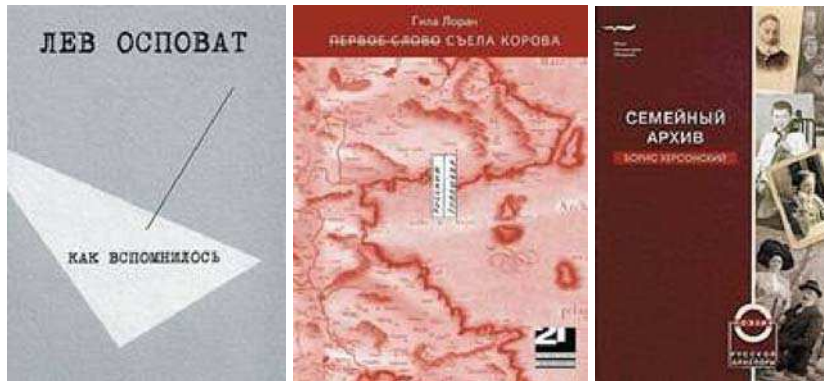
<...>

Áíáíðéè: cíààóü äíá ó ò ááÿ ñäöá-

ñéáéíé ñòíðíú?

í ó éííá:íí íá cíààóü-

çáíðíáíé äáááí é.

В этих «знаках узнавания» «знаки еврейства» («угнали в германию, не опознали...») – далее умолчание, как это принято было в бытовых разговорах нашего детства: «хотя и еврейка» – имеется в виду, но не говорится) составляют существенную часть. Наряду с другими «знаками и приметами» они образуют внешний, поверхностный уровень текста. У Гилы Лоран каждый биографический штрих прорастает в иное, внеисторическое, почти визионерское, легендарное измерение, которое кажется неизмеримо более реальным, чем повседневное и узнаваемое. Гротескный, колеблющийся мир (в предисловии к сборнику «Первое слово съела корова»^[3] Кирилл Решетников назвал его «босхианской мистерией») возникает на пересечении культур, традиций и языков... Тот, кто говорит в этих стихах, – мерцает, постоянно и неуловимо трансформируется, надевает маски, меняет роли. Это похоже на то, как если бы душа хотела воплотиться, силилась – проявлялась и тут же исчезала. Или на играющего ребенка, для которого реальное «я» менее существенно, чем те, в кого он перевоплощается в вымышленных мирах. Мальчик, царевна, странник... Среди примеряемых Лоран на себя миров одни так и останутся пространством игры, другие близки к самой сердцевине личности, речь о них – почти прямая. И чтобы понять, что именно таков мир иудейского предания, которому посвящен цикл «Мидраши», вовсе не нужно подглядывать в биографию автора, стремясь услышать пресловутый «шепот крови». Традиционное значение слова «мидраш» обыгрывается Гилой Лоран. Ее мидраши – это не толкования Торы, а вариации на иудейские темы, где исконное и древнее схлестывается с современным, претерпевая причудливые трансформации. Это своего рода «поэтическая разведка», поиск языка для – в сущности – нового для русской поэзии опыта:

Í óíéáé íáí ñíí ííñéääíéé íáó íðíááíð

Éíñéó, òíééíáòááü ñíáéääíéé,

*Í à í í à ì ó: á í é é á è ñ ò í ð è è ç à ì ÿ ò ú é é é á ñ
è ò í - ò í ç ä á í í é í à ñ ò í é í à ì è ñ ä «Æ è ä».
Ä î ñ è õ ì î ð í á ú á ð á í - è ò í. Ö î ò ÿ ó ò í í ñ è õ è ç í à ñ
á ú è è ø à ð è í á ú á ð ó: è è ñ ö á à ò í í þ í à ñ ò í é.
Ä ð í æ è ò
÷ ò í - ò í á í ó ò ð è, ö î ò ü í ð í ø è ä ö ä è ÿ æ è ç í ü
Ö ð ó á í é é í á è è è Ö î ì ÷ ó è, Í á ñ è á ð á í è è è Í à ò ð í á?
Í ð á í á í é á í ú á è ñ ò í ð è è. Ð ó è è ð á ñ ñ ò á á ü
è è ð á æ è ñ ü
â î á ñ ò á ñ ý í î ö í é. Ð á ç è í î á ð á í á í - ÿ ò í ð í á*

Обращает, однако, на себя внимание контраст между этим спокойствием рассказа и напряженностью излагаемого факта («дрожит что-то внутри...» – говорит автор недрогнувшим голосом). Пожалуй, подумает тот, кто пережил подобное, это единственный способ справиться с травмой и сопряженным с ней немым страданием: отстраниться от себя, не отрекаясь от себя, посмотреть на ситуацию одновременно изнутри и со стороны. Но где найти это «пространство отстранения», не утратив переживания? Херсонскому это удалось. События, о которых он пишет, протекают в «лирическом времени», но рассказ о них ведется из «большого времени», из времени истории. Индивидуальное и родовое перестают в этом времени казаться чем-то случайным и единичным, перестают быть просто переживаемой явленностью, но обретают вербализуемый смысл. Таков «Семейный архив»^[5], в котором изложена история семьи, – очень узнаваемая, трагическая история еврейской семьи из российской черты оседлости – протяженностью в XX век. Само это изложение, его тон тоже до боли знакомы: застольные разговоры мишпохи, разглядывающей старый фотоальбом, когда дети легли спать и все сторонние люди ушли. Разве что к этому добавлены описания самих фотографий:

*Á ú á í ä è í ö î ò í ñ è ì í é.
Ö ð í á ä ä ò á é æ ì ó ò ñ ý è í í ä ü ì
æ ä ü ò à á ä è è í í î ì í ä è ü ò í
è í á ñ ð á ç í é ø è ý í á
Ä î ñ è è í é í - á í í ä ÿ á í ð í ä ä,
æ ä ç à ñ ñ í ä ÿ ò ñ ý è í á ð á í í ñ è ö á
ß è í á í ä è í è ç ä ä ò á é,
æ ä ñ ð è è í ñ á í à í í ò ö á*

*«Í í áúë ò àéíé ááðáé,
÷ ò í áñá ññò àéüü úá ááðáé
(ññááí í í á í ðí ó è è ü)
í áí í í è í á þ ò áá».*

Áñá í ááðñ í áæ è ñéí í ÷ à è è ññí á ðáçí í á áðáí ý.

Ñí áðò ü è õ áú è à áñ ò áñ ò áá í í é,

æ è ç í ü – í ò í í ñ è ò à é ü ü í á é á á í í è ó : í í é.

Á ý ò í í ááñ ç í í æ í í í í áá ð è ò ü

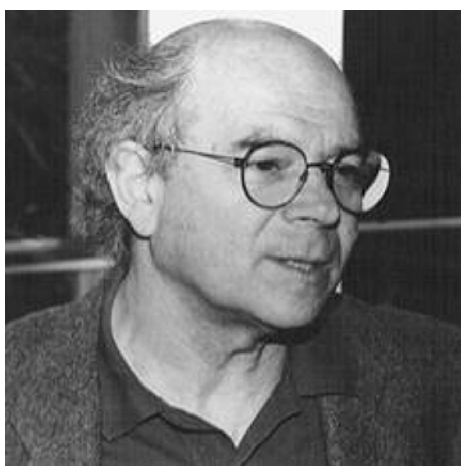
Но в том-то и дело: тот, кто описывает эти фотографии, делает это для тех, кого нет в комнате. Значит, отчасти смотрит на события «глазами постороннего». То есть память, о которой здесь возникает речь хотя бы в силу того, что имеет место временная дистанция, – это уже не немая-для-других личная память и не нерасчлененная – и потому лишенная языка – память рода. Поэт выступает инстанцией объективирующей исторической памяти. И такая позиция уникальна для еврея, который имеет опыт переживания подобной семейной истории. Потому что занять ее можно, только евреем не будучи. Что опять означает невозможность говорить.

Херсонский же нашел ту уникальную «точку обзора», с которой, будучи евреем и поэтом, он может выговаривать собственную идентичность напрямую и без обиняков и рефлексировать над ней, не выходя за границы «большой» русской поэзии в пространство маргинальности.

Робер Бобер: «Я до сих пор тоскую по Парижу пятидесятых»

Беседу ведет Николай Александров

Робер Бобер – французский прозаик и режиссер. Известность ему принесли фильм «Рассказы об Эллис Айланд» (1981; совместно с Жоржем Переком) и книга «Что нового на войне?» (1994). Знакомство русского читателя с Бобером началось с романа «Залежалый товар» (М.: Текст, 2008; см. рецензию: Лехаим. 2008. № 10).

– Не могли бы вы рассказать о своей семье, о своих родителях?

– Ну, если рассказывать подробно, то, наверное, нам потребовалось бы слишком много времени. Моя мать родилась в деревне, в Польше, в еврейской семье. Отец тоже родился в Польше, в Кракове. Но мои родители встретились не в Польше, а в Берлине, еще задолго до войны. Здесь родилась моя сестра, здесь родился в 1931 году я. В 1933-м, когда стало понятно, что к власти пришли нацисты, родители, забрав меня с сестрой, переехали во Францию. Отец стал работать сапожником, потом открыл небольшую лавку по ремонту обуви.

В Париже в то время было много таких лавок. Сохранились фотографии, почтовые открытки с видами старого Парижа. Их выпускалось множество до войны. Среди них были и открытки с фотографиями торговых районов, типами коммерсантов, разными лавочками. Позднее, когда я увлекся фотографией, я специально находил и собирал эту фотохронику. У меня дома хранится снимок, на котором мои мать, отец, сестра и я стоим на фоне дома, где находилась отцовская мастерская.

А затем началась война. Многие торговцы-евреи были депортированы. Родители моей матери, которые жили в Германии, оказались в лагере, родители отца в Польше тоже были арестованы.

– На каком языке говорили в семье?

– Моя мать говорила по-немецки, отец на идише. Что касается меня, то в школе, на улице я говорил по-французски. А дома – на немецком и на идише. То есть я рос,

говоря на трех языках. Сейчас мой немецкий не слишком хорош. Идиш я знаю гораздо лучше. Но мой язык – французский, это мой писательский инструмент.

– В вашем романе «Залежалый товар» то и дело встречаются фразы на идише...

– Да, я писал документальный роман, то есть описывал то, чему сам был свидетелем. И жизнь швейного ателье, колорит и атмосфера эпохи, как и язык персонажей, не выдуманы.

– Ваши родители были религиозны?

– Нет. Дед был религиозен. А поколение моего отца отошло от религии. Мои сверстники в детстве не были религиозны вовсе. Это уже затем многие вернулись к религии. Нет, для моих родителей религиозные обряды играли скорее социальную роль. Когда женились или разводились, звали раввина. Это был такой способ социальной самоидентификации, не более того.

В детстве и когда я был подростком, еврейство переживалось мной тоже скорее в аспекте социально-национальном. Французский вытеснял немецкий и идиш, и все в большей степени именно французская культура (сначала фотография, затем кино и литература, такие фигуры, как Трюффо и Перек) определяла мои интересы и увлечения.

– А как складывались ваши интересы? Вы ведь поначалу стали портным?

– Ремесло портного для меня было не только профессией, но и увлечением. Постепенно приходили другие увлечения, навеянные Парижем того времени. Ведь Париж 50-х был совершенно другим городом. Этот был, по существу, Париж XIX века. Сегодняшний облик города начал складываться позднее. Я выходил из дома и шел в свою мастерскую всякий раз разными дорогами, вбирая в себя образы города. До сих пор я тоскую по тому времени. Довоенные и послевоенные песни, люди, дома, вывески – все это притягивало меня.

Затем я увлекся фотографией. Ведь это было время, когда фотография играла особую роль в жизни. Семейные портреты, значительные события, люди, характеры – вот что составляло искусство фотографии. Это был особенный способ мировосприятия, отношения к миру. Фотография учила смотреть на жизнь и понимать ее.

А потом я нашел в кино то, что меня интересовало больше всего. Сначала это была операторская работа, впоследствии работа режиссера-постановщика. Я понял, что режиссер – это как дирижер оркестра. Он придает произведению цельность. Затем произошла моя встреча с Трюффо. После выхода фильма «400 ударов» к нему пришла мировая известность. Я работал у него ассистентом режиссера.

– Можно ли сказать, что Трюффо был вашим учителем, наставником?

– Встреча с Трюффо была для меня значительным событием и много мне дала. В жизни каждого человека есть фигуры, оказывающие на нее значительное влияние, но значение таких встреч осознается задним числом. Я видел, как Трюффо работает, был свидетелем и участником его работы. Но учителем в прямом смысле слова он для меня не был. Он, например, не любил документальное кино. Для него кинематограф был

связан в первую очередь с художественными картинами. А меня привлекала кинодокументалистика. Мне казалось интересным представить, то есть по-другому увидеть, окружающую нас жизнь. По существу, заново показать ее. Я всегда говорю: то, что я показываю в документальных фильмах, отнюдь не правда жизни. Это моя правда, представленная зрителю.

– Вы сняли более сотни фильмов. Можете сказать, какой из них вы любите больше всего?

– Это все равно что спрашивать у родителей, кого из детей они больше всего любят. Но, пожалуй, мой фильм о польских евреях, уехавших из Германии и живших во Франции, наиболее важен для меня. В нем я, кстати, использовал множество фотографий из семейного архива.

ГОРЕ ОТ ХОХМА

Елена Римон

Рубрика «Ивритская глава» стартовала в июне 2008-го – и все эти полтора года ее вела прозаик и журналист Анна Исакова. Сегодня «Лехаим» представляет читателям нового гида по современной израильской словесности Елену Римон – филолога, переводчика, доцента Университетского центра «Ариэль».

Представьте себе, что вы читаете современную израильскую пьесу. Действие происходит в Тель-Авиве, в доме немолодой зажиточной семейной пары Гиоры (это мужское имя) и Хавивы. Весь сюжет разворачивается в течение одного дня. В начале первого действия служанка, новая репатриантка из России Галина, пытается убедить младшую дочку хозяев, Кинерет, выйти из спальни, в которой та провела всю ночь, запершись с молодым бизнес-помощником своего отца Едидьей. Оказывается, эта пара занималась исключительно изучением Торы и беседами об иудаизме. Как только Едидья ретируется, появляются хозяева дома и начинают составлять список визитов на траурные церемонии. Это особый день – День памяти павших в войнах Израиля и канун Дня независимости.

И в этот чинный тихий дом, как вихрь, врывается Омер, который провел несколько лет где-то на Востоке и все это время не писал и не звонил... Гиора и Хавива приглашают Омера остановиться у них – все-таки они друзья его покойного отца. Пылкий интеллеktуал Омер влюблен в Кинерет, сама она предпочитает святошу Едидью, а ее родителям нравится третий кандидат в женихи – безмозглый молодой миллионер Гури Бен-Синай. Омер к тому же очень раздражает всех тем, что ни к селу ни к городу произносит монологи, в которых гневно клеймит сионизм, колониализм, расизм, капитализм, религиозный фанатизм, глобализацию, эксплуатацию иностранных рабочих и новых репатриантов... – словом, дайджест из передовиц леворадикальной газеты «А-арец» примерно эдак за неделю. «Ты где этому научился? В Индии?» – злится Хавива, а добродушный Гиора примирительно вещает: «Сейчас у молодежи такие разговоры в моде. Он еще остепенится, он повзрослеет»...

Да, вы правильно поняли: перед нами – израильская стилизация «Горя от ума»! В последнем действии пьесы, в полном соответствии с грибоедовским оригиналом, гости съезжаются на бал, который заканчивается грандиозным скандалом. В тель-авивском варианте это пикник на лужайке перед виллой, а гости не кружатся в вальсе, а обедают мясом на гриле. Но в остальном все то же, что у Грибоедова: нетерпимость, лицемерие и страшная, непроходимая глупость.

Однако и Омер, местный Чацкий, на самом деле тоже глуп со своими нескончаемыми претензиями к израильской истории... Хотя если бы меня в школе учила истории такая зануда, как эта самая Хавива, я тоже вряд ли смогла бы вдохновиться идеалами сионизма... Хавива произносит виртуозно составленные из израильских штампов и в то же время совершенно фамусовские монологи на тему «вот то-то, все вы гордецы, / смотрели бы, как делали отцы, / учились бы, на старших глядя» (в израильском варианте «старшие» – это отцы-основатели, которые осушали болота и возрождали пустыню, это кибуц, равенство и братство, скромность в быту, самоотверженный труд и т. п.). Каждый ее монолог заканчивается словами: «Что ж делать, не все такие, как мы!»

Израильский вариант «Горя от ума» написала Майя Арад. Ее комедия называется «Покинутый праведник»^[1]. Это умная, точная и злая сатира на все израильское общество – на левых и центристов, сионистов и постсионистов, светских и религиозных. Но узнаваемые израильские типы выстроены по моделям бессмертных грибоедовских героев и упакованы в элегантные шестистопные ямбы с изящной рифмовкой. Я и не думала, что в современном иврите, развращенном аморфным верлибром, воцарившимся в израильской поэзии с середины 1950-х годов, возможно такое совершенство. В сочетании с восхитительно живым языком все это смешно до невозможности.

Впервые отрывки из «Покинутого праведника» были опубликованы в тель-авивском постмодернистском журнале «О!». Группа молодых поэтов, создавших этот журнал, поставила своей целью возродить традиционные европейские поэтические формы и потому находится в оппозиции к литературному истеблишменту. Истеблишмент же, продолжающий традиции модернизма, считает то, что делают авторы «О!», хулиганством. Так происходит смена литературных школ: старики ратуют за традиционное разрушение классических форм, а молодежь их нахально восстанавливает.

«Покинутый праведник» – характерное проявление процесса, происходящего в израильской культуре: нарастающее разочарование в модернизме и поиски альтернативных возможностей. Ох уж эти многословные и невыносимо претенциозные романы живых израильских классиков с расплывающимся сюжетом и патетически поданной свеженькой идеей типа «Ребята! Давайте жить дружно!». На этом фоне ироничные перелицовки русской классики, сделанные Арад, кажутся необычайно свежими и оригинальными. Израильские реалии на русской классической подкладке становятся страшно интересными и стереоскопичными. Так и хочется сказать: «А-а, вот что это такое! Теперь я вижу!» Русские формалисты называли такой прием остранием.

Майя Арад, преподаватель Стэнфордского университета, родилась в Израиле в 1971 году, русский учила в Гарварде и Женеве, а совершенствовалась в Москве, где открыла для себя «Горе от ума» – в Малом театре. «Я видела этот спектакль пять раз, выучила пьесу наизусть и мечтала перевести ее на иврит, но очень быстро поняла, что это невозможно, – тем более, когда узнала, что сам Авраам Шлионский, переводчик “Евгения Онегина”, после многих попыток отчаялся и отказался от этой идеи, – рассказывает Арад. – Написать новый текст, стилизованный под “Горе от ума”, оказалось легче, чем сделать перевод». «Но почему именно русская поэзия и почему именно первая треть XIX века?» – спросила я. «Потому что в ней есть то, чего нет в современной литературе, – пленительная легкость и веселость», – ответила Майя.

«Покинутый праведник» – вторая книга Майи Арад. Первая – роман в стихах «Другое место, чуждый город» – вышла в том же 2005 году и почти полгода держалась в списках бестселлеров. Четырехстопный ямб, строфы из четырнадцати строк со строго выдержанной сложной рифмовкой, последние строки каждой строфы рифмуются, создавая афористическое заключение.

Сюжет разворачивается в армейской части, дислоцированной где-то в центре Израиля. Это особая часть – «хейль хинух», занятая организацией всяких лекций и экскурсий для солдат. Здесь-то и встречаются новый репатриант из Канады Джей и коренная израильтянка Орит. Наивная Орит по уши влюбляется в загадочного канадца, но он не отвечает на ее чувство. Демобилизовавшись, Орит лишается последней

надежды увидеться с предметом своей любви и впадает в депрессию. Отчаявшись ее утешить, мать-вдова призывает на помощь тетю, давным-давно уехавшую в Канаду. Пускай Орит съездит за океан, немного развлечется... Проходят годы. Джей, докторант на кафедре еврейской философии в Иерусалимском университете, редактирует нудные кафедральные сборники и пишет скучные статьи. Его жизнь пуста. Репатриация в Израиль не придала ей смысла, как он надеялся когда-то... В его памяти всплывает светлое воспоминание – искренняя и беззаветная любовь юной солдатки. Как мог он пренебречь ею? И вот Джей и Орит неожиданно встречаются в кафе: она хороша собой, уже много лет живет в Канаде и сделала карьеру в хай-теке. После недолгой беседы Орит вежливо и равнодушно прощается с Джейем. Пораженный герой плетется домой и в довершение всего попадает в уличный теракт. Осколки стекла, вой сирен, кровь на тротуаре... Придя в себя, Джей отыскивает в старой записной книжке телефон Орит. «К сожалению, они уже улетели», – сообщает ее мать. «Они!» Так она замужем! Все кончено!..

Читатель уже давно догадался, что «Другое место, чуждый город» – это израильский «Евгений Онегин».

Конечно, разница между началом XIX и XX века бросается в глаза. Орит не пишет Джейю письмо – она проводит с ним ночь, но ее любовь остается столь же безответной, а отказ мужчины выглядит еще более обидным. Онегин счел нужным подсластить горечь своего объяснения с Татьяной комплиментами – в современном варианте мужчина отказывает девушке без всякой галантности: «То, что было между нами... неважно, ты меня поняла?» Головокружительное повышение социального статуса героини связано не с замужеством, а с успешной карьерой и, очевидно, соответственной зарплатой. Что перед этим жалкие гуманитарные достижения Джей! В общем, сюжет развивается точно так же, но при ближайшем рассмотрении видно, что за двести лет нравы стали грубее и жестче – наверное, не только в Тель-Авиве...

То, что сделала Арад, можно считать экстремальным вариантом старой традиции: переводить не только слова, но всю систему символов и ассоциаций, отыскивая для них функциональные параллели в другой культуре. Так переводил «Евгения Онегина» гениальный Авраам Шлионский. Например: как сказать на иврите «младые грации Москвы»? На иврите нет слова «грация», и сам этот мифологический персонаж так же далек от израильского читателя, как вся греко-римская мифология. Шлионский переводит: «прелестные московские лани». Лань – старинный восточный символ девичьей красоты, читателю хорошо известный.

Арад идет еще дальше: ее роман не перевод, а диалог с пушкинским текстом (в самом что ни на есть бахтинском смысле). Знакомые типы – но в иных сюжетных сочетаниях. Вместо дуэли – драка, и не из-за виртуального ущерба чести дамы, а из-за политических разногласий. Песне девушек соответствует солдатский хор (стилизация под песни эпохи Палмаха). И т. п.

Майя Арад

Все хорошо, одно плохо: как многие новаторские произведения, старо-новые тексты Арад предназначены для особого круга читателей. Хотя роман «Другое место, чуждый город» получил премию израильского Министерства просвещения, вошел в списки бестселлеров и даже был инсценирован в виде мюзикла – но все-таки... Один знакомый «русский» репатриант рассказывал, как во время армейских сборов ему случайно попался этот роман. Он сидел на лавочке, читал, хохотал во все горло и ужасно расстраивался, что ему не с кем поделиться своим праздником. Все подходили к нему, интересовались, чего это он так веселится, читали полстраницы – и отходили разочарованные. Израильтянам был неизвестен пушкинский оригинал, а «русским» непонятен изысканный иврит и пародийные реминисценции из истории ивритской литературы – от Бренера и Рахель до А.-Б. Иегошуа. А ведь «Онегин» все-таки переведен на иврит. Что ж говорить о «Покинутом праведнике», гораздо более холодно принятом критикой и читателями!

В иврите есть выражение: «наслаждаться двумя мирами». Видимо, что-то в этом роде имел в виду Бахтин, когда писал, что все великие культурные свершения происходят «на границе», на стыке разных культур. Но можно ведь и провалиться в зазор, в складку между языками и культурами – такое случается и с текстами, и с людьми.

Скорее всего, именно по этой причине две последние книги Майи Арад – «Семь пороков» (2006) и «Картинки семейной жизни» (2008) – написаны опрятно и изящно, но в гораздо более традиционной манере: не в стихах, а в прозе, и без ориентации на русскую классику. Это добротные сюжетные тексты, без той экстравагантной пародийности, которая так отличала ее первые книги. Как будет дальше развиваться ее творчество? Увидим – ведь она молода и талантлива...

МОРФОЛОГИЯ СЕМЕЙНОЙ САГИ

Меир Шалев

Фонтанелла

М.: Текст; Книжники, 2009. – 797 с. (Серия «Проза еврейской жизни».)

«Вот девочка Айелет, и кудри как огонь». Она держит паб в Хайфе, работает как вол и меняет кавалеров, как перчатки, – кроме того одного, который сам ее бросил, и его-то она не может забыть. А в небольшом городке в Изреэльской долине живет ее Семья. Брат-близнец, который денно и нощно лежит на диване и никуда не отлучается из дома – вдруг придет та единственная, кого он ждет, и не найдет его. Отец, ежеминутно тоскующий по женщине, которая вытащила его, пятилетнего мальчика, из огня, и заменила ему мать, и стала его возлюбленной, и которую он не видел уже сорок лет. Бабка, чьей главной любовью всегда был здоровый образ жизни. Бабка двоюродная, которая хотя и не может спать одна, но никогда не изменяет своему Парню, погибшему на самой заре их брака. Двоюродный дед, роющий подземный город и с юности работающий не покладая рук, чтобы обеспечить Семью – в уплату выкупа за свою красавицу жену, которую он не выпускает на солнечный свет, храня ее красоту. Прадед, из былого великана превратившийся в сморщенного гнома, который каждую ночь криком, разносящимся по всей долине, зовет свою умершую жену: «Мама, мама!» И наконец, примкнувший к Семье скрипач Гирш Ландау, влюбленный в прабабушку и ждавший смерти своей жены и смерти прадедушки, чтобы жениться на любви всей своей жизни; однако прабабушка умерла, а прадедушка жив, и овдовевший скрипач поселился с ним, и варит ему суп, и делает картофельное пюре.

Как и другие романы Меира Шалева, «Фонтанелла» – это книга о Большой любви. Ею страдают и ею счастливы все главные герои – каковых в романе множество. Этих героев – как любых неоднородных персонажей – можно видеть по-разному. Но безусловно то, что автор писал книгу не о деспоте и манипулянтке, нимфоманке и шизоиде, фригидной зануде и инфантильном эгоцентрике, а о homo amans в разнообразных его ипостасях.

Как и другие романы Шалева, «Фонтанелла» – это семейная сага, написанная в лучших традициях магического реализма («Сто лет одиночества» минус морбидность плюс скрипочка, хумус и Война за независимость). Как обычно у Шалева, в наличии

есть все необходимые элементы жанра. Первопредки с полунарицательными именами: Апупа и Амума. События мифологического прошлого, лежащие у истоков семейной истории и доступные только в легендах, причем разных изводов: «Великий поход», когда Апупа нес Амуму на закорках через всю Землю Израиля, а она указывала ему путь, а под конец – место, где они основали свое поселение. Гиперболизация в основном, авторском нарративе – усохший дедушка-патриарх, лежащий в инкубаторе для цыплят, – и в нарративах персонажей, в квазибиблейской риторике, относящейся к хронологически или географически иным сегментам семейной истории: в далеких степях России живет большое племя русских родственников Семьи, и все они «высокие, как кедр, сильные, как дубы, и бороды у них еще длиннее и белее моей, и пояса широкие, как простыни, а кулаки большие, как арбузы, и такие сапоги, что вы, мои ангелочки, могли бы в них спать совершенно свободно». Магические способности: главный герой, своим родничком предугадывающий будущее. Инцестуальные отношения: Рахель, в постель которой – после смерти ее Парня – отправляли всех юношей и мужчин в семье. Мифологическая бинарная хронология и топография: «те времена» и настоящее, Двор Семьи на холме и поселение у подножия холма, в долине, – и столь необходимые для псевдокосмогонии магического реализма классификации предметов и, главное, людей, которые делятся на членов Семьи и их родственников, просто однофамильцев и всех прочих, а также на порядочных людей и тех, у кого – вполне в русле павичевской эпитетной традиции – «одна щека выше другой».

Поддавшись этой склонности к бинарным классификациям, скажем, что все писатели делятся на тех, кто любит своих героев, и тех, кто, скажем так, терпит их; зачем только создавали? (Как говорила одна веселая рыжая девушка: родила ребенка, для кого – не знаю.) На тех, кто создает свой мир, и тех, кто так или иначе паразитирует за счет реальности, всем данной в ощущениях и чем там еще бывает. А также на тех, кто, повторяясь в каждой новой книге, истощает свое писательское обаяние и читательское терпение, и тех, кто расцветивает новыми красками знакомые витражи и преумножает красоты своего художественного мира. Шалев относится к первым, первым и вторым, и его «Фонтанелла», пусть местами затянутая, пестрящая излишними повторами и вводящая неоправданные и чуждые эпосу приемы метатекста, являет собой прекрасный и редкий пример пятого романа автора, по всем основным параметрам повторяющего предыдущие, но читающегося отнюдь не хуже.

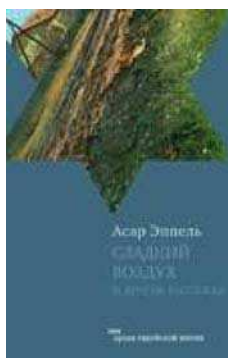
Гиля Лоран

ПОДНЯТАЯ АТЛАНТИДА

Асар Эппель

Сладкий воздух и другие рассказы

М.: Книжники, 2009. – 432 с. (Серия «Проза еврейской жизни».)

Мир Асара Эппеля похож на вселенную после Большого взрыва: постоянно раздуваясь, прирастая изнутри новыми подробностями, лицами, запахами и звуками, он в то же время неизменно остается замкнутым, закрытым, ограниченным в пространстве и времени. Географические границы этого мирка пролегают по трущобно-барачным немощным улочкам московской окраины – то ли Владыкино, то ли Останкино, теперь уже толком не разберешь. Хронологические рубежи – от 30-х до 50-х годов прошлого века – собственно, до того момента, когда, подобно Атлантиде, весь этот утлый край навеки сгинул под волнами панельной застройки.

Не город и не деревня, житье не временное, но и не постоянное, лишенное основательности и корней, но наделенное при этом странным очарованием нищенского, грошового уюта, эппелевское предместье – такая же полноценная «островная вселенная», как бабелевская Одесса, фолкнеровская Йокнапатофа или, скажем, искандеровский Мухус. Впервые взявшись осваивать этот причудливый хронотоп в своем знаменитом сборнике «Травяная улица», писатель вновь и вновь возвращается туда. Сборник «Сладкий воздух и другие рассказы», выпущенный издательством «Книжники», – очередное такое возвращение на родное пепелище, еще одна вылазка на заповедную территорию детства-юности за новой порцией мусорных сокровищ, не имеющих ценности в чужих глазах, но под взглядом Эппеля начинающих источать теплый золотистый свет.

Впрочем, на сей раз Травяная улица оборачивается к читателю какой-то новой своей стороной – чуть более мрачной, тревожной и щемящей, чем прежде. В войну, в кромешной тьме выстуженного жилища умирают от холода, голода и – главное – от нежелания жить пожилые муж с женой – когдатошные веселые выходцы из южного еврейского захолустья, прибывшие в столицу для того, чтобы начать здесь новую – конечно же, лучшую – жизнь («Сидящие во тьме на венских стульях»). Не в силах простить себе недавнюю смерть своего ребенка, топится в перегретом пригородном пруду стационарный щеголь в белых парусиновых туфлях («Июль»). С жалкой обреченностью доказывает грубому и глупому любовнику собственную непорочность молодая вдова («Вы у меня второй»). Страшной, мертвящей враждой оборачивается пустынная размолвка между двумя лишившимися сыновей отцами – бесчувственным старообрядцем Никитиным и беспомощным пустомелей евреем Хиней («Два Товита»).

Былая патриархальная идиллия, ощущение неожиданной и от того особенно дивной гармонии безалаберного слободского бытия, свойственное предыдущим книгам цикла, прорывается в нынешнем сборнике лишь изредка – буквально в двух-трех текстах. Ленивым, смутным и сладостным томлением плоти пронизана новелла «Чулки со стрелкой», в которой выжига-галантерейщик прельщает шелковыми чулками соседскую девочку-подростка – в надежде полюбоваться ее молодым, не до конца сформировавшимся телом во время примерки. Ослепительным торжеством разума, науки и прогресса лучится самый оптимистичный (а возможно, и лучший) рассказ

сборника – «Пока и поскольку», воспевающий немислимые технологические свершения местного учителя физики с диковинным именем Самсон Есеич. Шутка ли – в середине 50-х собрать из подручных средств холодильник, а в центре барачной комнатенки выстроить собственный индивидуальный сортир! Неудивительно, что сердце красавицы Таты Раскиной не может устоять перед мужчиной, наделенным такими талантами.

Однако пересказывать рассказы Эппеля – занятие заведомо неблагодарное. О чем бы ни шла речь, «что» у этого автора неизменно оказывается куда менее важным, чем «как». Плотный, под завязку набитый любовно извлеченными из небытия вещами, словечками, характерами, мир Эппеля живет, дышит и ворочается по законам настоящего, реального мира. А это значит, что идеально закругленные, искусственной красотой красивые сюжетные конструкции в нем не то чтобы совсем невозможны – скорее просто не нужны. Поэтому не перерастает в серьезное чувство случайный обмен взглядами в набитом автобусе («Неотвожа»), а припрятанные под стропилами пачки денег оказывается физически невозможно извлечь тогда, когда они нужнее всего («Пыня и юбирия»).

Именно в этом сугубом, почти мелочном внимании к частностям, к деталям, к самой ткани бытия – переливчатой, струящейся, зыбкой и в то же время совершенно осязаемой – заключено главное обаяние эппелевской прозы. Силой слова он – пусть ненадолго, пусть всего на несколько мгновений – поднимает со дна свою затонувшую Атлантиду. И на эти мгновения мы можем слышать призрачные голоса, вдыхать давно рассеявшиеся запахи и видеть, как сквозь нелепо пафосное название нынешней улицы Красной Сосны проступает силуэт сосны настоящей – одинокой и пронзительно красивой, некогда росшей на этом месте и подарившей ему свое имя.

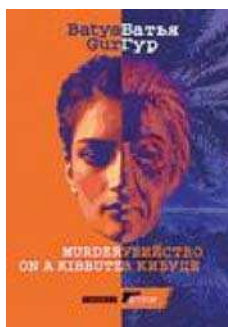
Галина Юзефович

ДРАМА ИЗ КОЛХОЗНОЙ ЖИЗНИ

Батья Гур

Убийство в кибуце

М.: Текст; Гешарим, 2009. – 418 с.

Середина 80-х годов прошлого века. Антон Морозов приезжает на пятидесятилетний юбилей родного колхоза «Свет Ильича». Много лет назад он покинул деревню из-за обиды: его невеста, красавица Оксана, предпочла ему другого, а

председатель не захотел дать Антону рекомендацию для поступления на юрфак (мол, хозяйству больше нужны агрономы и ветеринары). Теперь же все изменилось: Антон – популярный юрист, депутат Верховного Совета СССР, а Оксана стала зампредседателя колхоза и успела овдоветь (муж погиб в Афганистане). Герой ловит себя на мысли, «что еще одно лето позади, и какое-то нежное, поэтическое чувство потеснило в его душе привычную осторожность и расчетливость». Движимый упомянутым нежным чувством, Антон заводит тайный роман с вдовой-красавицей. Хотя женщина и отвечает депутату взаимностью, она предпочитает обсуждать с ним не будущее семейное счастье, но планы грядущей реорганизации и модернизации вверенного ей хозяйства в духе ускорения, перестройки и хозрасчета («Наконец без каких бы то ни было мыслей о предстоящем сексе она под села к нему, чтобы показать таблицу с цифрами о подушном доходе»). Антон чувствует, что былая любовь завяла вместе с помидорами, но не успевает объясниться с Оксаной: реформаторша погибает от удара сенокосилкой, и это не несчастный случай, а хладнокровное убийство. Приехавший из города следователь по особо важным делам Михаил Окунев озадачен. До сих пор тяжкие преступления в колхозах были в диковину (преобладали обычные драки), а главное, непонятно, как вести следствие. Ведь колхоз – одна большая семья: все про всех знают, но предпочитают не выносить сор из избы. Тем временем убийственная сенокосилка до сих пор не найдена, и это означает, что число жертв может увеличиться...

Замените в этом пересказе сюжета колхоз на кибуц, Верховный Совет СССР на кнессет, Антона Морозова на Аарона Мероза, Оксану на Оснат, Афганистан на Ливан, Михаила Окунева на Михаэля Охайона, а сенокосилку на пузырек с ядовитым пестицидом – и вы получите сюжет романа Батьи Гур (1947–2005). Во всех аннотациях эту почтенную домохозяйку (ранее на русский язык переводились еще два ее детективных романа) упорно называют «израильской Агатой Кристи». Это, на наш взгляд, безосновательно, так как романы Батьи Гур ориентированы вовсе не на британскую, но на советскую традицию, и потому писательницу следовало бы именовать даже не израильской Александрой Марининой, а израильским Вилем Липатовым или, еще лучше, израильским Семеном Бабаевским. Покойные создатели «Кавалера Золотой Звезды» и «Деревенского детектива», приди им в голову мысль писать в соавторстве, легко могли бы сочинить нечто в этом роде: тягучее, как патока, унылое, как осенняя распутица, и звонко-жестяное, как фельетон в «Правде» раннегорбачевских времен, – об отдельно взятых камешках на светлом пути в будущее.

С точки зрения законов жанра роман не выдерживает никакой критики. Преступник и его мотивы вычисляются сразу, едва персонаж возникает перед читателями, а сыщик Михаэль Охайон не обрабатывает ни единого аванса, выданного ему романисткой: он вял, медлителен, не дружен с дедукцией и элементарно не способен понять, что причину убийства активистки и реформаторши искать следует, разумеется, в сфере общественных отношений. И любовь, и ревность, и выгода – все это слабенькое топливо для подлинной Драмы идей: на кону судьба всего колхозного движения, так что преступление, конечно же, спровоцировано борьбой лучшего с хорошим, пусть и помноженной на еврейский темперамент.

О художественной ткани романа трудно рассуждать – хотя бы оттого, что перевод, по всей видимости, сделан не с иврита, а с англоязычной версии романа. Даже если в оригинале и скрывалась какая-то изюминка, она рассыпалась в прах, пройдя сквозь двойную терку. Частые стилистические перлы («она предпочитала игнорировать физическую сторону жизни», «голова его опиралась на вязаную салфетку», «который всем видом говорил, что будет только рад услышать...» и др.) не способны встряхнуть утопающее в ненужных подробностях и скучное до зевоты течение сюжета. Хотя,

заметим, иногда читатель все-таки не может не проснуться: «Даже если ей и удалось обрести ощущение хоть какой-то безопасности, думал Аарон, оно было сильно поколеблено гибелью Ювика, чьи загорелые ноги смотрели на него из-за стекла большой фотографии...» Если эти жуткие загорелые ноги с глазами рождены на свет не Батьей Гур, а переводчиком книги Константином Лукьяненко, следует пожалеть о том, что однофамилец автора «Ночного дозора» не попробовал своих сил в научной фантастике.

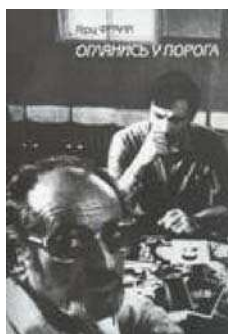
Роман Арбитман

АЙЕКА?

Герц Франк

Оглянись у порога. Публикации разных лет

М.: Эйзенштейн-центр, ФГОУ «ИПК работников ТВ и РВ», 2009. – 406 с.

«Когда Адам и Ева вкусили с Древа познания запретный плод, они вдруг устыдились своей наготы и спрятались в зарослях райского сада.

– Айека?! – раздался грозный голос Создателя: “Где ты?!”

Мудрецы толкуют вопрос “Айека?” философски: не “За каким фиговым деревом ты спрятался, голубчик Адам?”, а “Где ты в этом мире, грешный человек? Куда идешь?”»

Что такое еврейский взгляд? Описание евреев? Обсуждение еврейских проблем? Все это прекрасно могут делать (и делают) неевреи. Есть вполне себе алахические евреи – писатели, в произведениях которых бегают евреи, но только еврейский взгляд отсутствует. Да, но что такое «еврейский взгляд»? Не претендуя на точность дефиниции (едва ли она и возможна), скажу так: это способность включить впечатление, событие, идею – в еврейский контекст, причем не намеренно, а естественным образом – как-то так само получается. Если еврейское растворено в твоём сознании.

Вот Герц Франк – художник, работающий на не знающей границ мировой сцене, без какого бы то ни было специального еврейского акцента, никогда не обращающийся специально к еврейской аудитории, – вспоминает в предисловии к своей книге «Оглянись у порога» историю с «айекой»; ничего такого библейского и

еврейского: для него это первая попавшаяся под руку метафора. В том-то и вопрос: каждому ведь из нас попадают под руку свои метафоры, у кого какая близко лежит.

И как Франк эту историю рассказывает? Не яблоко, естественное для христианской традиции, а фи́га, естественная для еврейской. И «айека» – он ведь не образованность свою хочет продемонстрировать: текст на иврите для него первичен и привычен. И «мудрецы» («хазаль») – слово еврейского культурного обихода. И сама история эта еврейская, хотя он об этом и не упоминает.

Вообще говоря, восходит она к Алтер Ребе – Шнеуру-Залману из Ляд – первому хабадскому ребе. По ложному доносу он был заточен в Петропавловку. Однажды к нему в узилище заглянул высокопоставленный царский чиновник (в фольклоре сам царь, и художественно это точно: мудрец и царь, еврейский мудрец и русский царь) и, желая поставить в затруднительное положение, спросил: как же так, Всевышний всезнающ, не так ли? что ж это Он спрашивает? выходит не знает? Вот ребе ему ответил. Мне, кстати, сейчас только пришло в голову, что вопрос «царя» в каком-то смысле идентичен знаменитому «библейскому» вопросу Смердякова Григорию о свете и светилах: почему свет раньше? Мудрец Григорий, в отличие от еврейского мудреца, ответил пытливому библеисту заушением. Ответ не пустой, заслуживающий внимания.

Франк вспоминает библейский текст и драш к нему вовсе не в связи с религиозным и национальным. Он говорит о киноведах, ориентированных не на выставление оценок, а на понимание, – они помогают ему ответить на вопрос «айека?», обращенный к самому себе.

Франк, если кто не знает, известен и даже знаменит во всем мире, во всяком случае во всем кинематографическом мире, увенчан всевозможными фестивальными наградами, классик художественной документалистики, один из живых ее символов, каждая новая работа – культурное событие, впечатляющий, в высшей степени ободряющий и стимулирующий пример того, что насыщенность годами вовсе не обязательно ослабляет творческую активность.

В России более всего известен фильм «Высший суд» (1987) – попал в акупунктурную точку общественного интереса, был показан в телевизоре, имел большую прессу, широко обсуждался. О человеке, совершившем тяжкое преступление и приговоренном к смертной казни. Большая часть фильма – в камере смертников. В ожидании смерти человек переосмысливает свою жизнь, меняется. Разговоры преступника с Франком – попытка разобраться в себе, ответить на вопрос «айека?», «оглянуться у порога» – еще одна проекция названия книги. Фильм завершается опустевшей камерой. Казнили уже не того человека, который совершил преступление. В моратории на исполнение смертной казни в России есть заслуга и Франка. Естественно, в книге много об этом фильме говорится.

Книга «Оглянись у порога» содержит статьи и выступления Франка разных лет, заявки на фильм, литературные записи фильмов. Статьи разных авторов о творчестве Франка – они не выделены в единый блок, что создает эффект живого разговора. Франк не только хорошо снимает, но и хорошо говорит, хорошо пишет.

В фильме «Человек Котеля» (1998), также представленном в книге, главный герой – Котель (Стена Плача). Котель: народ и народы, Израиль и весь мир. Красота. Молитва. Улыбка. Слезы. Конфликты. Одиночество. Политические страсти. Пошлость. Что ж делать, коли есть пошлость. Улыбнемся и разведем руками вместе с Франком:

«Мы уже столько плакали перед этой Стеной, что можем позволить себе и улыбнуться».

Михаил Горелик

ВЫДАВЛИВАЯ СОВКА

Валентин Бейлинсон

Советское время в людях

М.: Новый хронограф, 2009. – 488 с.

Осмысление феномена советскости и советского человека до сих пор остается одной из ключевых проблем, какой бы сферы мы ни касались: истории, культуры, религии, философии, социологии, антропологии. Именно в этом аспекте книга Валентина Бейлинсона, известного историка и педагога, заслуживает особого внимания. Ее можно рассматривать как автобиографию, как опыт самосознания, как свидетельство об исторической эпохе. Впрочем, последнее определение нуждается в существенном дополнении: история здесь не отделена от личности. Речь идет не просто о жизненных впечатлениях, событиях, фактах – они становятся значимы для автора прежде всего как знаки переживания эпохи. Иными словами, человек пропускает историю через себя.

Бейлинсон пытается определить суть «советского». Существенные черты строя, социальной системы как бы примеряются на себя. Личное здесь – опора и основа исторического осмысления. Это путь от частного к общим проблемам эпохи. Собственно, поэтому Бейлинсон по существу пишет не мемуары, а исследование.

Что дает основу сопротивления или «самостояния», что позволяет противостоять навязанному временем – вот вопросы, занимающие автора в первую очередь. Начала как советской безликости, так и отторжения от советского образа жизни лежат в семье:

Я знал семьи партийных «ответработников», которых мама ставила деду, да и отцу, в пример. Дома у них <...> было пусто, как в казарме. Не в смысле режима, а по духу и назначению... Эти «ответработники» любили поговорить об отмирании семьи, ее враждебности новому коммунистическому быту. Такие «ответработники» <...> почему-то упорно замалчивали одну тему: происхождение и образ жизни своих родителей и прародителей. Обычно они обрывали все связи, не впуская родителей в

свои дома и семьи. Я уже тогда заметил: если в каком-либо доме с любовью и восхищением говорят о своих родителях, бабушках и дедушках, значит, это – хорошая семья, настоящие люди.

Книга открывается главой «Корни». Бейлинсон рассказывает о семье и в первую очередь даже не о родителях, а как раз о прауродителях, о поколении не отцов, а дедов. Он ищет опору самостояния во времени до советской эпохи. Главными фигурами оказываются дед и бабушка с материнской стороны.

В бабушке, Марии Соломоновне Аксельрод, подчеркиваются любовь и религиозность. Она – средоточие семьи.

Отец бабушки, Соломон Аксельрод, был раввином и европейски известным теологом, а по положению – богатым сановником. Бабушка была в его многодетной семье старшей дочерью. В ранней юности, потеряв мать, бабушка стала маленькой хозяйкой большого дома, управительницей владений отца. Из-за этого бабушка, в отличие от своих братьев и сестер, почти не училась; все ее образование – два класса гимназии. И всю жизнь оставалась малограмотной. Читала только религиозные книги.

В деде выделяются воля, знание и ум. «Самая значительная фигура – это мой дед», – пишет Бейлинсон. Александр Самойлович Алуф – сын полоцкого ремесленника (впрочем, ремесленника непростого – прадед увлекался русской литературой и театром, был активным деятелем кадетского движения). Брат деда – Исак Алуф – окончил Берлинский университет. Врач-психиатр, лейб-медик великой княгини Елены Павловны, полковник во время первой мировой – но также член РСДРП, переписывавшийся с Лениным и Плехановым, член ВЦИКа, основатель медицинского института в Казани, он по строю характера и привычкам отличался от советских функционеров. Разговоры с Исаком Алуфом – по существу, первые уроки противостояния советскому режиму.

Александр Самойлович – фигура тоже весьма незаурядная. По мысли отца, один из его сыновей должен был стать профессором, другой – сапожником. В сапожной мастерской Александра Алуфа обнаружили политические прокламации, и он попал в Оршанскую тюрьму. Тюрьма, окружение политзаключенных – его первый университет («здесь <...> он научился абсолютно грамотно писать и говорить по-русски, овладел латынью, изучал химию и историю»). Из тюрьмы его спасла (подкупив охранника) Мария Соломоновна. Начались скитания. В Швейцарии он поступил в Бернский университет на химический факультет, стал доцентом. Затем в Англии возглавлял крупную фармацевтическую компанию, был членом РСДРП, после революции – организатором и первым начальником Главного управления медицинской промышленности, профсоюзным деятелем.

Старшее поколение, поколение дедов, задает тон. Они, собственно, и есть семья. Они «более настоящие», чем представители поколения отцов. Общение с ними определяет отношение к власти и к происходящему в стране. Вот один из значимых эпизодов книги. Отец автора (тоже «ответработник») с восторгом рассказывает, как перевыполняется норма коллективизации. Когда довольный собой и советской властью отец замолкает, вступает дед:

– Скажите, Гриша, какое у вас образование? Четыре класса гимназии и академия, в которой вы фактически не учились, так как были секретарем парткома. Какая у вас специальность и сколько вы по ней проработали? Что вы сами лично создали? В чем вы умелец и знаток? И вот вы переворачиваете вверх дном всю жизнь крестьянства, да еще под какие-то нормы и проценты. Откуда такая смелость берется? Вы ведаете, что творите? Чему вы радуетесь?!

Выдуманный, абстрактный, ни на чем не основанный, ни в чем не укорененный советский мир обнаруживает свою бесчеловечность при сопоставлении с настоящим – настоящим знанием, умением, опытом, образом жизни и жизненными ценностями. Советское выступает как сфера отчуждения, как стирание и нивелирование всего того, что определяет подлинное существование, что делает любовь – любовью, семью – семьей, знание – знанием. Поэтому изживание советского несводимо к критике идеологии или политики, к чистому умознанию. Это глубоко личный опыт, напряженная борьба за то, что, собственно, и делает человека человеком. Этот опыт и представляет Бейлинсон в своей книге.

Николай Александров

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2009 КИСЛЕВ 5770 – 12(212)
ЗАЗЕРКАЛЬЕ АЛЕКСАНДРЫ ПАПЕРНО

Лиза Плавинская

Амбициозная московская галерея GMG в ближайшее время показывает выставку самой молодой из знаменитых московских художниц Александры Паперно. И это не только новая встреча с гарантированно чарующими произведениями, но и повод задуматься на самые разные темы.

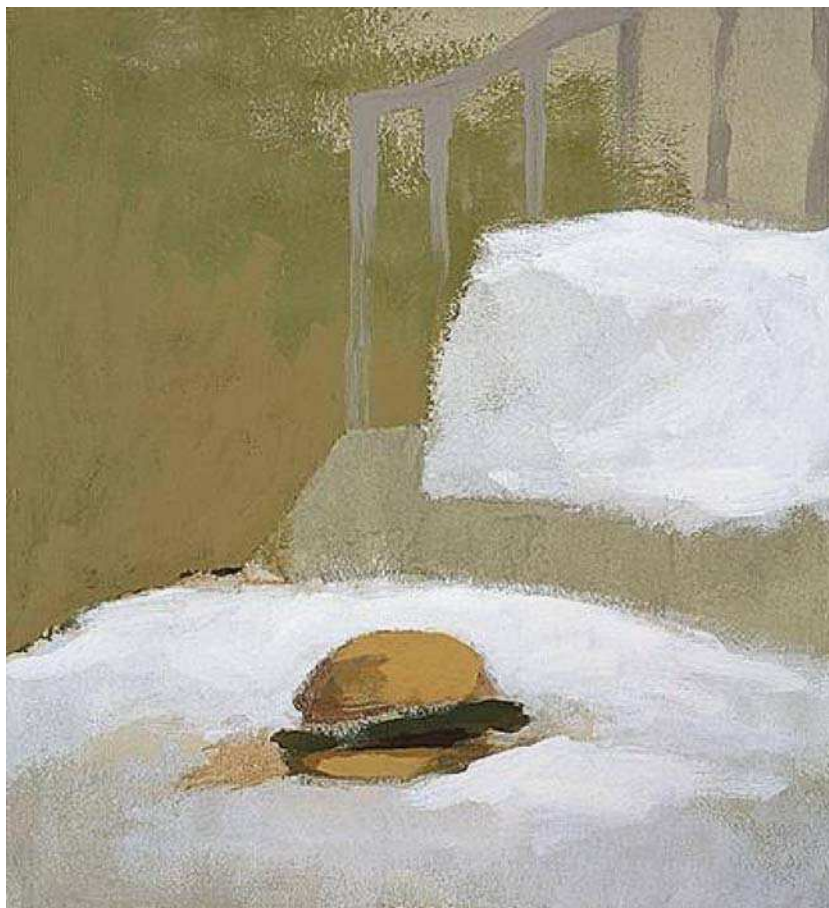

Птицы

Когда одним знаменитым художником в городе становится больше, это замечательно, потому что город от этого ярче, а культура актуальней. Не то чтобы в Москве появлялось мало новых художников, каждый год дает нам несколько возвращенных для истории имен, одно-два имени мастеров из других российских городов и охапки молодых художников, которым еще только предстоит стать именами и событиями. Александра Паперно исключение в московском пейзаже. Она резко ото всех отличается, на что есть причина: выросла в Нью-Йорке и до последнего времени являлась единственной представительницей нью-йоркской школы живописи на русской

почве. Но важнее другое. Александра редкий из молодых художников, которому определение «молодой» дано без изъяснений: без вторичности стиля, без невыраженности позиции, без зависимости от окружающих взрослых. Наверное, свой кризис идентичности она еще переживет, но сейчас перед нами художник, чьи произведения дают прекрасный повод для полноценных рассуждений. Художник, чье присутствие в Москве не только возможно, но насущно, что и подтверждается ее выставочной историей.

Первая персональная выставка в Москве – ГЦСИ, 2004 год. Крупнейшая художественная институция России предоставила в первый и, насколько мне известно, последний раз свои залы для персональной выставки молодого художника. Вторая персональная выставка – галерея «Стелла» (2006), на тот момент одна из самых влиятельных и наиболее богатая в Москве, открывшаяся выставками Ильи Кабакова. Третья персональная выставка Александры Паперно прошла в залах Музея современного искусства в Ермолаевском, в рамках специальной программы Третьей московской биеннале. Такое бывает только в спорте и в музыке, когда молодой человек оказывается звездой, равной взрослым, и выдерживает этот уровень, не ломаясь, как свойственно молодым художникам, а продолжая работать на удивление стабильно и интересно. Мы уделяем этому феномену такое внимание, поскольку молодых художников обычно делают кураторы, но Паперно — другой случай, кураторы для нее не более чем друзья, которым посчастливилось работать с таким хорошим материалом.

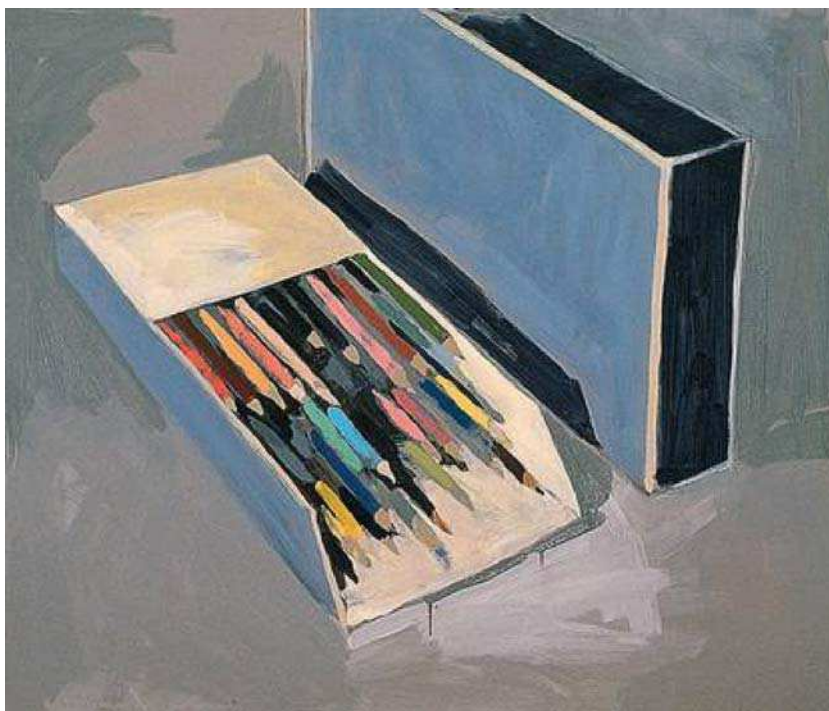
Без названия

Фамилия Паперно в Москве говорящая. В первую очередь из-за знаменитого музыканта, режиссера и клубного деятеля Алексея Паперного. Каждый раз, когда Александра оказывается в каком-нибудь из клубов Алексея, возникает вопрос: не

родственники ли они. И конечно, буря хохота: нет, не родственники. Старшее поколение в Москве знает также журналиста Михаила Паперно (папу Александры). Любители архитектуры и культуры – Владимира Паперного, автора книги «Культура 2». Как рассказал Александре нью-йоркский профессор Джан Берто Ванни, все Паперно родственники, хотя существуют разнообразные вариации этой довольно распространенной еврейской фамилии. И происходит фамилия, по легенде, из Италии, на территорию которой патриархи рода перебрались вскоре после падения Трои. Так что Паперно едва ли не свидетели основания Рима. Но если говорить серьезно, пытаясь выяснить еврейские корни фамилий современных европейских художников, мы неминуемо сталкиваемся с тем, что корни эти отсылают нас к самому что ни на есть легендарному европейскому Средневековью. Интересно, что та же процедура по отношению к американским художникам обнаруживает их еврейские корни непременно на территории России в самом широком смысле этого понятия, то есть в Белоруссии, Прибалтике и Украине. Самоидентификация еврейской современной культуры как молодой совершенно не отменяет огромного влияния евреев на формирование европейской культуры на протяжении веков. И это вопрос, который, конечно, будет становиться все более актуальным. В этом смысле русскую или, скажем, японскую культуру постигла та же участь. Их длительное влияние на Европу только в последние годы начинает рассматриваться учеными как нечто существующее.

Но вернемся к Паперно. Родившись в интернациональном СССР, или, правильнее было бы сказать, вненациональном, она не ассоциировала себя с еврейской традицией. Скорее с советской. (Момент еврейской самоидентификации для Александры оказался редкостно забавным. Однажды дома девочка узнала, что она — еврейка. Ей это показалось удивительным и очень лестным знанием о себе: Александра решила, что она в этой стране вроде как... иностранец. Через некоторое время бабушка спустилась во двор за ушедшей гулять внучкой и обомлела: толпа детей водила хоровод и распевала во весь голос: «Я еврей, я еврей, я еврей...»)

В 13 лет Александра Паперно с родителями переезжает в Нью-Йорк, один из крупнейших в мире еврейских городов. В поле изобразительного искусства это видно особенно отчетливо. Как иногда в шутку говорят в Нью-Йорке, если бы не нацизм, современного искусства в Америке не было бы вообще. Это правда. Североамериканское изобразительное искусство до 1930-х годов отличалось исключительной консервативностью, а после 1933-го здесь начинается бурный расцвет абстракции и прочего художественного экспериментаторства. Это привезли евреи. Разговор этот к Александре Паперно имеет прямое касательство, так как ее художественное образование — маленький престижный колледж на Манхэттене, Соорег уион, отличающийся от прочих художественных университетов тем, что в нем как нельзя более целостным сохранился дух разогнанного фашистами Баухауза. Важный и интересный аспект состоит здесь в том, что сама история – а не участники событий – внесла национальные акценты в подобные рассуждения. Хотя, конечно, в искусстве модернизма главной была не национальная принадлежность, а стремление к экспериментам. Подспудно или осознанно, но в новом, глобализованном мире вопросы миграции отдельных культурных традиций и вопросы сохранения сокровищ цивилизации в национальных идентичностях становятся необыкновенно интересными и очень волнующими.

Цветные карандаши

Первые тексты о живописи Александры Паперно теперь выглядят анализом работ вундеркинда: «Мир, данный в картинках. Там, где по школьной программе должен был бы быть мир, данный нам в ощущениях. Мир не настолько близкий, чтобы быть обозримым и тактильно освоенным. Но в части, исследованной личным опытом, сразу становящийся фетишем — детским воспоминанием, более вещественным, чем любая окружающая реальность. Здесь пальма — фонтан, а душ изливается не меньше чем Б-жественным лучом серо-белого света».

Детское восприятие, столь важное для становления и развития модернизма как системы. Детское видение, облюбованное и постмодернизмом. Детское творчество как чистое, нерациональное и спонтанное, в варианте Паперно становится строго обязательным, практически научным полем до изнеможения отрефлексированных, точнейших профессиональных решений. В ее манере нет ничего детского, и тем не менее мало кто из взрослых подбирался так близко к этой загадочной и неуловимой стране.

Александра Паперно делает все очень по-взрослому, даже в мастерской у нее такое ощущение, что попал в гости к мэтру давно прошедших времен. Если это и может быть названо детским восприятием, то все в этой эстетической системе перевернуто, как в зазеркалье. Единственная позиция, не перевернутая с ног на голову, — чистота. Чистота взгляда на мир, чистота удивления от прохождения реальности до образа, который в произведении сведен до степени нейтрального проводника. Но если ребенку-вундеркинду угрожает стать взрослым, то Паперно это пока не коснулось. Она плавно переключалась от чистоты детского восприятия к чистоте юности и, несколько погрузнев, к прохладной душевной чистоте взрослого человека.

В GMG будут собраны совсем новые произведения Александры Паперно. Самые удивительные из них — входящие в серию «Птицы». Большие-большие холсты переливаются перламутром неразлично-серого, и в этом перламутре разлетаются с

клеткотом (почти буквально слышимым) сотни птиц. Можно, конечно, вспомнить Хичкока, но не как отца кинематографической концепции хоррора, а как певца стиля и строгости. Александре Паперно это тоже в высшей степени свойственно.

Ее картины становятся все проще, что сообщает ощущение невероятной открытости. Основное здесь то, что ставшая нам привычной позиция художника-провидца-гения, который читает нотации зрителю, меняется. Зритель, от которого требовали активности последние лет двадцать, а он побаивался и, по большому счету, оставался жертвой художественных экспериментов, теперь реабилитирован. Зритель совершенно равен художнику в своей возможности почувствовать себя свободно. Позиция художницы глубоко этична и по-хорошему моральна, ибо Паперно говорит, в сущности, о том, что простое – ужасно сложно.

Базовая территория первого этапа ее творчества – воспоминания, трансформированные из рая на земле (позиция очень популярная у художников второй половины XX века) в утопию, когда настоящее, в виде созерцаемого сейчас предмета, позиционируется как воспоминание и от этого перемещается в мир, которого нет вовсе (утопию). Ныне воспоминания отброшены. Смелый шаг, если учитывать, что это была страна обитания ее творчества. Воспоминания замещаются опытом. Настоящее перенаправляется в будущее. Картины 2009 года, переломного в творчестве Паперно, стали свободнее и раскованнее, и, главное, в них появилась интенция соучастия, невозможная на поле воспоминаний. Нам нечего делать в чужих детских фотографиях, как только вспоминать свое детство, не найти себе места и в чужом душе или цветке на чужом подоконнике. Но коробка с карандашами – это приглашение совсем другого рода, как и стаи разлетающихся птиц, и глобусы. В эти путешествия мы, зрители, уже можем отправиться с художницей вместе.

Душ

На какие размышления это наводит? Все мы ищем лица нового тысячелетия, в котором прожили почти уже десять лет. И по жизни современной молодежи, по охам и ахам стариков, по произведениям некоторых из современников, в том числе Александры Паперно, единственное, что мы можем сказать: при всем уважении, старый мир утерян безвозвратно. Есть, конечно, все то, что было в предыдущих веках, особенно в XX-м, но все уже слишком по-другому, это во-первых. И во-вторых, очень трудно различимы эти явно присутствующие, тем не менее, корни...

Мы свидетели случившегося, а не начинавшегося, как было во времена кубизма, рождения новой эры в человеческой цивилизации. Все, что было еще только вчера, вдруг оторвалось и исчезло, превратившись из точных знаний в культурный субстрат, нечто неразличимое, прекрасное и невероятно далекое. Удивительный мир 2009 года заставляет нас заново прописывать базовые понятия, как будто человечества до этого и не было вовсе.

Государственный центр современного искусства. Москва. 2004 год

Художники-модернисты не особенно любили вопрос о том, кто из мастеров вам близок и кто на вас более всего повлиял. Их оправдывало ожесточенное стремление создавать новые художественные системы, хотя имена учителей или кого-нибудь из художников XVII века они все-таки называли. Теперь люди не хотят вспоминать других людей, а зачастую и собственную жизнь. Это, кстати, не опровергает, а подтверждает сказанное нами о Паперно и воспоминаниях: может, потому они и стали картинами, что их как будто не было вовсе. Прошлое действительно исчезло как готовое и проданное произведение, и вот перед художником и зрителем, забредшим к нему в мастерскую, белый холст и коробка с карандашами – синонимы белого листа. Художнику, в конце концов, требуется чистота и свобода для неумолимого движения вперед.

Многие из последних работ Александры Паперно посвящены объектам звездного неба. На перекрестии дорог популярной науки и современного искусства ее проект определяет популярное (populus, социальное) как место обретения новых смыслов. Она рисует увеличенное звездное небо, такое большое, что всей краски не хватает на его покрытие. Александра принадлежит к тому счастливому типу молодого художника, который имеет возможность воплотить всю молодую силу своего

идеализма в адекватной по масштабу и размаху монументальной форме. Она пишет звездное небо как натюрморт и чувствует себя уверенно и комфортно. Но еще это истории про свет: свет небесных тел или свет от встречи зрительского культурного опыта и глубоко личных переживаний художника. Это как если человек, взрослея, вдруг обнаруживает, что его первая любовь и первая удача, и сны, и горькие разочарования вовсе не уникальны, и это тоже прекрасно...

Музей современного искусства в Ермолаевском переулке. Москва. 2009 год

Среди картин Александры Паперно есть те, с которыми искусствоведческой терминологии сложно справиться. Душ и стена. Поверхность и точки. Их надо бы отнести к натюрмортам. Точнее – к портретам предметов. Ярче звезд и яснее неба, сильнее и уверенней автопортретов. В них страсть и сила, красота и банальность молодости трубят во все трубы, не стесняясь быть позитивными

МЫ ВРАЩАЕМ ГОЛОВАМИ

Дмитрий Абаулин

Гастролями Камерного театра из Тель-Авива начался проект Государственного театра наций «Шекспир@Shakespeare». Пока объявлена его программа до конца нынешнего года, но в перспективе, по словам худрука Театра наций Евгения Миронова, «Шекспир@Shakespeare» может превратиться в целый фестиваль, посвященный творчеству Шекспира. В качестве затравки же столичной публике предложены постановки «Гамлета» из Израиля и Литвы, «Король Лир» из Нижнего Новгорода и декабрьская премьера самого Театра наций – «Ромео и Джульетта» в постановке Владимира Панкова.

Право открыть новый фестиваль выпало «Гамлету» в постановке Омри Ницана, художественного руководителя тель-авивского Камерного театра на протяжении вот уже пятнадцати лет. Универсальный современный зал-трансформер Театрального центра им. Вс. Мейерхольда идеально подошел для своеобразного сценографического решения спектакля. Крупнейший драматический театр Израиля, основанный в 1944 году как театр местный, национальный (в противовес «русскому» театру «Габима», казавшемуся молодым реформаторам чересчур академичным), в 2003 году переехал в современный Центр исполнительских искусств, где соседствует с Новой израильской оперой, Муниципальной библиотекой и Тель-Авивским музеем. Среди пяти залов, которыми располагает сегодня театр, есть и «Черная коробка», аналогичная залу Центра Мейерхольда. «Гамлет» играется как раз в таком «народившемся» пространстве, в котором нет четкого деления на сцену и зал. Зрители сидят в креслах, вращающихся на 360 градусов, а действие разворачивается то в промежутке между секторами, то позади какого-то из них. Надпись на иврите на каждом из кресел подтверждает сведения о том, что необычные зрительские места путешествуют вместе со спектаклем по гастрольным маршрутам (а спектакль побывал на фестивалях в США, Польше, Румынии, Китае).

Столь острое решение сценического пространства предполагает спектакль необычной, сложной структуры. Но как раз оригинальностью режиссерских решений по-своему симпатичный «Гамлет» Камерного театра похвастать не может. В нем нет

острых мизансцен, которые прямо-таки напрашиваются, исходя из пространства спектакля. Действие чаще всего просто перемещается из одной зоны зала в другую, не провоцируя пространственных конфликтов, не создавая сценического контрапункта. Современные реалии, в которые погружены герои Шекспира, и современные костюмы, в которые одеты главные герои, тоже выглядят скорее данью всемирной театральной моде, чем принципиально необходимым решением.

Плохо скрываемое разочарование, с которым московская публика встретила спектакль, объясняется еще и чрезмерно завышенными ожиданиями. Титул ««Гамлет» XXI века», под которым преподносился спектакль, предполагает все-таки нечто большее, чем вращающиеся кресла. Умный и интеллигентный актер Итай Тиран, играющий заглавную роль, демонстрирует неплохое мастерство пианиста и великолепную фехтовальную подготовку, но самая высокая нота остается невзятой, а самая главная мишень – непораженной. Загадка «Гамлета», над которой бьются поколения людей театра, уходит не то что от ответа – даже от внятной формулировки. Мы же продолжаем вращать головами, пытаясь увидеть эфемерный призрак.

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2009 КИСЛЕВ 5770 – 12(212)

КАК ТРУДНО БЫТЬ СЕРЬЕЗНЫМ

Майя Волчек

Режиссеры Джоэль Коэн, Итан Коэн

Серьезный человек

США, 2009

Братья Коэн сняли почти смешное кино – то есть вернулись к жанру, который, по мнению многих, сами и породили. «Серьезный человек» – черная комедия с элементами драмы и философскими подтекстами, продуманно-красиво выстроенными кадрами, – короче, типичный коэновский коктейль, их неоднократно запатентованное ноу-хау.

Главный герой носит ласкающую русский слух фамилию Гопник. Он – типичный недотыкомка из еврейских анекдотов, помесь чеховского Епиходова с героями скетчей Вуди Аллена. Его жена завела роман на стороне и жаждет развода, сын подсел на травку и забил на трудоустройство и учебу, дочь мечтает о пластической операции. Оба отпрыска пытаются «наложить лапу» на отцовские сбережения, тем же готов заняться и свалившийся на голову Ларри бездельник-брат... Достала соседка – загорает гольшом и пристает с недвусмысленными предложениями. На работе (Ларри преподает физику в университете) – проблема на проблеме: деканат завален

анонимками на профессора Гопника, а бестолковый, но пробивной студент готов на все, чтобы добиться хорошей оценки... Герою анекдота, оказавшемуся в схожей ситуации, мудрец предложил купить козу – но Ларри не везет и с мудрецом: раввин просто отказывается его слушать. Неудачный визит Гопника к раввину не случайно попал во все трейлеры к фильму, это по-настоящему смешно: монументальная секретарша (пародия на всех еврейских секретарш), выслушав отчаявшегося Гопника, торжественно удаляется в кабинет раввина (Ларри видит его, безмятежно сидящего за столом), потом возвращается и объявляет: «Он занят». «Неправда, – возмущается Гопник, – чем?!» «Он думает», – невозмутимо отвечает «железная леди». Конкуренцию этому эпизоду может составить, пожалуй, сцена бар мицвы Гопника-сына, на которую он является напроочь обкуранным.

Главный вопрос, который терзает Ларри: почему с ним происходят все эти кошмары? Главный вопрос, которым мучается зритель: зачем Коэны, в прежние времена отталкивавшиеся от сюжетов Гомера и Хэммета (тоже своего рода Гомер, только детективного жанра), нынче решились экранизировать анекдот?

Вывод, к которому приходит герой: все беды оттого, что Ларри Гопник недостаточно серьезен. Выводы зрителей могут быть не столь однозначны. Например, можно представить себе, что братья Коэн захотели снять первый в их карьере автобиографический фильм.

В прежние времена Коэны ратовали за то, чтобы расходиться со своими героями во времени и пространстве. «Серьезный человек» – первая картина, в которой авторы максимально сократили дистанцию между собой и героем. Действие происходит в Сент-Луис-Парке (вполне себе местечко, давно переименованное остроловами в Сент-Джуиш-Парк), штат Миннесота, – родном городке братьев. Время действия – 1967 год – Итан и Джоэль тоже вполне помнят, ведь им тогда было соответственно 10 и 13 лет. Почему история Ларри Гопника, человека, больше всего на свете хотевшего стать серьезным, заставила Коэнов погрузиться в атмосферу собственного детства – Б-г весть. Быть может, их просто достал вопрос о том, насколько серьезны их фильмы (а задают его в каждом интервью). И может быть, именно поэтому мантру «Я – серьезный человек» повторяет половина героев фильма. В любом случае, историю маленького человечка со смешной фамилией, полуанекдот, полуприту, теперь называют в числе главных претендентов на «Оскар». И шансы у Коэнов высоки, поскольку главного упрека, обычно предъявляемого братьям критиками, – что снимают они хоть и мастеровито, но холодновато и отстраненно – в этот раз, наверное, удастся избежать. «Серьезный человек» – кино ерническое, во многом эпатажное, но холодным его не назовешь.

В 1954 году в семье Залмана и Шифры-Шулы Кейзин родился первый (и единственный из семи детей) мальчик, получивший имя в честь шестого Любавичского Ребе Йосефа-Ицхака. В общем-то, классическая хабадская биография: учился в ешивах Кливленда и Нью-Йорка, учился в Бразилии. Крупный, рыжебородый, в черной шляпе... Частенько выезжал на «мицвотанке» на улицы городов, предлагая евреям выполнить заповеди. В общем, типичный хабадник, всё как у всех. Не как у всех было одно – юноша очень любил то, что по-английски называется gadget (гэджет), а по-русски – «всякая техника». «Я всегда любил играть с современными технологиями», – говорил он. Но не только играть. Его интересовало не просто «как это работает», а «как это приспособить в помощь еврейству». В 1970-х годах р. Кейзин помогал в организации записей выступлений Ребе и их трансляции «вживую». В начале 1980-х у него появился компьютер, и он «компьютерризировал» ешиву, в которой работал. Потом у него появился модем, и в 1988 году он привлек тысячи людей в сеть Fidonet (Фидонет). Именно там он стал известен как YUK. В каком-то смысле Фидонет был предком нынешнего Интернета, хотя с таким же успехом велосипед «Уралец» можно назвать предком мотоцикла «Харлей-Дэвидсон». И там и там два колеса и одно сиденье... Нет, конечно, это были разные технологии, но в конце концов именно из электронной доски объявлений в Фидо вырос интернет-сайт Chabad.org (идея его создания получила безоговорочную поддержку и благословение Ребе).

Через Интернет Йосеф-Ицхак Кейзин был связан со всем миром, и это порой приводило к реализации самых неожиданных проектов: от доставки кошерной пищи людям, живущим вдалеке от основных еврейских центров, до пасхальных седеров на борту судна у берегов Антарктиды. Или вот, например, сайт Ask Moses, где можно задать вопрос раввину (о нем мы тоже рассказывали [см. Лехаим. 2009. № 7]). Возможно, на это YUK натолкнул полученный по электронной почте вопрос студента из Нью-Мексико: «Можно ли курить марихуану в шабат?» Рабби Кейзин тогда ответил, что, не вдаваясь в тонкости Закона, он рекомендует заменить марихуану молитвой, так как с ней взлетаешь еще выше.

YUK был влюблен в свою работу и проводил в Интернете по 12–16 часов. Уже находясь в больнице, не расставался с компьютером. Открывая ноутбук, чтобы ответить на письма посетителей Chabad.org, говорил пришедшим навестить его друзьям: «Это делает меня счастливым».

Десять лет назад 12 кислева 5759 (1 декабря 1998) года рабби Йосеф-Ицхак, благословенна его память, ушел из этого мира. Ему было всего 44 года. Он похоронен на кладбище «Old Montefiore» поблизости от места упокоения Ребе.

Рабби Кейзин с помощниками перевел в цифровой вид тысячи еврейских книг и создал первую в мире виртуальную еврейскую библиотеку. Поэтому в заключение обзора – русские переводы Пятикнижия с комментариями, книг Пророков и Писания, книги Теилим: http://www.chassidus.ru/library/tora_inline/bereyshis/bereyshis.htm. Там же можно найти текст Танаха с параллельным текстом на иврите и русском. В последнем случае на экран будет выводиться по одному предложению, а в левой части страницы можно будет выбрать желаемых комментаторов и книгу, а также нужную главу (chapter) и предложение (posuk).

ФИЛЕ СКУМБРИИ

ПОД СОУСОМ ПО-ОДЕССКИ

Илья Карпенко

Кроме кефали, увековеченной в песне про Костю-моряка, одесситы любят скумбрию. Увы-увы, у родных берегов она перестала ловиться где-то после войны, оставив вместо себя мелкую ставриду. Ну так и что, прикажете плакать? Бросьте, нынче скумбрию вылавливают из других морей! Приготовление из нее вкуснейших блюд трудностей не составит, а удовольствие доставит наверняка!

Вылавливает рыбак золотую рыбку.

Та у него спрашивает:

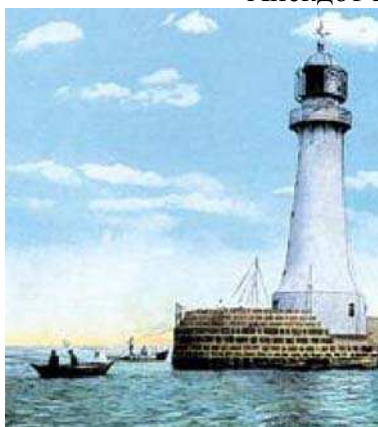
– Еврей?

– Ага.

Рыбка:

– Лучшие зажарь...

Анекдот из меню ресторана «Розмарин»

Одесса. Начало XX века

Прочитав этот анекдот в меню уже знакомого нам одесского ресторана «Розмарин» на Малой Арнаутской (имеет категорию «Glad Kosher-Chabad»), мы решили сначала попробовать здесь какой-нибудь фирменной рыбки, а потом и зажарить ее самостоятельно. Естественно, под чутким руководством шеф-повара «Розмарина». Рыбу выбрали замечательную – любимую всеми одесситами скумбрию.

Черноморская скумбрия, надо вам сказать, рыбка еще та! Сейчас, правда, в наших краях забыли ее вкус, и она безмятежно плещется где-то у берегов Турции и Болгарии. А когда-то скумбрия заходила в Одесский залив, и мой папа самолично ловил ее на самодур – «без брешешь!», как говорят в Одессе.

В папином чемоданчике с рыболовными снастями лежали длинные, сантиметров по двадцать, каплевидные, в форме той самой рыбки, свинцовые грузила. Для чего еще такие грузила, как не для самодура? Причем не на ставриду, а именно на скумбрию!

Что? Вы не знаете, что такое самодур? Так вы таки или совсем темный, или уж больно молодой. Ладно, я вам объясню. Самодур – это такое приспособление, на которое ловят рыбу. Ну, не всякую рыбу, а только скумбрию и ставриду. И не во всякое время года, а только в конце лета и в начале осени. В бархатный сезон вода в море хорошо прогревается, и эта дурная рыба подходит к берегу, где ее с нетерпением ждут азартные рыбаки.

И вот где-то в августе, словно черноморская волна, по городу идет шорох: «Ставрида пошла!» И тогда одесские жены никакими коврижками не могут удержать при себе своих верных мужей, а их стройные ряды, движущиеся к причалам и вооруженные рыболовецкими снастями, напоминают косяки той самой рыбы в море.

Итак, ловят скумбрию и ставриду на самодур. Причем, заметьте, без червяка, креветки или какой-нибудь там макухи – вообще без наживки! На длинную леску привязываются короткие поводки, на конце которых – блестящий (не дай Б-г, не ржавый!) крючок, разукрашенный, как тетя Маня, когда она в четверг идет на «Привоз» за курицей. Тут тебе и цветные перышки из какого-нибудь залетного попугая, и золотые и серебряные нитки из бабушкиной шкатулки, и лак для ногтей из маминогo ридикюля. Чем ярче, тем лучше!

И таких поводков делают на самодуре десять, а то и двенадцать-пятнадцать. А снизу к леске привязывается удлиненное тяжелое грузило: для скумбрии – подлиннее и потяжелее, для ставриды – покороче и полегче. Блестящие разноцветные крючки имитируют маленьких рыбок, а продолговатое грузило – хищницу, которая за ними гонится. Эти глупые создания, скумбрии или ставридки, принимают грузило «за свою» и хапают голые крючки!

Вот поэтому все это и называется – «самодур». Его приспособляют к длинному удилищу, выходят в море и начинают дурить рыбу. В море выбираются кто на чем может – кто на катере, кто на баркасе, кто просто на весельной, или, как говорят в Одессе, «грёбальной» лодке. А дурить – это значит, идя на малом ходу, на веслах или просто так, по ветру без якоря, водить туда-сюда, вправо-влево этим длинным удилищем. Ожидая, когда на голый крючок прицепится долгожданная рыбка.

И неизвестно, кто кого дурит. Потому что иногда рыба не ловится вообще. И продолжаться это может до бесконечности. Но вдруг – о чудо! – удилище затрепетало, и вы вытаскиваете из воды серебряных, блестящих на солнце, продолговатых рыбок! Причем даже не одну. За один раз на самодур может клюнуть четыре-пять и даже больше рыб. Это значит – под вами их косяк! Снимай их скорей и забрасывай самодур снова! И дури, дури, дури... до одури!..

А кто вам сказал, что рыба молчит? Слушайте сюда: этот фраер никогда не дурил рыбу! Потому что, когда снимаешь с крючка пойманную только что скумбрию или ставридку, эта рыбка... пищит! Пищит очень даже внятно и жалобно.

А потом с большим ведром, полным свеженаловленной рыбы, ты возвращаешься домой. И ты – герой! Потому что все твои соседи кушают рыбу (здесь, как известно, никто не ест, а все поголовно только кушают). И варят уху, и жарят ее на подсолнечном масле, и делают «малосолочку»: присаливают рыбку на несколько часов – и сразу на стол! А как божественна «малосолочка» под рюмочку водки!..

Вот тогда можно сесть и дать покой мозгам и за хорошим столом, спокойно и размеренно поговорить – за жизнь! Ведь сколько ее – той жизни – осталось? Никто ж не знает...

...Помните старую песенку: «Когда-то рыбой славилась Одесса / И скумбрией был город знаменит, / Теперь мы жарим рыбу из-под пресса, / А пресс тот где-то в Мурманске стоит... / И с грустью возвращая стюардессе / Навеки замороженных цыплят, / Я говорю, что я живу в Одессе, / У нас в Одессе это не едят!»

Скумбрия под яблочно-хренным соусом в ресторане «Розмарин» – яркая иллюстрация этой песенки, неизменного оптимизма одесситов, а также их умения «выруливать» в любых ситуациях. И сегодня, «на безрыбье», даже заморская скумбрия в умелых руках местных кулинаров становится волшебным, по-настоящему еврейским блюдом! И надо вам сказать, филе скумбрии под соусом – это таки очень по-одесски!

Меню ресторана «Розмарин» рекомендует это блюдо готовить так.

Филе скумбрии, слегка замаринованное, свернутое в роллы и запеченное под терпким яблочно-хренным соусом-пюре

Рассказывает шеф-повар ресторана Роман Пурчел:

Среднего размера скумбрию (500–600 г) разделяют, отделяя филейную часть (отрезают голову, тушку разрезают пополам, вынимают хребет и ребра). Филе разделяют на четыре «сегмента»: две спинно-хвостовые части и два «пузика».

Затем разделанную рыбу нужно замариновать. Для этого берут половину лимона, одну столовую ложку горчицы, по щепотке соли и перца. Филе смазывают горчицей, поливают свежесжатым лимонным соком и посыпают солью и перцем. После чего рыба должна постоять 15–20 минут.

Замаринованные кусочки филе сворачивают в роллы (от головы к хвосту), которые скрепляются с помощью зубочисток. Эти рулетики сбрызгивают растительным маслом, помещают в жаровой шкаф и выдерживают там при температуре 170 °С в течение 5 минут.

После этой процедуры рыбу аккуратно освобождают от шкуры (зубочистки предварительно вынимаются), а затем на каждый такой «раздетый» рулетик выкладывают шапку яблочно-хренового соуса – объемом с десертную ложку (15 г). Затем роллы выдерживают в духовке еще 10–15 минут при той же температуре – до тех пор, пока «шапка» не станет золотистого цвета.

Приготовление яблочно-хренового соуса.

Корень хрена потереть на крупную терку (или прокрутить через мясорубку); яблоко (можно использовать любые сорта) очистить от кожуры и порезать на мелкие кусочки. Пропорции на порцию (одну рыбу) следующие: одно яблоко, 100 г хрена, четыре столовые ложки кошерного майонеза, две столовые ложки лимонного сока, одна столовая ложка сахара и одна столовая ложка уксуса. Все выкладывается в отдельную посуду, а затем эта смесь взбивается блендером.

Роман Пурчел объясняет: «Фишка этого блюда в том, что хрен с яблоком смягчают пряность и жирность скумбрии, но при этом сохраняется ее неповторимый, очень морской вкус и аромат. Из этого сочетания рождается совершенно особый букет блюда».

Хрен великолепно оттеняет вкус рыбных блюд, например гефилте-фиш. Яблоко также пользуется в а-идише кулинарии заслуженным уважением (вспомним форшмак). Более того, несмотря на свою кажущуюся простоту, и хрен, и яблоко являются ингредиентами отчасти сакральными, так как непременно участвуют в важнейших еврейских застольях года – на Песах и Рош а-Шана.

А с чем предпочтительнее вкушать божественную рыбку? Тут уместно вспомнить поэтическое творчество Игоря Губермана – хоть и не одессита, но тоже очень-таки приличного человека: «Известно даже недоумку, / Как можно духом воспарить: / За миг до рыбы выпить рюмку, / А вслед за рыбой – повторить».

Чего мы и вам от души желаем! Кушайте нежнейшую скумбрию под оригинальным соусом и воспаряйте духом!

Адрес ресторана «Розмарин»:

г. Одесса, ул. Малая Арнаутская, 46А.

Тел.: +38 (0482) 344-644, 347-311

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2009 КИСЛЕВ 5770 – 12(212)

НЕ ГРАНТ, НЕ ХИДДИНК И НЕ БИЛИЧ

Марк Зайчик

За всю историю Израиля с футбольной сборной страны работали 18 тренеров. То есть за 62 года независимости в среднем каждые 3,5 года у сборной менялся наставник. В принципе, учитывая условия, темперамент, надежды, терпение, вышеупомянутые сроки большого удивления не вызывают. Вопрос в другом: чего можно добиться за такой срок с футбольной командой и можно ли сделать больше, чем это сделали нынешние наставники Дроп Каштан и его помощник Моше Синай?

Сборная Израиля образца 2009 года не смогла пробиться на ЧМ 2010 года в Южной Африке: проиграла сборным Швейцарии, Греции, Латвии. Критика, которой подверглись футболисты и тренеры со стороны прессы, болельщиков и общественности, была не всегда справедлива, профессиональна, объективна, но требовательна и беспощадна – всегда. От футбольных команд (да от любого соревновательного процесса) в Израиле почему-то ждут исключительно победного результата. Так уж сложилось. А то, что ожидания эти не всегда соответствуют истинным возможностям соревнующихся, как-то не хотят понимать.

На мой же взгляд, и не только мой, Дрор Каштан все-таки смог добиться многого, если учесть тот факт, что гениев, с которыми можно было бы «раскручивать Большую игру», ныне в израильском футболе нет. В сложившейся ситуации Каштан и его сборная показали все, на что были способны. А то, что это «все» никак не совпало с надеждами болельщиков, да и – чего греха таить – самих игроков, говорит лишь о завышенной самооценке. Но судят-то по окончательному результату. А он таков: сборная не пробилась на ЧМ. Кто виноват? Тренер.

Правда, не стоит забывать, что есть ведь и обратная сторона. Каштан резко омолодил состав команды. Средний возраст сборной Израиля теперь составляет 22,3 года – возраст, обещающий многое в самом ближайшем будущем. Каштан нашел и довел до состава национальной команды таких незаурядных футболистов, как Авихай Ядин, Тамир Коен, Бен Саар, Бирам Кейяль, Декель Кейнан, Эльянив Барда, Тото Тамуз и других. Все они, уверен, составят костяк будущей команды Израиля. Многие говорят, что выдающихся футболистов среди новичков нет. Неизвестно. Сейчас об этом трудно судить: раскрыться в 17–18 лет футбольному дарованию очень сложно. На то причин, самого разного свойства, много. К 23–25 годам эти футболисты наберутся опыта, поймут игру лучше.

Говорят также и о том, что психологическая ситуация в сборной заметно изменилась к лучшему. Исчезла пресловутая скованность, исчезло деление на «группировки и лагеря». Футболисты приезжают на сборы с одним желанием – играть.

Может, не стоило бы особо горячиться. Для прогресса сборной было бы лучше оставить Каштана и Синая на их руководящих постах. Но ситуация создалась обратная, и с этим тоже уже нельзя ничего поделать. В результате предстоит смена тренера сборной. В связи с чем разгораются нешуточные страсти. Называются имена кандидатов на пост тренера сборной Израиля, среди которых такие известные специалисты, как хорват Билич, словенец Катанец, турок Фатих Терим и некоторые другие.

Помню, как в 1992 году предложение о работе в сборной Израиля делалось тогдашнему тренеру сборной России Анатолию Бышовцу. Анатолий Федорович отказался, не знаю, насколько опрометчиво, но вызываясь надменно точно, потому как был он тогда, что говорится, «на позициях». Назначили своего – Шломо Шарфа, который вывел целую плеяду выдающихся футболистов: Эйяль Беркович, Хаим Равиво, Рони Розенталь, Реувен Атар... Хотя и он не добился заметных результатов со сборной.

В финальные турниры ЧМ-1970 и ОИ-1968 израильскую команду лишь однажды выводил тренер Эммануэль Шеффер. Правда, отборочные подгруппы для Израиля подбирались в Азии, где в футбол тогда, заметим, не то что играли слабо, а просто никак не играли.

Говорили о том, что Авраам Грант может вернуться в сборную после перерыва, за время которого он успел поработать с лондонским «Челси». Однако Грант успел подписать контракт с другой командой премьер-лиги – «Портсмут», и разговоры о его возвращении были прекращены. (Любопытная подробность: фамилия тренера Гранат, но комментатор израильского радио называл молодого Авраама Грантом, отсюда и пошло это имя. В иврите отсутствуют гласные буквы, так что ошибка комментатора понятна и объяснима.)

Дрор Каштан и его помощник Моше Синай. 2009 год

В Израиле с огромным уважением относятся к голландскому тренеру сборной России Гусу Хиддинку. Многие болельщики и чиновники ФФИ хотели бы видеть его на посту тренера нашей национальной команды. Но где Хиддинк и где Израиль?!

Популярен в стране и такой специалист, как Эйяль Беркович, футболист огромного дарования, сделавший прекрасную игровую карьеру в английской премьер-лиге и желающий занять пост тренера, обещая веселый, атакующий футбол в каждом матче сборной. Но оказывается, у Эйяля нет тренерской лицензии, хотя это не может стать непреодолимым препятствием на его пути к желанному посту. Кажется все же, на данный момент Беркович сборную не получит. Все сходятся на том, что ему рановато доверять бразды правления.

Президент ФФИ Ави Лузон сегодня энергично проводит совещания и встречи, посвященные новой кандидатуре на пост наставника сборной. Из чего следует, что без тренера команда Израиля никоим образом не останется. В этой связи хотелось бы напомнить славные имена тренеров сборной Израиля, от которых зависело состояние израильского футбола: Лайош Хес (1949), Джерри Бейт Алеви (1953–1954), Джек Гиббонс (1956), Гиола Манди (1959–1961), Джордж Эйнсли (1963), Милован Чирич (1965–1968), Эммануэль Шеффер (1968–1970, 1979), Эдмунд Шмилович (1972–1973), Довид Швайцер (1974–1978), Джек Менсел (1980–1981), Йосеф Миримович (1964, 1983–1985), Миленко Михич (1988), Яков Грундман и Ицхак Шнеур (1989), Шломо Шарф (1992–1999), Рихард Нильсен (2000–2001), Авраам Грант (2002–2005), Дрор Каштан (2006–2009).

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2009 КИСЛЕВ 5770 – 12(212)

УМЕР АЛЕКСАНДР ПЯТИГОРСКИЙ

Знакомые рассказывают, Александр Моисеевич умер мгновенно. Он говорил, что философ может бояться двух вещей – прекращения мышления и смерти. Он не успел испугаться. Прощаясь, в 70-х годах он произнес такую фразу: «Тем не менее не сомневаюсь, что все закончится ко всеобщему благополучию». Не знаю, произносил ли потом. Он жил с нами в одном доме и заходил ежедневно, маму мою, человека, склонного к трагическому восприятию действительности, это прощание доводило до белого каления. «Что, что здесь может закончиться ко всеобщему благополучию?» Но ведь так и вышло. На его смерть – десятки некрологов, я прочитал о нем, что он всемирно известный философ, культуролог, буддолог, филолог и писатель. Это хорошо. Это значит, у него все получилось.

В 1974 году он эмигрировал в Лондон. Никто не понимал – с чего. Он не был диссидентом, его никто не преследовал, он не хотел сказать что-то, чего нельзя было, экономическим эмигрантом тоже не был. Объяснил: «Мне стало скучно». Он оставил нам ключи от своей пустой квартиры, там была швейная машинка его второй жены и листки рукописи «Жизнь Будды», которые гонял по полу сквозняк. Тогда проводы были вроде поминок, теперь вот приходится хоронить его во второй раз. Странно, что он не взял с собой тогда эту рукопись, – книгу про Будду он никогда не издал. У него три книги про Индию на английском – «Рождение семиотики в Индии», «Буддийская теория мышления» и «Буддийские исследования», а биографии Будды нет. С другой стороны, может, он и уехал, чтобы не остаться здесь навсегда всеобщим другом, спорщиком и собутыльником, автором книги «Жизнь Будды» для «ЖЗЛ».

А вернулся он довольно-таки фантастически. У него вообще была склонность к каким-то странным сюжетам. В 1980-х он не то чтобы утверждал, а скорее вовсю подмигивал насчет своего масонства (ой как он подмигивал! он был невероятно обаятельный человек, а вдобавок еще косою на один глаз, и это было не подмигивание, а соло на бровях). Выпустил книжку «Кто боится масонов? Феномен масонства», а

потом еще в своей автобиографической прозе все время как-то намекал, то ли его вывезли из России масоны, то ли опекают, то ли он их. Так вот, после 11 сентября американцы обратились к нему как к эксперту по терроризму (можно по этому судить, как они были растеряны), а он такого им наплел, что его назвали «врагом Америки». А про это узнал «Фонд эффективной политики» Глеба Павловского, и его позвали в Россию с лекциями. Раз враг Америки, то уж конечно наш друг.

И тут оказалось, что он – такой авторитет, что дух захватывает. В России все же дикий дефицит авторитетов. А он философ, он учился с Эвальдом Ильенковым, Александром Зиновьевым, Карлом Кантором, Георгием Щедровицким, работал в Институте востоковедения в секторе Рериха, соавтор Юрия Лотмана и Мераба Мамардашвили, и он был жив! Его – и на телевидение, и на радио, и публичные лекции, даже деньги за вход брали. Из лекций этих две книжки собралось, одна вообще «Теоретические проблемы корпоративного управления» (но он никогда-никогда ничем не управлял!), а вторая – «Размышляя о политике». Ну, отчасти он им отработал, фразы типа: «Вы же понимаете, что сейчас для думающего человека быть “антипутинцем” – смешно» – в интервью вставлял, а обратные высказывания – «как и “пропутинцем”» – они опускали. За это его примерно отчитала радиостанция «Свобода».

Но надо понимать, какого рода он был философом. В отличие от Ильенкова, Зиновьева или Лотмана, он ничего цельного не строил. Иногда вырливал на сущие банальности, иногда непонятно что говорил. Его даже легче изобразить, чем понять. Его некролог должен был бы звучать как-то так: «Умер Александр Пятигорский. Но что это – умер? Говоря, я хочу отдавать – и хочу чтобы отдавали вы – отчет (кому – себе в первую очередь) в смысле – не слова – смысле произнесения этого слова *his et nunc*. Не кажется ли вам – нет, не кажется ли мне, что умер – предполагает не что он не жив, а то, что живы – вы, это слышащие, то есть вы от него отличаетесь. Но были ли вы – не тождественны, ненавижу это слово, – но хоть бы сходны? Даже тем, что живы? Были ли вы – “вами”, объединялись ли “ты” и “он” в “вы”? Я утверждаю – нет никакого “вы”, есть только “я”! В пределе никто не сходен ни с кем, быть – это не быть не собой. Твое небытие другим и небытие другого – суть границы твоего бытия. Но граница – барьер для атаки». И так далее. Никакой эффективной политики а` la` Павловский из этого не выстроишь, скорее это отменяет политическое действие вообще. Как сформулировал Алексей Нилогов в вопросе к нему в «Русском журнале»: «Своими публичными лекциями Вы вносите в наше антиинтеллектуальное пространство мыслительную суету». «Да, да, ажиотаж, – отвечает Пятигорский. – Но раз меня приглашают – я приезжаю. Не приглашают – не приезжаю. Так легче жить. Согласны?»

Однажды я обедал в Лондоне в индийском ресторане с одним антисемитом. Ему не нравился официант, и, глядя вслед его покачивающейся чалме, он бросил: «Еврей, наверное». Не очень понимаю, почему Пятигорский занимался буддизмом – это молчаливое направление ума, но повторю, он любил экзотические канвы, и я думаю, это надо числить по линии индусских евреев. Мне же кажется, он больше сродни не буддистам, а мужчинам, которые бесконечно спорят у синагоги и, подвергая сомнению каждое слово, каждый поворот, самим процессом сомнения переживают восторг своего бытия, своей способности мыслить, своей Б-гоизбранности. Это мышление, протекающее речью, рождает почти эротическое удовольствие от говорения. Ох как он любил говорить! Как здорово было его слушать – не читать, а именно слышать!

Наверное, он был великим философом, даже точно. А еще в Лондон он уехал с первенцем от первой жены, со второй беременной женой и с ребенком от нее, и еще

там родил, и успел вывезти туда маму и папу (мы ездили к ним в Малаховку, помогали собираться), потом еще раз женился, и у него народилась куча внуков, и он прожил 81 год. И все закончилось ко всеобщему благополучию.

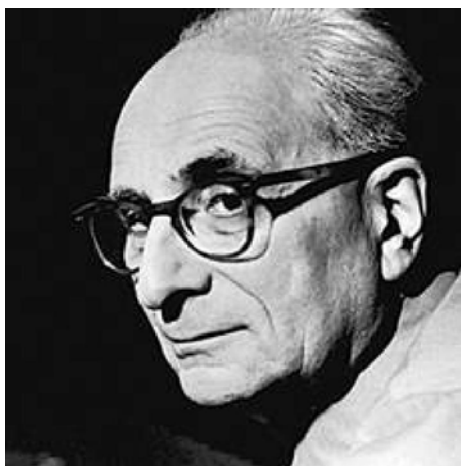
Только вот он умер.

Григорий Ревзин

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2009 КИСЛЕВ 5770 – 12(212)

КЛОД ЛЕВИ-СТРОСС. АНТРОПОЛОГ В ПЕЧАЛЬНЫХ ТРОПИКАХ

31 октября 2009 года, за месяц до своего 101-го дня рождения, скончался Леви-Стросс – признанный классик социальных наук и один из крупнейших европейских интеллектуалов.

Французских академиков принято называть «бессмертными», но лишь одному из них, Клоду Леви-Строссу, избранному в Академию в 1973 году, посчастливилось перешагнуть столетний рубеж. В последние годы бесцеремонные журналисты часто спрашивали престарелого ученого, не боится ли он смерти. На что получали неизменный ответ: «Человеку, сделавшему в жизни все, что запланировал, нет смысла ее бояться».

Будущий отец структурной антропологии родился в 1908 году в Брюсселе в семье художника Реймона Леви-Стросса и дочери главного раввина Версаля Эммы Леви. Вскоре после рождения Клода семья вернулась в Париж, где он и прожил большую часть жизни. Близкое знакомство с еврейской традицией состоялось в доме деда по материнской линии. Леви-Стросс описывает синагогу, к которой примыкал дедушкин дом, как «мир, которому не хватало человеческого тепла»: прихожане никогда не задерживались в ней «достаточно долго, чтобы создать волнующую атмосферу религиозности». Столь же сухими были и семейные религиозные ритуалы: кроме «немой молитвы деда перед каждым приемом пищи», внукам ничто не напоминало о том, что в доме «царит высший порядок». Возможно, именно эти детские воспоминания и послужили причиной того, что ученый, проанализировавший за свою жизнь множество культур (по собственному признанию, у него «отсутствовала способность благоразумно обрабатывать одно поле, с которого ежегодно можно собирать урожай»), так и не обратился к еврейской.

Антропологией юный Клод занялся не сразу, увлекшись вначале политикой и философией. Вспоминая эти годы в своих «Печальных тропиках», Леви-Стросс пишет, что «был посвящен в марксизм» в возрасте 17 лет неким молодым бельгийским социалистом. Впоследствии ученый утверждал, что Маркс, как и Фрейд, является одним из зачинателей структуралистского метода анализа, поскольку обращается к глубоким структурным уровням с целью понять поверхностную действительность.

Изучение трудов Маркса переросло в интерес к европейской философии. Особенно сильное влияние оказали на формирующееся мировоззрение юного Клода Кант и Руссо. Впоследствии, будучи уже известным ученым, одну из своих работ он назовет «Руссо – отец антропологии» («Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» он охарактеризует как первое научное исследование по общей антропологии). Вслед за Руссо Леви-Стросс говорит о необходимости соблюдения при контакте антрополога и представителя изучаемой им культуры гуманистических принципов равноправия, при котором общение происходит на уровне «субъект – субъект», а не «субъект – объект» («утонченный интеллеktуал – дикарь»).

Говоря об актуальности руссоистского подхода к проблеме межличностных контактов, Леви-Стросс подмечает еще один, не менее важный для исследователя-практика аспект его философии – следствие его «своеобразной личной истории» и жизненных обстоятельств. Предлагая изучать людей самых далеких, Руссо «занимался главным образом изучением одного самого близкого ему человека – самого себя; через все его творчество <...> проходит желание отождествить себя с другим при упорном отказе от отождествления с самим собой». Антрополог, будучи, как и любой человек, носителем своей собственной культуры, изучая на практике чужую, зачастую невероятно от нее отличную, оказывается один в непривычном (а иногда даже враждебном) окружении и может рассчитывать только на свое внутреннее «я». В этих условиях оно «проявляется таким, каким является в действительности: несущим на себе следы ударов и потрясений его личной жизни, которые некогда не только определили выбор его карьеры, но и сказываются на всем ее протяжении». Поэтому, желая достичь хороших результатов в работе с «чужими», антрополог должен прежде всего научиться «смотреть на себя объективно и издали, как если бы то был посторонний человек», а в основе любого антропологического исследования лежит принцип исповеди.

Увлечение будущего исследователя марксизмом не только пробудило у него интерес к философии, но и едва не переросло в политическую карьеру (к счастью для мировой науки, не удавшуюся) – в молодости он был членом Французской секции Рабочего интернационала, и социалисты выдвигали его кандидатуру на местных выборах.

После защиты диссертации в Сорбонне и службы в армии Клод преподает в лицее. В 1935 году вместе со своей женой Диной Дрейфус он впервые едет в Бразилию. Молодая пара отправляется в экспедицию к индейским племенам кадиуэу и бороро, а вернувшись в Париж, демонстрирует собранную этнографическую коллекцию. Благодаря вызванному этой выставкой интересу ученый получает финансирование и возвращается в Бразилию уже как полевой исследователь.

Знаменитая научно-художественная книга «Печальные тропики», окрашенная тонким юмором и теплом сопереживания, была написана спустя почти 20 лет на основе бразильских экспедиционных дневников. Прообразы будущих научных теорий перемежаются в ней с размышлениями о трагической участи вымирающих под напором цивилизации амазонских индейцев и будущем самой европейской цивилизации.

Леви-Стросс возвращается из Бразилии во Францию и – с началом второй мировой войны – снова оказывается в армии. По увольнении он с трудом находит работу в провинциальном лицее – в ожидании «расовых законов» для преподавателя с подобной фамилией не оказалось места в Париже. От грозящей ему в оккупированной

Франции участи «зверя в клетке концлагеря» Леви-Стросса избавило приглашение в США в рамках Рокфеллеровской программы по спасению ученых из Европы. В Нью-Йорке он знакомится с «отцом американской антропологии» Францем Боасом и филологом Романом Якобсоном, а также с их научными теориями, которые впоследствии использует в своей работе.

По возвращении ученого во Францию его карьера стремительно идет в гору: Леви-Стросс занимает высокие позиции в самых престижных научных институтах.

Он получает должность замдиректора по этнологии в Музее человека, заведует кафедрой религии бесписьменных народов в Школе высших исследований, одновременно исполняя обязанности генерального секретаря Международного совета по социальным наукам, а затем становится завкафедрой социальной антропологии в Коллеж де Франс.

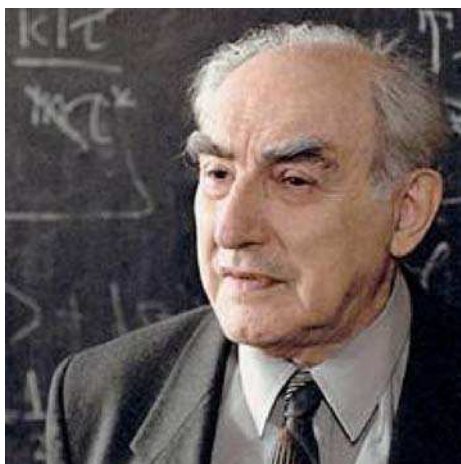
Один из основных вкладов Леви-Стросса в науку – это созданная им классификация родства и мифологий в племенных обществах. В своих работах («Структурная антропология», «Элементарные структуры родства», «Элементарные структуры родства», «Неприрученная мысль», «Тотемизм», «Мифологика») ученый пытается раскрыть универсальные правила, лежащие в основе любых ритуалов и обыденных действий. Знакомство со структурным анализом Якобсона, применяемым в лингвистике, навело Леви-Стросса на мысль использовать тот же метод в исследовании мифов, ритуалов и обычаев любой культуры – от «примитивной» до современной европейской. Научный анализ мифа выявляет структуры, скрытые в человеческом сознании, и то, что эти структуры одинаковы как у француза, так и у амазонского индейца, доказывает неправоту теорий о превосходстве «высших» рас.

«Истинно научный анализ должен соответствовать фактам, отвечать критерию простоты и иметь объясняющую силу», – говорил Леви-Стросс, утверждая ценность гуманитарного знания. И еще: «XXI век будет веком гуманитарных наук – или его не будет вовсе».

Элишева Яновская

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2009 КИСЛЕВ 5770 – 12(212)
**ВИТАЛИЙ ГИНЗБУРГ. ПОСЛЕДНИЙ
УНИВЕРСАЛ**

8 ноября в Москве на 94-м году от сердечной недостаточности скончался великий физик Виталий Лазаревич Гинзбург.

Он родился в 1916 году в семье инженера Лазаря Гинзбурга и врача Августы Вильдауэр (мать умерла от тифа, когда будущему академику едва исполнилось четыре года). Наукой Гинзбург всерьез увлекся еще в школе – в тот период его настольной книгой стала «Физика наших дней» О.Д. Хвольсона. В 1933 году он попытался поступить на физфак МГУ, но не сдал вступительные экзамены («причиной тому была именно моя плохая подготовка, а никакой не антисемитизм», – уточнял он в позднейших интервью). Пришлось идти на заочное отделение, а год спустя переводиться на дневное. Но это была первая и последняя пробуксовка в его научной карьере: по окончании физфака Гинзбург поступил в аспирантуру, с интервалом в два года защитил кандидатскую и докторскую (по теории частиц) и оказался в Физическом институте им. П.В. Лебедева АН СССР (ФИАН), где его руководителем стал великий Игорь Тамм.

С ФИАНом связана практически вся научная жизнь Гинзбурга. Однако долгое время ему пришлось курсировать между Москвой и Горьким – в 1945 году он стал профессором местного университета, – а затем совмещать работу в ФИАНе с преподаванием в Московском физико-техническом институте. В 1971 году ученый возглавил теоретический отдел ФИАНа. Через легендарный фиановский семинар Гинзбурга, который он вел почти полвека, вплоть до своего 85-летия, прошли практически все крупнейшие советские физики-теоретики послевоенных десятилетий.

Впрочем, был в жизни Гинзбурга момент, когда его взлет мог закончиться, едва начавшись. В Горьком он встретил женщину, которая только что вышла из лагеря, куда попала за «подготовку покушения на Сталина», и женился на ней. Следом началась антикосмополитическая кампания, и имя молодого физика замелькало в газетах в соответствующем контексте. Спасло его то, что он вошел в группу, занимавшуюся разработкой ядерного оружия, в результате чего к авторитету в научных кругах прибавилось официальное признание. В 1953 году он получил Сталинскую премию и стал членкором, а в 1966-м – «полным» академиком и лауреатом Ленинской премии. Впрочем, несмотря на все регалии, Гинзбург всегда оставался порядочным и

мужественным человеком. Достаточно упомянуть, что он, в числе очень немногих коллег, отказался подписать письмо академиков с осуждением «антисоветской деятельности» Андрея Сахарова и навещал опального физика в горьковской ссылке.

В постсоветские годы Гинзбург, несмотря на преклонный возраст, активно занимался общественной деятельностью, став, среди прочего, членом президиума Российского еврейского конгресса. Он энергично боролся с шарлатанством и лженаукой, высмеивал астрологов, уфологов и ловцов снежного человека. Большой резонанс вызвали его антиклерикальные заявления и обращения к высшим чиновникам государства с призывом не допустить преподавания религии в школе. Но, пожалуй, важнейшей темой его публичных выступлений путинского десятилетия стала защита ученых, пострадавших от очередного витка шпиономании и осужденных на длительные сроки заключения, как Валентин Данилов и Игорь Сутягин.

В 2003 году Гинзбург получил Нобелевскую премию – за работы по теории сверхпроводимости и сверхтекучести, написанные по преимуществу еще в 1950-х годах. В нобелевской речи лауреат со свойственным ему юмором заметил, что физиком низких температур увлекся в эвакуации, в казанском общежитии, где было так холодно, что вода в комнате зимой замерзала. Впрочем, Гинзбург никогда не был заложником одной темы: коллеги называют его последним из плеяды великих советских физиков-универсалов, подчеркивая, что широтой научных интересов – от оптики и физики плазмы до радиофизики и астрофизики – он выделялся даже на их фоне.

Михаил Майков

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2009 КИСЛЕВ 5770 – 12(212)

АДА ЙОНАТ: НЕ ХИМИК И НЕ ПОЛИТИК

Михаил Майков

Седьмого октября Шведская королевская академия назвала имена лауреатов Нобелевской премии по химии. Ими стали Венкатраман (Венки) Рамакришнан (индеец, гражданин Великобритании, сотрудник Молекулярной лаборатории Кембриджского университета), американец Томас Стайц (Йельский университет) – и израильтянка Ада Йонат. Она стала девятым израильским нобелевским лауреатом за 61 год существования государства.

Гарри Ноллер и Ада Йонат у бюста Пауля Эрлиха, немецкого врача, основоположника химиотерапии. Институт Вейцмана. Израиль

Ада Йонат родилась 22 июня 1939 года в очень бедной иерусалимской семье. В 1964 году она окончила магистратуру Еврейского университета, а четырьмя годами позднее за рентгеноструктурные исследования получила докторскую степень в Научном институте Вейцмана в Реховоте. Два года проработала в США, в том числе в знаменитом Массачусеттском технологическом институте, сотрудничала с НАСА. По возвращении создала в Реховоте лабораторию кристаллографии протеинов, которая на протяжении почти десяти лет оставалась единственной такой лабораторией в Израиле. С 1988 года Йонат – профессор отделения структурной биологии Института Вейцмана, в настоящее время она возглавляет Центр биомолекулярной структуры имени Элен и Милтона Киммельман при институте. За последние несколько лет Йонат стала лауреатом ряда престижных израильских и мировых наград: Государственной премии Израиля и Премии Харви (обе в 2002 году), премии Вольфа (2006 год), а также премии L'Oréal-UNESCO, присуждаемой женщинам-ученым (2008 год).

Все эти премии, в том числе и Нобелевку, Йонат получила за исследования структуры и функций рибосомы. Ее работы в этой области считаются прорывными и пионерскими.

Рибосомы, представляющие собой нуклеопротеиды – то есть структуры, состоящие из белка и рибонуклеиновых кислот (РНК), – образуются в клеточном ядре и затем мигрируют в цитоплазму. Рибосома – важнейший органоид живой клетки, служащий для биосинтеза белка из аминокислот по заданной матрице на основе

генетической информации. Этот процесс лежит в основе жизнедеятельности всех живых организмов, от человека до одноклеточных и вирусов. Активное изучение рибосомы началось в середине 1950-х годов, а ровно 35 лет назад американский цитолог Джордж Паладе, первым системно описавший ее, стал (вместе с двумя коллегами) нобелевским лауреатом – правда, по физиологии и медицине. Однако, несмотря на то что механизм работы рибосом исследуется уже не один десяток лет, многие его детали по-прежнему недовыяснены, а подробные модели строения рибосомы на атомарном уровне были получены с помощью рентгеноструктурного анализа лишь на рубеже XX и XXI веков.

Для рентгенодифракционного анализа необходимо выделить кристаллы молекул и просветить их рентгеновскими лучами. Проблема в том, что в течение долгого времени никому не удавалось получить пригодные для анализа кристаллы рибосом. Именно на этом направлении в 1980-х годах отличилась Йонат, работавшая тогда в Институте Макса Планка в Гамбурге (любопытно, что независимо от нее сходные результаты были тогда же получены группой советских ученых из Института белка в Пушино). С именем Йонат связан и решающий прорыв в моделировании рибосомы, произошедший в начале 1990-х.

Исследования строения и работы рибосом показали, что функциональную нагрузку в них несет, прежде всего, РНК. Это говорит в пользу гипотезы, согласно которой на первых этапах существования жизни именно молекулы РНК обеспечивали хранение наследственной информации и управление химическими процессами, необходимыми для ее считывания и воспроизведения (так называемая «гипотеза мира РНК»). Впоследствии в ходе эволюции эти функции были переданы соответственно ДНК и белкам.

Работы Йонат и ее коллег имеют и большое практическое значение. Рибосома отвечает за синтез ферментов, управляющих всеми химическими процессами в любой живой клетке. Поэтому детальное понимание ее функционирования необходимо для разработки лекарств, в первую очередь антибиотиков. Антибиотики последних поколений убивают болезнетворные бактерии как раз путем «выключения» их рибосом. И здесь достижения Йонат бесспорны. Именно ей удалось определить механизмы сопротивления организма лекарству и изучить на структурном уровне причины избирательного действия антибиотиков.

В общем, научное значение исследований Йонат сомнений не вызывает. Тем не менее сразу после известия о присуждении ей Нобелевской премии разразился скандал. Точнее, даже несколько скандалов разной степени интенсивности.

Один скандал – можно сказать, традиционный для нобелевской истории. Современная наука организована таким образом, что на любом мало-мальски актуальном направлении одновременно работают несколько групп примерно одинаковой квалификации, дополняющие и уточняющие результаты коллег-конкурентов. Так что выделение лидеров и первооткрывателей – задача крайне непростая. А Нобелевская премия по уставу может быть разделена не более чем на троих специалистов. Эксперты называют несколько имен обделенных Нобелевским комитетом ведущих «рибосомоведов». Особенно несправедливым считается игнорирование Шведской академией Гарри Ноллера – руководителя лаборатории Калифорнийского университета в Санта-Крус, команде которого в 1999 году удалось создать первую модель структуры целой рибосомы.

Кроме того, считается, что в награждении Йонат изрядную роль сыграл гендерный фактор. Дело в том, что за всю историю Нобелевской премии по химии ее получили лишь три женщины, причем последняя, Дороти Кроуфут Ходжкин, – чуть ли не полвека назад. И вот шведы решили проявить политкорректность и исправить столь явный дисбаланс.

Во время церемонии вручения Нобелевской премии

Наконец, значительное число экспертов полагают, что исследования Йонат – сами по себе очень значимые – имеют весьма сомнительное отношение к химии. Действительно, белковая кристаллография представляет собой отрасль биологии, причем граничащую скорее с биофизикой, чем с биохимией. Но Нобелевки по биологии, как известно, не существует, вот академики, мол, и решил поощрить близкородственную дисциплину – за счет химии. Впрочем, хотя возмущение «чистых» химиков и имеет под собой определенные основания, нынешнее решение Нобелевского комитета трудно назвать беспрецедентным – среди лауреатов по химии уже были кристаллографы, в том числе и упоминавшаяся выше Кроуфут Ходжкин. С другой стороны, у скептиков свои резоны – исследования в области методики рентгенодифракционного анализа поощрялись в свое время Нобелевской премией по физике, отчего же теперь его вдруг начали считать химией? Не оттого ли, что физика – наука гораздо более «разветвленная» и конкуренция в ней куда выше? А премией по химии не грех наградить и «постороннего»...

Последний скандал, уже не научный и даже не околонучный, а чисто политический, спровоцировала сама Йонат. В интервью радиостанции «Галей ЦАХАЛ» сразу по

награждении она призвала к освобождению из израильских тюрем всех находящихся там террористов – причем вовсе не в обмен на пленного израильского капрала Гилада Шалита, о чем сейчас ведется речь, а просто так, из соображений гуманности и справедливости. «Я не понимаю, почему мы немедленно всех их не освобождаем, – возмутилась Йонат. – Все, кто содержится в наших тюрьмах, – речь идет не преступниках, а о тех, кого мы называем террористами с кровью или без крови на руках, хотя эти дефиниции не совсем мне понятны, – не должны сидеть. Лучше подумаем о том, как сделать так, чтобы у них не было мотивации убивать и быть убитыми. Освободить их всех без исключения – и дело с концом. Даже если некоторые из них вернуться к насильственным методам борьбы с нами – это не страшно, ведь за то время, что они сидят под арестом, нашлись тысячи, которые их заменили. Тысячей больше, тысячей меньше – это не окажет на ситуацию существенного влияния». Такой шаг Израиля, по мнению Йонат, благотворно сказался бы на общей атмосфере в регионе.

Устраивать обструкцию одному из самых известных израильских ученых, только что принесшему своей стране очередную порцию славы, израильским политикам и журналистам, видимо, было не очень удобно, поэтому их реакция на демарш Йонат оказалась сдержанно-ироничной. Выразив удивление, отчего корреспонденту армейской радиостанции вообще понадобилось знать мнение кристаллографа по вопросам войны и мира, они вспомнили известный эпизод встречи Эйнштейна с Бен-Гурионом, после которой последний с раздражением заметил, что лучше разбирается в физике, чем его собеседник в политике.

Ада Йонат на пресс-конференции, посвященной присуждению ей Нобелевской премии. Институт Вейцмана. Израиль

Впрочем, при всех эпатажных заявлениях нового нобелевского лауреата и сомнениях, химия ли то, чем она занимается, или нет, никто не отрицает, что имя израильской исследовательницы уже навсегда вписано в историю науки. Не сомневается в этом и сама Йонат. «О том, что это проект нобелевского калибра, заговорили, как только появились первые признаки того, что из этих исследований может что-то получиться. Наши штудии продолжались почти 20 лет, и я всегда испытывала чувство, будто совершаю восхождение на вершину Эвереста. А когда мы наконец достигли искомого результата, я чуть было не выкрикнула от радости: эврика!» – сказала она на пресс-конференции в Реховоте, созванной по поводу присуждения ей самой известной из всех научных наград.

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2009 КИСЛЕВ 5770 – 12(212)

Авторы номера

Дмитрий Абаулин (р. 1966) музыкальный и театральный критик (газеты «Экран и сцена», «Культура», «Российская газета»).

Николай Александров (р. 1961) филолог, литературный критик, ведущий программ на телеканале «Культура» («Разночтения», «Порядок слов») и радиостанции «Эхо Москвы» («Книжечки»).

Михаил Вайскопф (р. 1948) филолог, литературовед, профессор Еврейского университета в Иерусалиме. Автор книг «Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст», «Покрывало Моисея. Еврейская тема в эпоху романтизма».

Евгения Вежлян (Воробьева) поэт, критик. Печаталась в журналах «Новый мир», «Арион», «НЛО», в газетах «ExLibris», «Книжное обозрение». Лауреат премии «Anthologia» (2007).

Матвей Ганапольский (р. 1953) журналист, теле- и радиоведущий. Лауреат журналистских премий: финалист «Тэффи», премии Международной конфедерации журналистских союзов, кинофестиваля «Золотой овен», «Телегранд».

Матвей Гейзер (р. 1940) литератор, театровед и литературовед. Заслуженный учитель РФ (1991). Автор книг о еврейской культуре и судьбе российского еврейства.

Хаим Граде (1919–1982) один из крупнейших еврейских писателей XX века. Писал на идише. Получил светское и традиционное еврейское образование. Дебютировал как поэт, был членом литературной группы «Юнг Вильне». Автор сборников стихотворений, рассказов и романов «Безмужняя жена», «Цемах Атлас», «Немой миньян».

Марк Зайчик (р. 1947) прозаик («Сделано в СССР», «Иерусалимские рассказы»). Печатался в журналах «Континент», «22».

Исаак Башевис Зингер (1904–1991) еврейско-американский писатель. Лауреат Нобелевской премии по литературе «За эмоциональное искусство повествования, которое, уходя своими корнями в польско-еврейские культурные традиции, поднимает вместе с тем вечные вопросы».

Грета Ионкис филолог, литературовед, эссеист. Публикуется в академических и популярных изданиях Германии, Израиля, США, России.

Йозель Кан (р. 1930) раввин, выдающийся знаток хасидизма. С 1950 по 1994 год был «хойзером» – в буквальном переводе «повторяющим» – человеком, который по памяти воспроизводил беседы и выступления Любавичского Ребе в субботы и праздники, когда нельзя записывать текст.

Берл-Шмуэль (Болеслав) Капулкин (р. 1969) журналист. Печатается в газете «Шомрей шабос» и в журнале «Мигдаль Times» (Одесса).

Аркан Карив (р. 1963) писатель, автор трех книг об израильском сленге, триллера (вместе с Антоном Носиком) и романа «Переводчик».

Илья Карпенко (р. 1961) филолог, литературовед, журналист.

Аркадий Ковельман (р. 1949) историк, заведующий кафедрой иудаики Института стран Азии и Африки при МГУ. Основные работы: «Риторика в тени пирамид: массовое сознание римского Египта», «Эллинизм и еврейская культура» и др.

Евгений Левин (р. 1973) журналист, переводчик, автор пособий по еврейской традиции.

Афанасий Мамедов (р. 1960) прозаик, журналист. Автор романов «Хазарский ветер» и «Фрау Шрам».

Синтия Озик американская писательница, автор романов, сборников рассказов и эссе. Награждена множеством премий, в том числе премией Бернарда Маламуда, премией О. Генри.

Лиза Плавинская искусствовед, куратор, арт-критик, художник. Публикуется в изданиях «Проект Россия», «World Paper».

Нелли Портнова историк, литературовед, доктор философии. Автор-составитель хрестоматии «Быть евреем в России».

Александр Рапопорт (р. 1960) поэт (сборники «Образ жизни», «Имя и число») и журналист (газета «Культура»).

Григорий Ревзин (р. 1964) историк архитектуры («Неоклассицизм в русской архитектуре начала XX века» и др.), архитектурный критик, журналист ИД «Коммерсантъ», главный редактор журнала «Проект Классика».

Елена Римон литературовед, переводчик, доцент кафедры еврейского наследия в израильском университетском центре «Ариэль», редактор и комментатор («Ивритская литература в русских переводах: Антология» и др.).

Андрей Рогачевский (р. 1965) культуролог, преподаватель Университета Глазго, автор книг «Риторические традиции в творчестве А.С. Пушкина» и «A Biographical and Critical Study of the Russian Writer Eduard Limonov».

Ицхак Стрешинский (р. 1980) библиист, переводчик, автор статей по еврейской истории.

Яков Шехтер (р. 1956) писатель. Член правления Союза писателей Израиля, международного ПЕН-клуба, председатель тель-авивского клуба литераторов.

Галина Юзефович филолог, журналист, литературный критик. Сотрудничает с изданиями «Эксперт», «Русский Newsweek», «Marie Claire», «Огонек» «Знамя», сайтами «Полит. Ру.» и «Частный корреспондент».

Элишева Яновская преподаватель еврейской истории и иудаизма («Новая еврейская школа», «Маханаим»), социальный антрополог (Бар-Иланский университет).